0 шляпа МЕКСИКАНСКИЙ

flldousHuxley

О работе:

Этот том, содержащий шесть коротких романов Олдоса Хаксли, относится к первой фазе великий английский писатель и мыслитель. Это рассказы о необычайной красоте и простоте, уже делающие предварительный просмотр гениального романиста контрапункта и дивный новый мир.

О оцифровке этой работы:

Эта работа была оцифрована, чтобы совершенно бесплатно предоставить вам пользу для чтения тем, кто не может его купить, или тем, кому нужны электронные средства для чтения. Дессе таким образом, продажа этой электронной книги или даже ее обмен на любое возмещение полностью осуждается при любых обстоятельствах. Щедрость-это знак распределения, поэтому:

Распространяйте эту книгу свободно!

Если вы воспользуетесь этим произведением, серьезно рассмотрите возможность приобретения оригинала.

Поощряйте автора и публикацию новых произведений!

Бразилия, апрель 2004 г.

“Для W. R.”

ИНДЕКС

ДЯДЯ СПЕНСЕР-3 МЕКСИКАНСКАЯ ШЛЯПА - 44 ХЬЮБЕРТ И МИННИ-61 Живопись-69 ПОРТРЕТ-73 МОЛОДОЙ АРХИМЕД-81

ДЯДЯ СПЕНСЕР

Я знаю людей, способных вспомнить долгую серию своего отпуска дети и видеть в памяти всегда другой пейзаж — меловые камни или горы швейцарцы; солнечное синее море или вечно суетливая серая океанская фимбрия; пустоши покрытые вереском под облаком с далекой суетой солнечного света на холмах, золотые как счастье и, как счастье, отдаленные, ненадежные и эфемерные, или безмятежные воды Например, кипарисы и пасхальные розы.

Я завидую им за разнообразие их впечатлений. Потому что приятно видеть что-то из мира. с детскими глазами, бескорыстными и некритичными, наблюдающими не то, что полезно, красиво или интересно, но только то, что для существа ростом менее двадцати футов и лишенные всякого знания о жизни или искусстве, они сразу кажутся значимыми. Это нищие, это зеленые зонтики, под которыми Кучеры сидят, когда идет дождь, а не * а саммит Bmnelleschi, а не вымогательства менеджера отеля, а не могилы посредников, которые они впечатляют путешествующего ребенка. Эти впечатления, правда, не представляют для нас особой ценности после того, как мы вырастем. (Знаменитая мудрость младенцев, с этими детскими намеками на бессмертие и все остальное никогда не представляло великого; и человек, который изучает душу детей в надежде узнать что-нибудь о душе людей имеет вероятность обнаружить что-то важное так же велика, как и человек, который думает, что может это объяснить Бетховен связывает это с диким происхождением музыки или религией, связывающей это с сексуальные инстинкты.) Не так уж и хорошо иметь такие детские впечатления, хотя бы для сравнить (чтобы мы могли извлечь философскую мораль) то, что мы видели из места, когда у нас было шесть или семь лет с тем, что мы видим снова в тридцать лет.

В моем отпуске не было разнообразия. С тех пор, как я впервые пошел в школу подготовка к тому времени, когда мои родители навсегда вернулись из Индии-я думаю, что у меня было затем шестнадцать или семнадцать лет — все они были проведены с дядей Спенсером. В течение многих лет единственные места на поверхности Земли, о которых я знал, были Истборн, где я посещал школу; Дувр (и это сводилось к порту и вокзалу), куда я

садился; Остенде, где дядя Спенсер собирался ждать меня; Брюссель, где мы меняли поезд; и, наконец, Лонгрес, в Лимбург, где мой дядя Спенсер владел сахарным заводом, который мать, моя бабушка, унаследовала от него бельгийский отец, и где у него был свой дом.

Висит над парапетом медленно движущегося корабля кормой вперед, через узкий канал порта Остенде, я использовал, чтобы заставить вид, пытаясь различить в толпа, на краю пирса, маленькая знакомая фигура. Там всегда был он, встряхивая носовой платок красочные шелковые, кричащие неслышные приветствия и советы, мешающие носильщикам и сборщики билетов, ерзая с почти неконтролируемым нетерпением за барьером, пока наконец, плотно и почти задохнулся между взрослыми мужчинами и женщинами-что процесс высадка превращалась, словно какой-то злобной цирковой магией, в рычащих зверей и иррациональные-я прибывал, сражаясь на земле, неся в одной руке свой маленький чемодан и держа с другой, на голове, если было лето, пятнистая соломенная шляпа, украшенная цветами школа; если это была зима, абсурдная кокосовая шляпа, купол которой накинут на уши, сделал меня похоже на комического ребенка, притворяющегося большими людьми.

- Наконец-то вы прибыли! - говорил мой дядя Спенсер, вырывая чемодан из моей руки. - Опоздал на одиннадцать минут.

И мы бежали на таможенный склад, как будто от этого зависела наша жизнь. мы прибываем раньше других пассажиров, превращенных в зверей.

Дядя Спенсер был мужчиной около сорока лет, когда я впервые вышел из

моя подготовительная школа провести отпуск с ним. Он был худым, довольно низким, очень быстрым, проворным и импульсивный, в своих движениях, с маленькими ногами и нежными маленькими руками. Его лицо было тонкий, хорошо очерченный, скалистый и орлиный; его глаза были черными и необычайно яркими, глубоко зажатые под выпуклыми бровями; его волосы были черными и хорошо длинные, зачесанные от лба назад. По бокам головы волосы уже начинали становясь серыми, а над ушами, так сказать, складывались два серых крыла над

головой. голова, так что, глядя на него, мы вспомнили Меркурия с его крылатой шапочкой.

- Быстрее! - говорил он. И я бежал за ним. - Быстрее! Конечно, пожалуйста, нам это способствовало спешке. Даже после

из-за осмотра моей маленькой ручной клади? всегда нужно было надеяться, что распутайте сундук. И это для моего дяди Спенсера было агонией. Хотя наши места в брюссельский Экспресс были забронированы, хотя он знал, что ни при каких обстоятельствах поезд отправился бы без нас, этой интеллектуальной уверенности было недостаточно, чтобы успокоить ее влюбленную нетерпение, чтобы смягчить ваши инстинктивные страхи.

- Ужасно неторопливо, - повторял он. - Ужасно неторопливо. - И на сотую вместо этого он смотрел на часы. - Дитес-мои — - снова говорил он часовому, размещенному у двери склада из таможни, - читает Гранд багаж…? - пока, наконец, человек, раздраженный этими вопросы, на которые он не обязан отвечать, говорили что-то грубое; на что дядя Спенсер, обиженный, он назвал его злым возвышением и grossier personnage — к ярости часового, но который не преминул значительно облегчить чувства моего дяди, потому что после такого взрыва, он мог терпеливо ждать добрых пять минут, так сильно забывая о своем беспокойстве что касается сундука до такой степени, что я действительно начал говорить со мной на другие темы, спрашивая когда я учился в этом триместре в школе, каков был мой средний балл в крике, если мне это нравилось с латыни и если старые Громовые, (*) имя, которое мы дали режиссеру из-за его благородного голоса баритон, он оставался сварливым, как всегда.

Однако по истечении пяти минут, если сундук не появился раньше, дядя Спенсер он снова начал смотреть на часы.

- Возмутительно неторопливо, - говорил он. И обращаясь к другому охраннику: - Диктес-мои, месье, читай Гранд багаж… ?

Но когда мы наконец оказались в безопасности в поезде, и ничто не мешало ему хвастаться все грации и любезности своего характера, дядя Спенсер, тогда все очарование и доброта, посвятил-добро пожаловать ко мне.

- Смотри! - говорил он. А из кармана капоте достал большой мокрый пакет, из которого существование мой нос давно уже дал мне Новости. - Угадайте, что здесь?

- Камерун — - отвечал я без мгновения колебаний.

(*) Н. Т. - Громовой живот.

И это были действительно креветки, целый килограмм креветок. Там мы сидели в противоположные углы нашего первоклассного отсека, с небольшим шарнирным столом, открытым между нами и розовыми креветками, разбросанными по ней, едят с бесконечным аппетитом и играют окно розовые раковины, хвосты и сосущие головы. Фламандская равнина проходила мимо наша сторона; длинные двойные ряды тополей, посаженных вдоль берегов каналов, а вдоль краев шоссе, двигаясь по мере того, как мы двигались, они шли параллельно нашему маршруту или, когда мы пересекали их под прямым углом, они позволяли им видеть через быстрый и значимый момент вход на проспект Хоббема. Затем колокольни Брюгге они махали издалека через равнину; еще дюжина креветок, и мы пересекали шумно станция, вся сделанная из тьмы и боеголовок в честь Мемлинга и прошлого готический. Когда мы уже съели еще один гектограмм креветок, Moderna Barrio de Ghent он напомнил нам, что искусству было всего пять лет, и оно было изобретено в Вене. В Alost as

дымовые трубы фабрик дымились; и прежде чем мы узнали, где мы были, мы уже почти прибыли в пригороды Брюсселя, с двести или триста граммами морепродуктов, все еще нетронутыми на стол перед нами.

- Депрессивный, - кричал Дядя Спенсер, которому угрожал очередной приступ тревоги. — Нам нужно покончить с ними, прежде чем мы доберемся до Брюсселя.

И в течение последних пяти миль мы ели их горячо, в скорлупе и все такое. Зло было время выплюнуть головы и хвосты.

- Ничего похожего на креветки — - никогда не переставал говорить дядя Спенсер, когда входил эспрессо медленно на Брюссельском вокзале, и последние хвосты и антенны с листом бумаги были брошены через окно. - Там нет креветок, когда мозг устал. Это фосфор, понимаешь? После все ваши экзамены в конце триместра вам нужны.

А потом нежно бил рукой по плечу.

Сколько раз с тех пор я со всей серьезностью повторял слова дяди Спенсера. “Быть спичка”, уверяю моих утомленных друзей, когда я настаиваю на том, чтобы они приготовили обед с моллюски. Слова изливаются из меня спонтанно. Мнение, что креветки и устрицы хорошо для усталого мозга это почти одно из моих убеждений и, так сказать, инстинктивный. Иногда, однако, в тот момент, когда я говорю слова, я внезапно думаю о дяде Спенсер. Я вижу, как он снова сидит напротив меня в углу Брюссельского экспресса, глаза сияют, тонкое лицо выразительно двигается, когда говорит, в то время как быстрые пальцы и нервные нетерпеливо подбирают розовые шелухи или презрительным жестом оставляют голова с усиками падает через открытое окно во фламандском пейзаже. Вспоминая дядю Спенсера, я удивляюсь, я не знаю, почему я верю менее твердо, чем я верил в то, что я сказать. И я с некоторым беспокойством спрашиваю себя, сколько еще реликвий Духа дяди Спенсер я все еще ношу его с собой, совершенно бессознательно.

Сколько наших? убеждения-более серьезные, даже если вера в то, что креветки оживляют мозг устал-они случайно приходят к нам из гораздо менее заслуживающих доверия источников, чем дядя Спенсер! Самые умные люди удивляются, придерживаясь некоторых вещей мнения которые были привиты им в детстве пагами и конюхами. До конца нашего подростковый возраст, и даже после этого, для всех нас есть определенные существа, которыми восхищаются, чьи слова проникают непреодолимо в наших умах, порождая в них убеждения, которые разум не осмеливается положить в сомнения и что, хотя они могут быть полностью вне гармонии со всеми нашими другими мнения сохраняются вместе с ними, и мы никогда не осознаем противоречий между двумя группами идей. Таким образом, эмансипированный юноша, чей отец был выдающимся гражданским слугой в Индии, является ярый апостол свободы и самоопределения; но настаивает на том, что индийцы есть и будут всегда совершенно неспособны управлять собой. И искусствовед, чрезвычайно рассудительный по отношению к Вламинку и Мари Лоренсен, он мастерски хвалит, грандиозно-и искренне, ибо это его подлинное мнение-работы художника, чьи претенциозные и посредственные картины тосканского пейзажа порадовали его тем, что напомнили ему о его юноша, старушке, уже мертвой, но которую, будучи юношей, он очень любил и восхищался.

Дядя Спенсер был для меня, в моем детстве, одним из тех восхищенных существ, чьи взгляды они имеют более чем земную

ценность для слушателя, полного восхищения. В течение многих лет верования, которые с самой страстной любовью я кормил их. Мнения, которые я сформировал для себя, я я держался с большей робостью, с меньшей пылкостью; ибо, в конце концов, они были лишь плодом моего собственное суждение и наблюдение, рациональный и поверхностный рост; тогда как мнения я получил от дяди Спенсера-как эта вера в целебные свойства Камеруна — они не имели ничего общего с разумом, но были предложены непосредственно в суб-профюндезах-рациональные, где они, казалось, цеплялись, как ракушки, за сам корпус и дно моего разума. Ожидать с тех пор удалось побрить большинство из них; и это был болезненный, трудоемкий процесс, длительный. Но, смею сказать, все еще остается большое количество из них, столь глубоко укоренившихся и

слипшиеся, что мне их невозможно узнать. Я сойду в могилу, делая определенные суждения., придерживаясь определенных мнений, рассматривая некоторые вещи и действия определенным образом — и образом, мнения, суждения будут не моими, а дядей Спенсером; и темные камеры моего ум будет до конца преследуют этот беспокойный, эксцентричный, блестящий призрак.

Есть люди, чьи привычки мышления может принять мальчик или мальчик, с наибольшим возможное преимущество для себя. Но дядя Спенсер не был одним из них. Его активный ум бросился туда - сюда, так дико и капризно, что он не мог служить проводником безопасный для неопытного интеллекта. Было показано-очень легко логично делать выводы ложных предпосылок, принятых как истинные с большой легкостью и энтузиазмом. Жить как он жил в одиночестве-в душевном одиночестве, ибо, хотя он не был затворником и наслаждался своей долей все социальные удовольствия, общество Лонгреса не могло предложить ему ничего великого в вопросах высокоинтеллектуальная компания-она была способна дать волю своей врожденной эксцентричности. Не не имея никого, кто мог бы обуздать или направить его, он стрелял по интеллектуальным дорогам, которые не вели к нигде или они не привели к болотам абсурда. Когда, спустя долгое время, я использовал развлекаясь, слушая по воскресеньям после обеда ораторов в мраморной арке, я часто вспоминал дядя Спенсер. Как дядя Спенсер, они жили в одиночестве, отделенные от основного мира Современник идей, не зная или зная так смутно, что едва ли было полезно, само

существование организованной и систематической науки, даже не зная, где искать резервы накопленные человеческие знания. Я разговаривал в парке с библейскими учеными, которые они хвастались починкой обуви или продажей сыров днем, а ночью оставались просыпаются, изучая иврит или изучая критиков Священной Книги. Я был смущен от собственного безделья, стыдясь неправильного использования моих возможностей. Эти скромные интеллектуалы, героически ищущие наставления, являются трогательными и благородными фигурами - но часто тоже пафосно смешно! Критики, которые мои Исследователи Библии раньше они читали, и над которыми они медитировали, всегда было не менее трех четвертей века опоздавшие-дискредитированные мудрецы d ” Тюбинген или буквальные вдохновители; их авторитетами были всегда книги, написанные до изобретения moderna historic Research; его геология имела доказательства их физиономия, если они были атеистами, была устаревший механистический и, если христианский, просто провективный. Вся его упрямая изобретательность, все его годы героических усилий были потрачены впустую-по крайней мере, потрачены впустую, что касается увеличения человеческих знаний, но не для себя, потому что работа, бескорыстные амбиции принесли им счастье.

Дядя Спенсер был духовно двоюродным братом этих высших ораторов и критиков Хайда Парк. У него была вся их страсть к обучению и глубоким идеям, но он не был доволен сосредоточение, как и они, на одном предмете, таком как Библия, позволяло привлекать все, что был под солнцем. Вся область истории, науки (или, скорее, того, что дядя Спенсер считал наука), философия, религия и искусство находились в пределах его компетенции. У него была его изобретательность также-изобретательность, в его случае, довольно экстравагантная, капризная и непостоянная, так как начинала страстно изучая один предмет, чтобы вскоре обратиться к другому, чей аспект казался ему в самый привлекательный момент. Как и они, это продемонстрировало-хотя и в меньшей степени произносится, потому что его воспитание было лучше, чем у них (но не намного лучше, потому что никогда он часто посещал любой культурный центр, но только один из наших старейших и самых отчаянные государственные школы) - демонстрировали огромное незнание мысли современная и мало критическая вера в авторитеты, которые для человека более систематически они, очевидно, казались бы опоздавшими; в союзе с глубоким невежеством даже методы, с помощью которых можно получить более точное знание

вселенной или меньше, более “Moderna” и в моде.

У дяди Спенсера были мнения и информация почти по каждой теме, которую кто-то дал работа, чтобы упомянуть; но информация была почти всегда ошибочной, и суждения, в которых если бы они были фантастическими. Сколько вещей он мне рассказывал, пока мы сидели лицом к лицу в углах нашего первоклассного купе, со сложенными креветками

на маленькой коралловой горе на столе шарнир между нами! Фрагменты его анимированные разговор возвращается ко мне в память:

“В Ломбардии есть кипарисы, которые были посажены Юлием Цезарем…”

“Человеческая раса происходит от африканских пигмеев. Адам был черным и был всего один метр и двадцать высотой…”

“Similia similibus curantur. Вы выучили достаточно латыни, чтобы знать, что это значит это?”(Дядя Спенсер был восторженным гомеопатом, и слова Ганемана означали это мистическая формула, своего рода Ом мани падме хум, повторение которой причинило ему огромное духовное удовлетворение.)

Я помню, как однажды, когда мы проезжали мимо сказочного нового вокзала Гента — та станция, которую пятнадцать или шестнадцать лет спустя я бы увидел, вся разрушена и разграблена отступающие захватчики - начал он, кстати, взвод солдат, стоящих на платформе, рассказывая мне, как немецкий профессор математически доказал, используя теории баллистика и шансы, что война тогда была невозможна, потому что Moderna винтовки быстрая стрельба и пулеметы настолько эффективны, что это было, как сказал дядя Спенсер, ” ci-en-ti-fi-ca-mente невозможно ” любой группе людей остаться в живых в миле от числа достаточно пулеметов, движущихся вперед и назад по дуге круга и стрельба постоянно все время. Я провел свою девочку в безмятежной уверенности, что война тогда это было в прошлом.

Иногда он говорил со мной всерьез, над Камеруном, о космогонии Беме или Сведенборг. Однако все это было настолько необычайно непонятно, что я никогда не понимал ничего. Несмотря на господство дяди Спенсера над моим разумом, я никогда не заразился его мистические энтузиазмы. Эти

психические нарушения были нарушением юности Дядя Спенсер. Реагируя на удушающую ортодоксальную респектабельность своего творения, он отдал себя, а не пристрастие не к атеизму, а к Сведенборгу. Консервара-наследие его процветающей юности в XIX век-легкий оптимизм, большая вера в прогресс и превосходство времен Moderna над древними, наряду с удобным незнанием вещей, о которых он имел бы было тревожно много думать. Это приятное представление о мире, которое я легко и обильно проглотил вместе с моими маленькими ракообразными; мои взгляды на вселенную и судьбы человека были в то время такие же розовые, как и сами креветки.

Только в семь или восемь часов вечера мы наконец добрались до места назначения. А карета дяди Спенсера-Виктория или Брум, в зависимости от времени года и условий от времени-он ждал нас у дверей станции. Мы поднимались и катались на его резиновых колесах в тишине, которая казалась почти волшебной, настолько оглушительным был шум, что колесницы обычные и простые прокатные машины на вокзале делали, когда матрац на камнях прогулка по длинной и пустынной улице Рю-де-ИА-Гар. Даже зимой, когда ничего не было. увидеть в ней, кроме случайного зеленого газового фонаря, с небольшой вселенной булыжника, кирпичные стены и закрытые окна, которые зависели от него и создавались им во тьме окружающий Rue de Ia Gare был удивительно удручающим, хотя только потому, что он был таким прямым и длинный. Летом, однако, когда мрачные кирпичные дома, окружавшие его, открылись свету с наступлением темноты, когда пыль и клочки бумаги продвигались по ней, сдуваемые дислокациями теплый ветер и запах прогорклости, улица казалась вдвойне длинной и неприятной. С другой стороны в сторону, однако, это сделало еще более поразительным и освежающим контраст между его сутулостью и просторный и свежий GrandTlace, в котором она, наконец, обнажилась, после того, что казалось тщательная подготовка через изгибы и складки между узкими улочками старого города. Рогоносец корабль, выходящий из челюстей ущелья к широкому озеру, освещенному солнцем, наш карета появлялась в GrandTlace. И момент был торжественным, с нетерпением ожидаемым и театральным, как если бы мы плавно продвигались между гобоями и тихими Фаготами, скрипки дрожали от любящая тревога вокруг нас, входящая тихо и без малейших затруднений плотницкие работы на обширной и освещенной сцене, где, как только мы заняли наше место прямо на.

спереди и по центру внезапно начнет происходить что-то потрясающее — огромный оркестровый тиитти от контрабасового тромбона до Пикколо, от зуммеров до треугольника, а затем тенора и сопрано в дуэте, о котором никогда не слышали за всю историю музыки.

Но когда настал момент, наш вход никогда не был таким драматичным. По прибытии на самом деле там мы обнаружили, что ошиблись в “опере”; это не “Парсифаль” или “Риголетто”; это было “Пеллеас” или, может быть, “деревенская Ромео и Джульетта”. Это потому, что ничего грандиозного не было вагнеровский, совсем не итальянский и безобидный в GrandTlace de Longres. Последний свет падал розовым на его башни, тени пешеходов простирались на половину площади, и на огромной площади ночью было место, чтобы быть прохладным и тихим. У готической церкви была острая игла, а семинария его сторона, башня, в то время как небольшой отель De Ville 17-го века с его прекрасной колокольней, возведенный посреди этого открытого пространства, как будто он не боится позволить себе увидеть себя всеми стороны, это было чудо веселой и трезвой архитектуры. Дома, которые обращались к нему, имели фасады действительно простые, буржуазные и гениальные, но не без определенного благородства и своего рода неприхотливая провинциальная элегантность. Затем мы скользили внутрь, и звуки гобоев приходили к нам. вход, вместо того, чтобы вести к грандиозному и помпезному всплеску гармонии, они наполняли друг друга приятно в этой красоте сумерек, тихо ликовали под розовым светом, медитировали между удлиненными тенями; и скрипки, перестав дрожать от ожидания, росли и они поднимались, как легкие, прыгающие башни, в безмятежном небе. Если бы случайно часы ударили в тот момент, когда мы вмешались, как гармонировали ноты механического перезвона очаровательно с этой воображаемой музыкой! В нужное время колокола высокой башни отеля Вилле играл менуэт и трио, звенящие и формальные, как первая композиция Боккерини в детстве это продолжалось до тех пор, пока не прошло целых три минуты. В полчаса это была патриотическая Ария той же продолжительности. Однако в четверти часа колокола только начинали мелодию. Три или четыре такта, и музыка прекращалась, и слушатель задавался вопросом, что он должен иметь приходя позже и приписывая этому фрагментарному куску rico богатое цветение у беременных и музыкальная тишина, какое-то тонкое развитие, которое сделало бы целое более очаровательным, чем пьесы позже и раньше, и очарование

которого заключалось именно в его старомодной посредственности, в старая, расстроенная и дрожащая сладость колоколов, которые звонили в него, и в дефектах механизма, которые они придавали ритму ту своеобразную и непредсказуемую неровность, что ребенок за фортепиано, языком между зубами, глаза тревожно вспыхивают от напечатанных банкнот к пальцам и наоборот, кропотливо вводит в безупречную однородность “веселого гороха”.

Эти регулярные, повторяющиеся звон перезвона были и действительно остаются-для захватчиков они пощадили колокола-существенная часть Лонгреса, характерный и узнаваемый вид, равный силуэт его трех башен, видимых очень далеко между тополями на другой стороне Широкой земли и план.

Это с небольшим смехом забавного удовольствия, которое слышит незнакомец, посещающий Лонгрес, по в первый раз, яркие рифмы и междурядья тонкой и сладкой гармонии, спускающиеся с неба, плавая над ним, одна нота следует за другой, еще не заглушенной, так что вибрации они смешиваются в воздухе, окутывая четкие контуры мелодии слабым, дрожащим ореолом диссонанс. Через час или два менуэт и трио, а также патриотическая Ария становятся знакомыми слишком много, в то время как каждое повторение фрагментов в четверти часа занимает все больше и больше загадочный, беременный, неуверенный и раздражающий. Розовый свет исчезает из трех башен, сложности церковные готики погружаются в скучный черный силуэт на фоне ночного неба; но с высоты темнота без крыши все еще плывет вниз, плывет вверх и наружу по крышам дома, через плоские поля, менуэт и трио. Патриотическая Ария продолжается и после с заката, в память о великих событиях 1830 года; и промежуточные фрагменты, как записки в записной книжке гения, подсказывают уму, в каракули двадцати заметки, великолепная тема и возможность полторы тысячи вариаций. В полночь колокола все еще играют; за полчаса до А незнакомец снова просыпается от сна; сети-помещен в комнату для четырех его предположения о возможных выводах симфонии незаконченные оставляют его бодрствовать достаточно долго, чтобы услышать менуэт и трио в

время-правильно и спросить себя, как кто-то в Лонгресе может спать. Через день или два, однако он сам отвечает на вопрос, спя

непрерывно через предложения записная книжка Бетховена, из самых преднамеренных воспоминаний о детстве Боккерини и революция 1830 года. Болезнь создает собственное противоядие, а привычка слышать перезвон вызывает постепенно состояние особой душевной глухоты, в которой живут жители Лонгреса непрерывно.

Даже будучи мальчиком, для которого бессонница была неизвестной вещью, я нашел колокола решительно раздражали первые две ночи после моего прибытия в Лонгрес. Комната дядя Спенсер выходил на самого Грандтласа, а мое окно на третьем этаже было пятьдесят дворы колокольни гостиницы Де Виль и фонтана воздушной музыки всякий раз, когда ветер дул от юг, трехлетний Боккерини, казалось, был со мной в спальне, забивая свой менуэт в мои уши. Однако после первых двух ночей он мог бить и кричать столько, сколько хотел; там не было в longres колокола, способного разбудить меня.

Что Будило меня, хотя-каждое воскресное утро примерно в половине четвертого или пять часов-это были свиньи, которые приходили на рынок. Нужно было бы провести месяц субботы в Лонгресе, чтобы иметь возможность приобрести особую умственную глухоту, позволяющую игнорировать грохот колеса колесниц на булыжниках и крики и хрюканье двух - трех тысяч свиней. Е когда вы смотрели на улицу, какое у вас было платье! Весь GrandTlace был разделен решетками на одну множество свинарников и загонов, каждый из которых полон розовых голых свиней, которые с высоты они очень напоминали многих других Элан Виталь бергсонианцев в состоянии непрекращающегося волнения. Мужчины приходили и уходили среди окруженных, разговаривали, торговались, критически подталкивали потенциальных бекон или пернис кончиком палки. Когда дело было закрыто, владелец входил в окруженный, он преследовал жертву и, схватив ее за кожаное ухо или за тонкий шнурок в обуви он нес ее между ворчанием, которое заканчивалось пронзительной и трудоемкой гармонией крик, даже закрытая машина или, может быть, даже какая-то другая окруженная чуть ниже. Преподается в Англия считает причинение дискомфорта животному столь же, если не более предосудительным, чем жестокость по отношению к своим собратьям, я помню, как был в ужасе перед из этого спектакля. Похоже, это произошло и с немецкой оккупационной армией. Столько так что между 1914 и 1918 годами ни одна свинья на рынке Лонгрес не могла быть поднята за хвост или за ухо, непослушание наказывается штрафом в двадцать марок при первом нарушении, сто Маркос в

понедельник, а после этого-наказание в виде принудительного труда на линиях связи. В все репрессивные меры захватчика вряд ли найдется что-то, что больше всего разозлит глубоко лимбургские крестьяне. Нерон был непопулярен среди народа Рима, не из-за его преступлениям и порокам не потому, что он был тираном и убийцей, а потому, что он построил посреди город дворец настолько большой, что он препятствовал въезду на несколько главных улиц. Если римляне они ненавидели это потому, что их золотой дом заставлял их каждый раз ходить на четверть мили которые хотели делать покупки. Обычные маленькие свободы, право делать мелочи которые мы всегда делали, более высоко ценятся, чем большие свободы, более абстрактные и менее непосредственные. Точно так же большинство людей скорее рискуют заразиться сыпным тифом, чем усыновить некоторые неприятные санитарные меры предосторожности, к которым вы не привыкли. В данном конкретном случае, однако был еще один вопрос: как можно носить свинью, кроме как за хвост и за уши? Нужно было бы бросить существо на спину и поднять его на четыре ноги — процесс вряд ли выполнимо, потому что центр тяжести свиньи находится так близко к Земле, что он принимает его почти невозможно перевернуть. Или же — и это то, что возмущенные люди Лонгреса оказались обязанными делать — нужно было вытянуть колесные руки животного и нести его, прислонившись к груди, как будто будь ребенком, рискуя быть укушенным в ухо, и уверен, что останется вонючая свинья остальное дневной.

В первое воскресенье после ухода немецких войск утро было плохим для свиней. Ношение свиньи за хвост было внешним и видимым символом отвоеванной свободы; и крики капады смешивались с аплодисментами толпы и диссонирующими трелями и гармониями колокола пробудились от его четырехлетнего молчания звонарем.

В десять часов рынок был закрыт. Решетчатые ограждения были унесены, а не для отметок на тротуаре - что муниципальные подметальные машины уже были тоже начав убирать — я мог бы поверить, что сцена, которую я смотрел в ярком утреннем свете, это часть какого-то беспокойного утреннего сна.

Тем не мение, более похожим на сон и более фантастическим был аспект Гран-Плас, когда, каждый год в конце августа Лонгрес готовил свой традиционный quermesse. Тогда вся огромная

площадь он был покрыт палатками с каруселями, вращающимися и мерцающими под солнцем, качелями и горами-русские, временные шпили, соперничающие со светскими постоянными башнями города, и из которых топ мы, дико крича от ужасного удовольствия, скользили по дорожке полируется по спирали, пока не достигнет пола. Повсюду были флаги, были блестящие воздушные шары и знамена, там были ярко раскрашенные таблички. На фоне серых стен церковь, побеленные фасады домов, темная кирпичная кладка семинарии и мягкий желтый трейлер Hotel de Ville, море многих цветов бурно бурлило. Огромный и неопределимый шум, который был смесью музыки четырех или пяти органов, голосов тысяч люди, звук труб и свистков, ретинирование тарелок, стук барабанов, крики и детский вой, от огромного деревенского смеха, заполнял пространство между домами от края до края — один шум такой продолжающийся и такой аморфный, что, услышанный из моего окна, был через некоторое время, почти как будто не было ни малейшего шума, а была новая тишина, в которой звенел звон из менуэта Боккерини Инфанте патриотическая Ария и фрагментарные симфонии были взяты из некоторые неясные причины совершенно неслышно.

После захода солнца белое пламя ацетилена и красное пламя газа угли вырывали из сердца ночи небольшой частный день, в который продолжалось веселье шумнее, чем когда-либо. И свет от газа, поднимающегося к башням, смешался на полпути. их иголки с лунным светом, идущим сверху, так что для меня, в моем окне, колокольни, казалось, принадлежали наполовину земле, а наполовину бледной тишине свыше. Постепенно, но с наступлением ночи Земля отказалась от своих притязаний; шум уменьшился; одно за другим пламя гасло, пока, наконец, Луна не осталась во владении абсолютный, только с несколькими слабыми и зеленоватыми газовыми лампами здесь и там, не делая ни малейшего попытка оспорить ее авторитет. Башни были от нее до корней, киосков и каруселей. с капюшоном, американские горки, качели — все это одет в золотую и черную свободу Луны. Слышно еще раз, колокола, казалось, звенели в честь нее на одну ноту слаще, больше ясная и более меланхоличная.

Но это было не только из моего окна, что я видел quermesse. С момента, когда карусели начинали вращаться, что происходило сразу после окончания одиннадцатичасовой мессы. предпоследнее воскресенье августа, до того момента, когда они наконец отдохнули, что последовало примерно в десять или

одиннадцать часов вечера следующего воскресенья я двигался почти без прекратите между прелестями ярмарки. И какая это была ярмарка! Я никогда не видел ничего подобного в Англии. Столько великолепие, такое механическое совершенство на качелях, американских горках, каруселях, башнях и прочем похожие! Такое удивительное богатство и разнообразие вспомогательных шоу! И кроме того, что чудесная дешевизна!

Когда нам надоело скользить и раскачиваться, поворачиваться и трястись, я мог пойти посмотреть по пенису человек, который вытаскивал кусочки кожи, чтобы закрепить их булавками. безопасность, делая декоративные складки и складки. Я мог бы пойти посмотреть на женщину без рук, которая открыла бутылку шампанского пальцами ног и пил за здоровье людей, поднимая бокал к губам с теми же конечностями. Затем в другой палатке, над входом которой вздымался-символ бетон добросовестно-огромные женские штаны, сидела толстая женщина - такая толстая, что я мог бы (и сделал бы это за четыре дополнительных СУ, как они нам сказали), По словам предупреждения в фламандский пригвожден к двери, которую я предпочитаю оставить в ее первоначальной диалектической безвестности, ” heur gezicht bet heur tiekes wassen”.

Рядом с палаткой толстой женщины стояла гораздо большая палатка, в которой знаменитый

Месье Фигаро с женой и семью детьми семь или восемь раз в день устраивал драматический спектакль версия страстей нашего Господа, на которую было позволено присутствовать даже духовенству. Семья Фигаро прославлялся из одного конца страны в другой, и это было не знаю, сколько лет-сорок или пятьдесят по крайней мере. Ибо было несколько поколений Фигарос. Если семь очаровательных детей и совершенно подлинные все еще ступали на сцену, это было не то, что семь первоначальных сыновей и дочерей старика М. Фигаро остался вечно молодым каким-то чудом; но, женившись и достигнув среднего возраста, они произвели своих маленьких Фигаро, которые, в свою очередь, рожденный другими, так что первоначальный пожилой М. Фигаро мог считать среди семи членов его предполагаемой семьи с более чем одним из его правнуков. Так прославился М. Фигаро, что даже песня о нем, о которой, к сожалению, я могу вспомнить только два стиха:

Et lê voilà, et lê voilà, Fi-ga-ro,

Lêplus comique de Ia Belgique, Fi-ga-ro!

Но на каком основании и в какой отдаленной эпохе истории он называл себя ” le plus comique de Ia Belgique”, я никогда не мог понять. Это потому, что единственная роль, которую я видел, старая и почтенная джентльмен играет роль Каиафы в “Страстях Господа нашего”, которая была одной из самых душераздирающие или, по крайней мере, одна из самых острых реалистичных интерпретаций, которые я помню настолько, что голоса актеров часто заглушались рыданиями, а иногда и рыданиями., за пронзительные крики ребенка, который думал, что они действительно и искренне пихают гвозди в молодом и изящном Фигаро третьего поколения, который играл роль спасителя.

Ни один день моих первых quermesses я не прошел, не идя, по крайней мере, один раз и в некоторых раз два или три раза, увидеть Figaros в их изображении; отчасти, без сомнения, потому что, в возрасте от девяти до тринадцати лет я был чрезвычайно набожным “широким церковником” (*) и частично, потому что роль Магдалины играл мальчик лет двенадцати, который я получил любить, дико, экстравагантно, как можно любить, когда ты ребенок. Я бы дал удачи и годы моей жизни, чтобы набраться смелости, чтобы спуститься на дно палатки после представление и говорить с ней. Но я не осмелился; и чтобы дать интеллектуальное оправдание моей трусость, уверяла себя, что было бы неприлично с моей стороны вмешиваться в частная жизнь, которой я приписывал весь священный характер общественной жизни Магдалины, акт кощунство как войти в церковь в шляпе на голове. Кроме того, он говорил про себя, утешая себя, я бы немного опередил себя, чтобы встретиться лицом к лицу с моей влюбленной, ибо, по всей вероятности, она говорила только по-фламандски, и я, кроме моего родного языка, в то время он говорил только по-французски и достаточно латыни, чтобы знать, чего хочет дядя Спенсер сказать, когда он воскликнул: “Similia similibus curantur.“Моя страсть к Магдалине длилась три вы хотите, но он отказался, или, скорее, пришел к концу, когда, когда он бежал к первое из изображений Фигарос в четвертом quermesse, я увидел, что маленькая Магдалина, то достигнув шестнадцати лет, она стала, как и многие девочки В подростковом возрасте, Толстой и круглый почти до точки ожирения. Моя любовь, после падения до нуля в театре, превратилась в глубокое отвращение, когда через несколько дней

я увидел ее утром перед представлением, идущим в GrandTlace с темно-синей блузкой с матросским воротником, маленькой синей юбкой до колени и пара блестящих желтых сапог, привязанных к верху толстых животов их ноги, которыми они так сжались, что пышная плоть переливалась через кожу. В год затем одна из правнучек старого М. Фигаро, которой едва ли было бы больше семи или восьми лет, занял ее место на сцене. Моя Магдалина оставила его, чтобы выйти замуж, без сомнения. Все Фигарос рано женился; было важно, чтобы не было недостатка в снабжении апостолов юноши и святые женщины. К тому времени, однако, я перестал проявлять к ней хоть малейший интерес, потому что семья или священные представления. Это потому, что это было примерно во время моего пятого если я правильно помню, что начался мой период атеизма-атеизма, но все же в сочетании со всем радостным оптимизмом дяди Спенсера по отношению к Вселенной.

(*) Член партии, которая отстаивала либеральные идеи в Англиканской церкви. (Н. Т.)

Дядя Спенсер, хотя ему было скучно слышать, как кто-то это говорит, ему почти нравилась любовь как и я. В течение всего года Август был для него лучшим месяцем; он содержал его в свои тридцать один день меньше причин для беспокойства, нетерпения или раздражения, чем в любой другой месяц. Таким образом, осталось в мир во всем мире злой, дядя Спенсер был свободен, чтобы показать себя таким взволнованным, таким веселым и таким добросердечно, насколько это было возможно. Это вызывало изумление в сдержанности, которой он обладал в этих добродетелях. Если бы я мог жизнь на одном из тех счастливых островов, где природа поставляет бананы и кокосы в большом количестве достаточно, чтобы поесть и выбросить, где солнце светит каждый день и немного татуировки единственная одежда, которая нужна, где любовь легка, торговля неизвестна и никогда не бывает слышал о грехе или прогрессе - если бы мог жить на одном из этих островов без забот, как дядя Спенсер был бы совершенно счастлив и равномерно святым! Но заботы и мирские заботы часто подавляли его радость, останавливали поток его доброта; и его живой, нервный, импульсивный темперамент-игристый источник анимации нас мучения его жизни-кипела от свирепого нетерпения, превращалась в желчный источник раздражения, всякий раз, когда он видел себя перед пассивной извращенностью материи, глупостью или двуличием

материи. мужчина.

Он показал себя в худшем во время рождественских праздников. Это потому, что период хорошего универсальная воля к сожалению, это совпало со временем производства сахара. С первыми снег, свеклу добывали из земли, и каждый день в течение трех-четырех месяцев триста тысяч килограммы корней плыли по лабиринту маленьких каналов, которые собирались дать стиральным машинам и в грозных косилках электростанции дяди Спенсера. Через все щели огромного здания выходил тошнотворный запах вареной свеклы, смешанный с самым проникающим зловонием остатков свеклы. производство-растительное волокно, лишенное сока, которое на верхних этажах трансформировалось в прибавке к скоту и во дворе в навозе. В те месяцы урожая свеклы активность была лихорадочной, бредовой. Дикая работа оргия день и ночь с тремя классами в двадцать четыре часа. После этого завод был закрыт, а до конца года он оставался там один, в широкие поля за окраинами города, пустынные, как разрушенное аббатство, тихие и без жизнь.

Во время сбора урожая свеклы дядя Спенсер чуть не сошел с ума. Окруженные яростными кругами, от усталости его глаза сияли, как у сумасшедшего; его тонкое лицо было не более чем бледной кожей распространяется на выступающие кости. Малейшее противоречие заставляло его ругаться и топать ногами нетерпение; для него было пыткой сидеть и молчать. Я помню, что в какой-то год на вечеринках к Рождеству что-то сломалось в механизме электростанции, и почти пять часов косилки и стиральные миксеры не работали. Дядя Спенсер был почти потерянным человеком когда он вернулся в GrandTlace на ужин той ночью. Как будто демон овладел им и его выгнали только ценой ужасной работы. Если бы прерывание длилось еще один время, я действительно думаю, что он сошел бы с ума.

Нет, Рождество в доме дяди Спенсера никогда не было очень радостным. Однако в пасхальные праздники, он уже начал переделывать себя. Неистовое производство сахара уступило место продаже продукт, более спокойная вещь. У дяди Спенсера появилась возможность подтвердить себя. В августе, в конце долгого и спокойного лета, он был совершенен, и он хотел он находил с его самым прекрасным хорошим настроением. Однако, когда наступил сентябрь, некоторое беспокойство предчувствие начинало проявляться. Нужно было осмотреть оборудование, изучить ситуацию с рынок труда. Когда примерно двадцатого числа месяца я уезжал обратно в школа, это был задумчивый,

угрюмый, угрюмый дядя Спенсер, который путешествовал со мной из Лонгреса в Брюссель, из Брюсселя в Остенде, и который, озабоченный другими мыслями, Махал рассеянно с пристани, когда корабль медленно скользил по ложному спокойствию выхода из бухты в сторону угрожающего и равноденствия канала.

Однако, как я уже говорил, дядя Спенсер проявил себя в самом богатом и зрелый. Он наслаждался всем, как я, и проводил со мной долгие часы ночи, блуждая среди достопримечательности GrandTlace. Я думаю, он был опечален, потому что достоинство его положения, как одного из именитые граждане Лонгреса, я не позволял ему лазить со мной на каруселях, на качелях и в

горные железные дороги. Однако, посещение вспомогательных зрелищ не было несовместимо с его серьезность; посещал их всех. Несмотря на то, что он заявляет, что считает показ неудачным дядя Спенсер, из-за калек и монстров, не переставал водить меня, чтобы увидеть их всех. Это была точка кардиал в своей теории образования что молодые люди должны быть поставлены в контакт как можно раньше с тем, что он называл реалиями жизни. И как ничто, очевидно, не могло быть больше Реальность, что женщина без руки или мужчина, который прибивал булавки к коже, была важно, чтобы я вскоре узнал о них, несмотря на несомненный плохой вкус дисплея. Это было в соответствии с тем же образовательным принципом, что дядя Спенсер взял меня в период Пасха, чтобы увидеть сумасшедший дом. Тем не менее, впечатление, что огромное здание, похожее на тюрьма и ее странные обитатели-один из которых, я до сих пор помню, радостно кабриолет моя спина, куда бы я ни пошел, похлопывая себя по лицу или ущипнув себя ласково ноги-причинил мне это было так сильно и неприятно, что в течение нескольких ночей, не я мог спать; или, если я спал, меня переполняли ужасные кошмары, которые заставляли меня просыпаться, кричать и потеть в темноте. Дядя Спенсер должен был отказаться от своего намерения взять меня, чтобы увидеть анатомическая комната больницы.

Среди монстров, стендов для стрельбы по мишеням и игр на ловкость, были разбросаны киоски, где можно было купить еду и напитки. Был человек, например, который он всегда делал большие шаги, продавая за два Су столько сырых мидий, сколько посетитель я мог есть, не кашляя. Спорить между своей верой в лечебные свойства моллюсков и его страх перед брюшным тифом,

дядя Спенсер не решался решить, позволить ли мне потратить свой пенс. Наконец, он дал свое разрешение. (“Это фосфор, понимаете?”) Я бы отдал свою медную монету, он ловил Мидию, кусал, глотал и сильно кашлял. Морепродукты были солеными, как если бы из Мертвого моря. У старого продавца была отличная сделка. Тем не менее, я видел его иногда, с видом тревоги, потому что не все его покровители были так чувствительны, как я. Быть молодые, выносливые крестьяне, которые смогли проглотить полфунта этих морепродуктов Мертвый, не моргнув глазом. Наконец, однако, рассол оказывал свое влияние даже на большинство крепкое горло.

Более удовлетворительными в качестве пищи были яблочные изделия, произведенные тысячами в большое временное деревянное строение, которое стояло в тени отеля De Ville. Люди Качество, как дядя Спенсер и я, ел жареную пищу в частичной изоляции одного из многочисленных кабинки расположены в виде ящиков вдоль одной стороны здания. Дядя Спенсер шел решительно в кабину, предназначенную для нас, не глядя влево или вправо; я он должен следовать его примеру и не проявлять ни малейшего любопытства к обитателям другие кабинки, через вход в которые мы должны были пройти по пути к нашему. Была опасность, мне объяснял дядя Спенсер из некоторых семей, которые ели яблочную жареную пищу в кабинки быть черными-я имею в виду черными политически, а не этнически - тогда как мы мы были либералами или даже, положительно, масонами. Поэтому-но как просто странно в Лонгрес, признаюсь, мне никогда не удавалось понять силу этого вывода — поэтому, хотя мы могли бы поговорить с чернокожими мужчинами в кафе, иметь с ними деловые отношения и даже дружба, мы не могли быть известны чернокожим женщинам, даже в палатке и перед лицом ужасных яблочных жареных блюд. Так что мы не должны заглядывать в кабинки ради страха. оттуда мы увидим старого дорогого друга, который окажется в неловкой ситуации, когда не сможет представить-нам его жена и дочери. Я принял, не понимая, этот закон; и мне показалось, что это совершенно закон хорошо до того дня, когда я узнал, кто запретил фиксировать знания даже с одним из одиннадцати очаровательные дочери М. Мулля. Тогда это показалось мне глупым законом.

Перед киосками, где продавались конфеты дядя Спенсер никогда не стоял на месте. Не то чтобы он она была сучкой. Напротив, он был очень щедрым. Не то чтобы я думал, что мне вредно есть конфеты; у него была профессиональная вера в достоинства сахара. Дело в том, что вещи, выставленные в палатках они

смущали его. Это потому, что в quermesse уже начали видеть некоторые из этих маленьких шоколадные предметы, которые между праздником Святого Николая и Новым годом наполняют витрины всех сладости Бельгии. Дядя Спенсер провел треть своей жизни в Лонгресе, но даже позже

все эти годы он все еще не мог оправдать или понять невинную копрофилию своих население. Шоу, в витрине кондитерской, небольшого горшка chambre, сделанного из шоколад вызвал румянец смущения на их лицах. Когда в quermesse я просил его купив мне немного сахара-cande или несколько bêtises de Cambrai, он делал вид, что не слышит, что он говорил и быстро шел. Это потому, что его-быстрые глаза видели, в одном из более высокие полки палатки доцента, длинный ряд маленьких коричневых ВАЗ, и для него было бы агонией, если бы он стоял там и ждал, пока сахар утяжелится, я наивно комментировать двусмысленный аспект этих объектов. Не то чтобы у меня когда-либо было сделал комментарии о них. Я был настолько полностью англичанином, когда сам дядя Спенсер — более того, на самом деле, потому что это было поколение дальше от фламандской матери, кровь которой у нее была, однако это практически не влияет на английское образование моего дяди. Мне тоже маленькие коричневые вазы поражали и пугали их отсутствием осмотрительности. Если бы мой спутник был еще один ученик моего возраста, я бы указал на безымянные предметы и тихо рассмеялся. Но как он был с дядей Спенсером, он хранил по отношению к ним красноречивое и беременное молчание. Притворился, что нет видеть их, но так виновато, что игнорирование их само по себе было комментарием это наполнило позором моего бедного дядю Спенсера. Если бы мы могли говорить о них, если бы мы могли бы хотя бы открыто оплакивать его существование и осуждать его создателей, это было бы лучше. Но, очевидно, мы не могли этого сделать.

Однако с годами я научился, будучи молодым и все еще податливым, становиться меньше изумленный и испуганный перед маленькими сосудами шоколада и другими проявлениями незапамятная фламандская копрофилия. В конце концов, я стал рассматривать их как нечто естественное, то же самое таким образом, сами туземцы, до тех пор, пока, наконец, Святой Николай не заполнил магазины этими эсхатологические символы, я мог жевать один или два сосуда между приемами пищи так весело и с таким же небольшим смущением, как и любой

бельгийский ребенок. Но я должен был ешьте мой шоколад, когда он смоделирован в этой форме, вдали от взглядов моего дяди Спенсера. Он, бедняга, я был бы в ужасе, если бы видел меня в таких случаях.

В таких случаях я обычно укрывался в комнате экономки — и в любом в том случае, если в это время Рождества, когда производился сахар, лучше было посидеть в веселом компания Мадемуазель. Чем с дядей Спенсером, угрюмым, раздражительным и взятым у дьявола. Мадемуазель. Leeauw был почти с самого начала первой из моих самых крепких и надежных дружеских отношений. Я думаю, что когда я встретил ее, она была женщиной лет тридцати пяти, уже изрядно потраченной на трудовую жизнь активна, но все еще сохраняет определенную степень той светловолосой, решительной и регулярной красоты, которая была в ее юность. Она была дочерью маленького фермера, который жил недалеко от Лонгреса и получал обычное деревенские наставления, дополненные, однако, в последние годы тем, чему он научился у дяди Спенсера. Этот время от времени занимался своим капризным и восторженным улучшением он одалживал ей книги из своей библиотеки и читал ей лекции по предметам, которые в момент, они были ближе к его сердцу. Мадемуазель. Leeauw, в отличие от многих женщин с таким же прошлым, как и у него, я испытывал ненасытное любопытство ко всему этому таинственное и фантастическое знание, которое богатые и праздные хранили в своих библиотеки; и не только в своих книгах, как она переворачивает своими глазами (ибо не было, когда юная леди служила пажем в доме этого знаменитого коллекционера, графа де Зюитиньи?), не только в своих книгах, но и в своих картинах, некоторые из которых, заверил меня Мадемуазель. Leeauw, они могли быть нарисованы ребенком, так плохо нарисованы были, так отличаются от и все же только Бог знал, сколько граф заплатил за них), в своих китайских сосудах, в собственные узоры ковров на полу. Все, что дядя Спенсер дал ей, она читала с жадностью, и я внимательно слушал все, что он говорил. Они появлялись так, как пятна в безграничном и невыразительном океан их невежества, некоторые, маленькие острова странных знаний. Один, например, это называлось гомеопатией; другим было строительство куполов (тема, о которой дядя Спенсер он был готов говорить с обильной и жестокой эрудицией в течение нескольких часов, его тезис был, что любой каменщик, способный закруглить сводчатый потолок печи, мог бы построить купола Святого Петра, Святого Павла и-Санта-Мария-деи-Фиоре и, следовательно, что похвалы щедро

Микеланджело, Рен и Брунеллески были совершенно незаслуженными). Третий называется анти-вивисекция. Четвертый, Сведенборг…

Результат обучения дяди Спенсера заключался в убеждении Мадемуазель. Leeauw, что знание богатых было еще более фантастическим, чем она предполагала-нереальным и абсолютно далекий от жизни, как это было на самом деле, искусственный и произвольный, как деятельность соцсети тех самых богатых, которые проводили время друг в друге, питаясь за счет одного из другой и скучный.

Это убеждение в полной тщетности знания не менее тревожило ее узнайте, что дядя Спенсер, по ее мнению, как шахта и Ходячий сборник всем человеческим знаниям он мог научить. И она очаровывала его своим почтительным вниманием, с быстрота ее понимания-потому что она была женщиной с очень большим природным интеллектом — и ее жадность ко всем новым разъяснениям. Я не доверял ему свое истинное мнение о п знание, согласно которому знание было своего рода любопытной игрой и не имеет значения на обочине жизни, достойна изучения именно по той же причине, по которой она стоила стоит научиться держать Гарро за столом-ведь это один из секретов богатых. Полюбоваться честно говоря, дядя Спенсер, несмотря на это, она не воспринимала всерьез то, чему он ее учил и хотя, когда я был с ним, я верил в Дозы в миллионную долю грамма и в высокие духовные силы, она продолжала, когда ей было плохо или когда я ел слишком много, прибегнуть к старой ложке касторового масла; хотя, когда она была с ним, она была сведенборджиана была убеждена, в церкви она была полностью православной; хотя в его присутствии она находила чудовищная вивисекция, он с удовольствием рассказывал мне о тех счастливых днях своего детства на ферме, когда отец перерезал свинье горло, мать держала животное за задние ноги, сестра она танцевала над телом, чтобы кровь текла, и она держала ведро под артерией, где кровь хлынула.

Если в глазах дяди Спенсера его гувернантка казалась такой, какой он любил ее видеть, а не поскольку она действительно была в обычных случаях, дело не в том, что она практиковала с ним неискренность сознательный. У нее была одна из тех чувствительных, нестабильных натур, которые почти адаптируются автоматически к социальной атмосфере, в которой

они находятся в данный момент. Таким образом, с людьми хорошо образованные Здравствуйте, у нее были очаровательные манеры; но крестьяне, среди которых:; аира нашла ее такой же живой фламандский вкус, такой же грубый 3 невинно грубый, как и они. Ядро его существо оставалось крепким крестьянином; но верхняя и сознательная часть его разума была так сказать, просто слабо прикреплен к основанию, чтобы он мог легко перевернуться в одну сторону или другой, без усилий или трудностей, в зависимости от меняющихся обстоятельств. Дядя Спенсер дал ему доблесть, не только как грамотная “умная” женщина, которой она всегда была в своей компании, но ТЭМ-ЭМ за то, что она была собой, учитывая ее класс-и ее происхождение, настолько удивительно хорошо образованное и отличительной, какой она была только тогда, когда была с ним и с такими же людьми, как он.

Со мной, Мадемуазель. Лиау был абсолютно естественным и фламандским. С вашим готовым и, я мог бы сказать, инстинктивное знание характера, видя, что моя смущенная реакция на кропология, гораздо более поздняя, чем у дяди Спенсера, была гораздо менее сильной, очень менее сильно укоренившийся. В то же время я понял, что у меня нет большого естественного вкуса к пошлости и склонности к тому, что я могу назвать фламандизмом. Таким образом, в моем присутствие она могла показать свое естественное фламандское ” я ” и таким образом исправить абсурдную деликатность приобретается без риска поощрения в чрезмерной и неудобной степени естественной тенденции в противоположном направлении. Я заметил, что когда Матье (или Чеунке, как они его называли), его маленький кузен, я приезжал в город и навещал тебя, Мадемуазель. Леау была почти такой же осторожной и отличительный, как когда он был с дядей Спенсером. Не то чтобы Чеунке разделял восприимчивость от моего дяди. Напротив, он испытывал такое же непомерное удовольствие во всем, как и был экскременты, которые, по ее мнению, лучше не кормить ее вкусом, а также я думал, что лучше не подпитывать свои национальные предубеждения в пользу чрезмерной сдержанности в отношении этих и другие подобные вопросы. Думаю, я была права в обоих случаях.

Мадемуазель. У лиау была старшая сестра Луиза-Луизеке на языке Лонгрес, где они ставили символ уменьшительного после почти всех имен. Луисеке, как и ее сестра, не она вышла замуж; и,

учитывая уродство женщины, она была похожа на Мадемуазель. Leeauw как очень озорная карикатура выглядит как ее оригинал, то есть очень близко и в то же время, почти ничего, сходство в этом случае подчеркивается тем фактом, что природа при моделировании некоторые особенности, опираясь на другие предки, хуже, чем те, из которых был сформирован лицо сестры-учитывая ее уродство, повторяю, это не было сюрпризом. Хотя, возможно, это было, учитывая его приданое. Луи ни в коем случае не был богат; но у него было пятьсот франков ежегодники, более или менее, которые были у его сестры, после того, как отец умер, и это место было продан вместе с двумя сотнями франков, унаследованных от старой тети его матери. Это был доход достаточно, чтобы позволить ему жить, не работая в праздности, занятой в основном соблюдение религиозных обрядов.

В предместьях Лонгра был один, маленький бегинаж, давно заброшенный его Бегины (сегодня по всей Бельгии распадающаяся и почти вымершая община) и населенные за колонию бедных и простых людей. Старые и маленькие дома стояли по бокам большая травянистая площадь, в центре которой находилась заброшенная церковь. Луисеке жил в из этих домов отчасти потому, что аренда была дешевой, но также и потому, что ей нравились ассоциации религиозные места. Там, в своем доме с остроконечной крышей, он смотрит на церковь посреди Монас-Тико четырехугольник, она могла почти поверить, что она настоящая Бегин. Каждое утро я выходил посмотреть первая месса, а по воскресеньям и праздникам она была настолько усердной в церкви почти до преувеличения.

В доме дяди Спенсера мы видели ее очень часто. Когда я ходил в церковь и когда он возвращался домой, не переставая останавливаться, чтобы обменяться словами с сестрой Антониеке. Я помню, что иногда я брал это с собой — в те времена я переходил к карьере a GrandTlace с быстрыми и тревожными шагами, подозрительными и испуганными взглядами вправо и в слева, как путешественник, пересекающий болото, кишащее бандитами-большой сумка из зеленой суеты, наполненная странными сокровищами-короной и серебряным скипетром Богоматери золотая диадема мальчика, ореол Святого Иосифа, серебряная книга с драгоценными камнями не я помню больше, чем доктор Церкви, Лилии Святого Доминика и масса серебряных сердец из которых выходило золотое пламя. Louiseke, чье рвение было отмечено и одобрено M. lê Cure, он имел редкую привилегию полировать украшения, принадлежащие к изображениям Церкви. За несколько дней до каждого из важных

праздников Святые из раскрашенного гессо были лишены реквизита и трофеев доставлено Луисеке, который, не осмеливаясь идти с драгоценным грузом под мышкой к себе домой в бегинаже он быстро пересек Грандтлас к дому дяди Спенсера. Там, на столе, в комнате Антониеке была открыта сумка с зеленым дерьмом, а сокровища были ужасно грязными и размытые после недель или месяцев оставления, они были разбросаны под светом. Своеобразный затем пасту делали из мыльного камня, смешанного с джином, который две сестры наносили на короны и сердца с кисточками для ногтей или, когда работа была тонкой и сложной, со старой щеткой зубной. Затем серебро высушивали тканью и полировали куском кожи.

Чувство мужской гордости мешало мне участвовать в том, что я считал женская работа. Но мне нравилось стоять с руками в карманах, наблюдая за сестрами они трудятся между этими царственными и священными символами и пытаются понять, насколько они позволяют мое ограниченное знание фламандского и мое почти столь же ограниченное знание жизни,

сплетни, которые Луи постоянно рассказывал монотонным и неизменным тоном цензура.

Я всегда находил Луи немного неприятным. Он обладал очарованием и качеством, которое я могу назвать это только мягкостью ее сестры; мне она казалась грубой, сварливой и даже злой. Однако вполне возможно, что я бы судил ее несправедливо, потому что, признаюсь, я никогда не мог этого вынести его уродство. Это было своего рода волшебное уродство, хитрое и извилистое, о котором я тогда думал особенно отвратительно.

Как тяжело, даже с лучшей доброй волей в мире, даже для мужчины

взрослый и разумный, судите своих собратьев без ссылки на их внешний вид! Красота-это рекомендательное письмо почти невозможно игнорировать; и слишком часто мы приписываем характер уродство лица. Или, если быть более точным, мы не делаем ни малейшей попытки проникнуть за пределы от непрозрачной маски лица до существующих реальностей, стоящих за ней, но мы убегаем от уродливых, когда видим их даже не пытаясь понять, на что они похожи на самом деле. Это чувство инстинктивного отвращения, которое уродство

вдохновляет взрослого мужчину, но у него достаточно рассуждений и силы воли, чтобы подавлять или хотя бы скрывать, у ребенка неконтролируемо. В возрасте трех или четырех лет, ребенок убегает, выбегая из комнаты перед видом некоего посетителя, черты которого ему показались неприятный. Почему? Потому что уродливый посетитель “плохой”, это “плохой человек”. И даже очень старый более продвинутый, хотя мы требуем прекратить кричать, когда появляется уродливый посетитель, мы делаем возможно-сначала, по крайней мере, или до тех пор, пока его действия впечатляюще не доказали, что его лицо противоречит его характеру-держаться подальше от его пути. Так что, если у меня всегда было отвращение к Луисеке, может быть, это была не ее вина, а мой собственный своеобразный ужас уродства меня он приписывал ей неприятные черты, которых на самом деле у нее не было. Она казалась мне грубый и сварливый; может быть, это не так, но в любом случае я так думал. И это объясняет факт о том, что я никогда не встречался с ней, никогда не пытался встретиться с ней, как я знал ее сестру. Даже после необычного события, которое через год или два после моего первого визита в Лонгрес, полностью изменил бы каждый аспект его жизни, я не приложил ни малейшего усилия, чтобы понимание характера Louiseke. Как я сейчас сожалею о своей халатности! В конце концов, никто не может обвинить маленького мальчика в том, что у него нет таких же стандартов, как у мужчины. Сегодня, вспоминая прошлое, я нахожу характер и действия Луисеке любопытными и достойными изучения в самом высокая степень. Однако двадцать лет назад, когда я встретил ее, ее уродство сначала напугало меня и всегда, даже после того, как мне удалось победить свое отвращение, оно окутало меня своего рода непроницаемая атмосфера, чтобы проникнуть в которую я никогда не мог собрать необходимый активный интерес. Кроме того, событие, которое сейчас поражает меня как такое необычное, казалось мне тогда почти нормально и без особого интереса. Как она умерла, прежде чем я успел изменить мнение в этом отношении я могу только произвести впечатление ребенка о его характере и обнаженном рассказе о факты, насколько я их знал.

Именно тогда, на моем втором или третьем quermesse, что дополнительный спектакль, Новый не только для меня (для кого на самом деле все-толстые женщины, пожиратели огня, мужчины резинки и даже самые простые карлики и великаны - это было новшеством) но даже для старших жители Лонгреса, которые при жизни, должно быть, видели в Грандтласе почти все, что мир уже

произвел в вопросах чудес, раритетов, монстров и абортов. Это была труппа танцоры дьявола, которые называли себя тибетцами из-за звучности и таинственного тона имени; на самом деле, однако, он состоял из двух индусов-экспатриантов и пары французских брюнеток меридионалы, которые в случае необходимости могли сойти за арийских соотечественников из тех темных дравидас. Не то чтобы это имело большое значение для национальности или цвета танцоров, поскольку на сцене они носили огромные маски-гигантские фальшивые, улыбающиеся, рогатые, дьявольские головы, которые, согласно они утверждали рекламу, они использовались в ритуальных танцах, исполняемых перед Далай-ламой в главный монастырь Лхасы. Сравнивая то, что я помню из них, со знанием искусства восточные, которыми я владею сегодня, я представляю, что они на самом деле пришли из магазина какого-то производителя театральные аксессуары Марселя, место, где появились танцоры дьявола первоначально. Они не были менее впечатляющими и ужасающими, как танцы не они были символическими, не были типичными и условно “восточными”, поскольку были в в основном они были изобретены французами, которые обеспечивали аргументацию и драматическую сущность Бейлс, в то время как изумленные и восхищенные индийцы внесли лишь несколько воспоминаний из религии Шивы и культа благотворительного Линга. Это сотрудничество между Востоком и Западом было тем, что гарантировал успех представительства; западная субстанция удовлетворяла своим совершенным знакомством, в то время как Восточная деталь придавала старым ситуациям вид новизны и почти новой значение.

Очарованный перспективой увидеть то, что, как предполагалось, было некоторыми характерными образцами

религиозные обряды таинственного Востока и амбициозный для улучшения моего образования, начав нас секреты этой реальности, дядя Спенсер взял меня смотреть танцоров. Однако драматическая пантомима французов представляла собой знак реальности, которого мой дядя абсолютно не делал утвердить. Он резко встал посреди первого танца, сказав, что, по его мнению, цирк это было бы веселее, что для меня, безусловно, было. Это потому, что я не был в возрасте наслаждаться пластической красотой или своеобразным моральным значением изображения танцоров дьявол.

- Индуизм, - сказал дядя Спенсер, когда мы пробирались между палатками и карусели-печально выродились из своей изначальной брахманистской чистоты.

Затем он начал раскрывать мне принципы брахманизма, повышая свой голос, чтобы меня услышали в середине шума паровых органов. Дядя Спенсер. у него была сильная слабость к восточным религиям.

- Ну, - спросила Мадемуазель. Leeauw, когда мы вернулись на ужин-им понравились танцоры?

Я сказал ему, что дядя Спенсер думал, что мы найдем цирк веселее. Антониеке он покачал головой со значительным пониманием.

- Бедняга, - сказала она и продолжала спрашивать себя, если Луисеке, кто собирается увидеть танцоры той ночью, я бы хотел зрелище.

Я никогда не знал, что именно произошло. Это потому, что тайна и, таким образом, сказать, что это событие окутало зону тишины и мое любопытство ко всему, что у меня было отношения с Louiseke были слишком слабыми, чтобы заставить меня пересечь его. Я знаю только, что два или три дня затем, когда приближался конец quermesse, маленький Альберт Снайдерс, сын адвоката, он встретился со мной на улице и спросил с сияющим выражением лица того, кто говорит что-то, что имеет обязательно быть неприятным для собеседника: - что вы думаете о его Louiseke и ухаживаниях ее с черным человеком?

Я искренне ответил, что ничего не слышал об этом, и что все будет так, как было, Louiseke не была нашей Louiseke, и мне было абсолютно все равно, что она сделала или что с ней может случиться.

- Вы об этом не слышали? - с удивлением сказал Маленький Снайдерс. - Но человек черный ходит к ней домой каждую ночь, она дает ему джин, они поют вместе, и люди видят ее тени танцуют на занавесках. Все говорят только об этом.

Думаю, я подвел маленького Снайдерса. Он надеялся разозлить меня и разозлить. жалко. Его ошибки были два: во-первых, предположив, что я считал Louiseke, как наша Louiseke, просто потому, что сестра случайно была гувернанткой дяди Спенсера; и в во-вторых, за то, что я дал мне достаточно знаний о мире, чтобы

позволить мне понять скандальное поведение Луисеке. Мне не нравился Louiseke, и у меня не было ни малейшего интерес к ее поступкам и, более того, она не видела ничего экстраординарного в том, что, как они предполагали, она имела есть.

Столкнувшись с моим непоколебимым спокойствием, маленький Снайдерс отступил, довольно смущенный. Но он отомстил, прежде чем уйти, сказав, что я, должно быть, очень глуп, что я нашел оскорбительным, и очень по-детски, не понимая.

Антониеке, которому я повторил слова маленького Снайдерса, просто сказал, что мальчик он должен быть взбитым, уточняющим, с богатством точных деталей и энтузиазмом полностью фламандцы, как, каким инструментом и где должно быть применено наказание. Я не я больше думал об инциденте. Однако после того, как quermesse закончился, и площадь снова вернулась будучи тихим, пустым дедушкой обычных дней, я наблюдал, как бесцельно бродил по улицам. коренастый человек кофейного цвета, что дети Longres, как эти три грубых мальчиков “Struwwelpeter”, они преследовали издалека, корчась от смеха. В том же году я вернулся в Англию

раньше, чем обычно, потому что меня пригласили провести последние три недели моего отпуска с одноклассником (к сожалению, в Гастингсе, так что мое знание поверхности земли не был материально увеличен посещением). Когда я вернулся в Лонгрес на вечеринки Рождество я обнаружил, что Louiseke больше не просто Louiseke, но жена цветного человека кофейный. Мадам Альфонс была такой, как ее называли, потому что никто не мог понять настоящего имени от дьявольского танцора: где-то в нем был Ал, это было только то, что было известно. Месье и Мадам Альфонс. Но эта новость, когда я ее услышал, меня не особенно впечатлила. Даже если я если бы у него было любопытство узнать больше, плотное молчание продолжало окутывать эпизод. Антониеке он никогда не говорил мне о нем; и, лишившись всякого интереса к такой реальности, не одобряя ее даже дядя Спенсер, казалось, молча считал это фактом. Что предмет его обильно обсуждали сплетники из Лонгреса у меня нет ни малейшего сомнения; и, вспоминая цензурный анекдот самой Луисеке, я могу представить, как это сделать. В моем фронт, однако, никогда не обсуждался; намеренно, я полагаю — потому что я жил под ft защита Антониеке и люди боялись Антониеке. Так получилось, что история не стала для меня более

примечательным, чем тот, который сообщил Эдвард Лир о

… Олдман Ямайки

Who casually married a Quaker;

Bui she críed out, ” Ãlack,

l have married a black!”

Which distressed that old Man of Jamaica. (*)

Который случайно женился на квакере.

Но она закричала: “Горе мне,

Что я вышла замуж за ниггера!”,

Что огорчило того старика с Ямайки.”(Н. Т.)

(*) “…Старик с Ямайки.”

В конце концов, это, пожалуй, лучший способ взглянуть на такие инциденты: не делая вопросы и без любопытства. Мы все слишком любопытны в отношении бизнеса наших сосед. Особенно в отношении бизнеса эротического характера. Какой зуд мы должны знать, если Мистер Смит имеет любовные отношения со своим секретарем, если жена ищет утешения, если это правильно министр Кабинета действительно Сатир, о котором они говорят. А пока самые невероятные чудеса они происходят вокруг нас; камни, когда мы поднимаем их и отпускаем, падают на землю; пчелы они посещают цветы; солнце светит; семена превращаются в растения; клетка, через девять месяцев, он умножает свой вес в несколько миллионов раз и становится ребенком; и люди думают, создавая мир, в котором они живут. Эти вещи оставляют нас почти абсолютно равнодушными.

Но о том, как разные люди удовлетворяют желания определенный инстинкт, несмотря на пугающую монотонность ситуации, несмотря на то, что есть только один известное и неизбежное завершение, у нас есть непрекращающееся и всегда новое любопытство. Быть возможно, однажды мы немного устанем от книг, тема которых всегда такова инстинкт. Возможно ли, что однажды успешный писатель напишет об отношениях человека с Бог, с природой, со своими мыслями и с темной реальностью, в которой он он работает не над отношениями мужчины с

женщиной. До тех пор, хотя…

Какие этапы прошла старая дева между ее преданностью и ее осуждающим осуждением любовь до его страсти к дравиду-это то, что я могу только представить. Очень вероятно, что это не так были фазы, что преобразование было внезапным и ярким, как на дороге Абрикос-и как тот, тайно и неосознанно подготовленный, задолго до событие. Тора чистая дикость, несомненно, торжествующая зоофилия и язычество танцев которые доминировали над ней, которые непреодолимо разрушали репрессивные барьеры, за которыми,

по-человечески природа Луисеке так долго теряла терпение.

Что касается Альфонса, то в его мотивах не могло быть никаких сомнений. Быть танцором дьявол, как он заметил, это была изнурительная, ненадежная и не очень прибыльная профессия. Находиться прибавив в весе, его сердце уже не было таким сильным, как снаружи, и он начал чувствовать себя в среднем возрасте. Луисеке и его небольшой доход упали с неба. Какое значение имело ее лицо? Он не колебался.

Месье и Мадам Альфонс открыли небольшой магазин на улице Нев. Перед отъездом Индия и стать танцором дьявола, Альфонс был сапожником в Мадрасе — и как таковой был способен от осквернения брамина на расстоянии двадцати четырех футов; теперь, приняв пожирателя мясо и предписано, это было морально заразно на расстоянии не менее шестидесяти четырех футов. Но в Лонгресе, к счастью, браминов не было.

Это был большой, толстый, плоский, гладкий человек, всегда улыбающийся, с улыбкой, которая это напомнило мне растянутый аккордеон. Много пар сапог я взял его, чтобы надеть подошву, потому что Антониеке, хотя и в ужасе от того, что зять у нее был тем, кого она называла негром, хотя и имел сражался со своей сестрой за ее безумное чудовищное безумие и едва мог примириться с она, Антониеке, настаивала на том, чтобы все наши услуги были оказаны “новому сапожнику”. Это, объяснила она, “это было обязательство”. Обязанность членов семьи отдавать предпочтение бизнесу другого члена в их понимании они преодолевали простые личные ссоры, которые могли возникнуть между ними.

Дядя Спенсер был частым гостем обувного магазина, где он сидел часами, пока г-н Альфонс стучал гвоздями по обуви, слушая мифологические анекдоты из “Рамаяны” или “Маха-Бхарата”, и обсуждая брахманистскую философию, о которой, естественно, он много знал больше, чем бедная Шудра, как альфонс. Дядя Спенсер возвращался с тех визитов с лучшими из распоряжение.

- Очень интересный человек, твой зять, - говорил Антониеке. - У нас был длинный разговор о Шиве сегодня днем. Очень интересно!

Антониеке, однако, ограничивался пожатием плеч. “Больше cest un nègre”, - ворчал он. Дядя Спенсер мог заверить его, насколько он хотел, что дравиды не были черными и что Альфонс скорее всего, в венах была хорошая арийская кровь. Это было бесполезно. Антониеке не позволял себе убеждать, даже не слушать. Для богатых было бы неплохо верить в такие вещи, но негр, в конце концов, был негром. И на этом дело закончилось.

Г-н Альфонс был человеком многих талантов, потому что, помимо всего прочего, он был искусным хиромант и читал удачу в руке с гравитацией, мастерская уверенность, которые были сами по себе почти достаточно, чтобы превратить то, что он сказал, в правду. Этот волшебный талант и, как правило, Восточный был изучен во время путешествия между Марселем и Лонгром с самозванцем компании гулять весело, с которым он пришел. Но он сделал трюк в грандиозном пророческом стиле, так что люди приписывали своей хиромантии весь магический авторитет таинственного Востока. Не однако можно было убедить г-на альфонса пророчествовать обо всех посетителях. Было замечено, что он выбирал своих пациентов почти исключительно из числа приходских женщин, как будто интересовались только судьбами женщин. Я мог намекнуть на все, что хотел. я хотел бы услышать свою удачу, я мог бы прямо попросить его прочитать мою руку. Но зря. В таких случаях он всегда был слишком занят, чтобы читать удачу, или не чувствовал себя в настроении пророческий. Но если девушка заходила тогда в магазин, то тут же появлялась погода и возвращалась к пророческое расположение. Не дожидаясь, пока она спросит его, она возьмет его за руку, изучит, погладит и он ткнул ладонь своими толстыми коричневыми пальцами, время от времени поднимаясь к своей пациентке эти темные глаза, сделанные темнее и выразительнее благодаря сиянию голубовато-белого в которые были утоплены, и он открыл свою аккордеонную улыбку. Пророчествовала любовь-много любви-любовь с превосходными брюнетками и рядами детей;

добрые брюнетки иностранцы и белокурые злодеи; неожиданные судьбы, долгая жизнь-все, действительно, что сердце могло пожелать. И все время он сжимал и обнимал свою белую руку между своими темными дравидийскими лапами - где он читал эти секрет. Он закатывал глаза в ее блестящую синюю эмалевую оправу и по всей ширине ее

толстые лица аккордеон его улыбки открывался и закрывался.

Моя гордость и мое юное чувство справедливости были ужасно оскорблены в этих случай. Непоследовательность человека, который не успел прочитать мою удачу, но имел бесконечность досуг для других это казалось мне абстрактно предосудительным и лично оскорбительным. Я провозгласил, даже в этом возрасте, не веря в хиромантии; то есть, думал, что судьба, что М. Альфонс пророчествовал другим они были абсурдными. Тем не мение, мой интерес к моей собственной личность и моя собственная судьба была настолько огромна, что мне казалось, я не знаю как, что все, что если бы я говорил о себе, это должно было бы иметь определенное значение. Если бы Г-Н Альфонс взял меня за руку, посмотрел на нее и сказал: “Ты щедр; твоя голова такая же большая, как твое сердце; у тебя будет серьезное заболевание в тридцать восемь лет, но после этого его жизнь будет здоровой до крайней старости; вы заработаете большое состояние в начале своей карьеры, но вам нужно быть осторожным с голубоглазые блондинки незнакомцы”, я бы сделал исключение и решил в этом случае, что должно быть немного правды в этом. К сожалению, однако, г-н Альфонс никогда не брал меня за руку; никогда не брал меня за руку я ничего не сказал. Я тоже чувствовал себя жестоко обиженным и пораженным. Мне это показалось очень удивительно, что предмет, столь же увлекательный и столь же важный, как мой характер и мое будущее не интересовало г-на альфонса так сильно, как меня. Что он предпочел погрязнуть в однообразных судьбах и глупых незначительных характерах горстки глупые девчонки казались мне невероятными и возмутительными.

Был еще один человек, который, казалось, разделял мое мнение. Это Был Луи. Если бы он пришел из салеты, она, казалось, постоянно выпрыгивала из двери темная, как кукушка, когда она стучала по часам — и видела, как ее муж читает удачу приходской женщины, ее лицо колдуньи принимало более злое выражение, чем обычно.

- Альфонс! - многозначительно говорила она.

Альфонс ронял руку пациентки, смотрел на дверь и, закатывая глаза эмалированные, морщинистые толстые лица в очаровательной улыбке, показывая зубы слоновой кости, он говорил что-то доброе.

Однако луисеке не развеял хмурый взгляд.

— Если хочешь прочесть чью-то удачу, - говорила она после того, как приходская покинула магазин, - за что вы не читаете этого маленького джентльмена? - Указывая на меня, он продолжил: - Я уверен, что он был бы очень доволен.

Вместо того, чтобы поблагодарить Луи, вместо того, чтобы сказать:" о, Естественно, я бы хотел " и протягивая руку, я всегда злобно качал головой.

- Нет, нет, - говорил я. - Я не хочу расстраивать Альфонса. Но я хотел, чтобы Альфонс настаивал на том, чтобы говорить о моем

нежный и замечательный я. Из-за моей гордости, я не любил быть обязан моим счастьем к Луисеке, я не хотел чувствовать, что наслаждаюсь своим раздражением и желанием Альфонса помедленнее. Помимо гордости, я был тронут этой странной и безымянной извращенностью, которая это часто заставляет нас настаивать на том, чтобы делать то, что мы не хотим делать — например, иметь. любовные отношения с женщиной, которая нам не нравится и чья близость, как мы хорошо знаем, принесет нам только противоречия - или заставляет нас упорно отказываться делать то, что мы страстно желаем, просто потому, что возможность сделать это не совсем так, как мы ожидали или потому, что человек, который вызвался удовлетворить наши желания, недостаточно настаивал на ваши предложения. Альфонс в таких случаях не интересовался моим будущим и не чувствуя ни малейшего удовольствия от сглаживания моей грязной маленькой руки, я всегда считал это так буквально и решительно мои отказы, и я снова начал работать с новым рвением. Я бы вышел из магазин, противился себе за то, что упустил возможность, когда был моим достичь; разъяренный на Луисеке за то, что он представил ее таким образом, чтобы воспользоваться ею было бы унизительно и с альфонсом за его тупость не замечать, как я хотел, чтобы он читал

моя рука и его большая невежливость за то, что он не настаивал, несмотря на мой отказ.

Прошли годы. Мои каникулы и Времена года сменяли друг друга регулярность. Лето, зеленые Тополи и дружелюбие дяди Спенсера уступили место холодному сезону от урожая сахара, до эсхатологических символов шоколада, до раннего наступления темноты и до моральной депрессии из ежегодной неврастении дяди Спенсера. На полпути между двумя крайностями были праздники Пасха, бледно-зеленого цвета и обнадеживающих побегов, теплоты умеренной жары и умеренная любезность. Были и акции, и каникулы. Истборн больше не видел меня; мои знания о земном шаре возросли; я стал учеником государственной школы.

Я помню, что в пятнадцать лет я вошел в период педантизма, который взял меня слишком торжественно для моего возраста. Есть много мальчиков, которые не знают, насколько они молоды, кроме как когда они достигают совершеннолетия, и молодой человек часто меньше заботится о своем достоинстве, чем растущий студент, боящийся быть презренным за свою неопытность. Это было во время этого период, когда я написал Лонгресу письмо одному из моих одноклассников, что он с радостью он сохранился, так что спустя годы мы могли читать его снова, смеяться и восхищаться этими старыми джентльмены, могилы и ученые, которыми мы были в молодости. Он прислал мне письмо описывая брак своей сестры, на что я ответил В следующих терминах:

“Как быстро, мой дорогой Генри, Шафрановая мантия и факелы Гименея сдаются место в нению, в похоронное бюро и кипарис! В то время как его дни прошли среди радостей брачный праздник, мои были омрачены окружающими ужасами смерти. С эффект, такова жизнь.”

И я подчеркнул философское размышление.

Ужасы смерти проявились больше в моих звуковых антитезах, чем в моих жизнь. Это потому, что, хотя это событие произвело на меня определенное впечатление, потому что это было первое, что произошло в моей личной орбите-я не могу притворяться, что я был очень серьезно тронут, когда умерла Луисеке, слишком старая, чтобы пытаться опыт, когда она родила наполовину фламандскую, наполовину дравидскую дочь, которая скончалась вместе с ней. Дядя Спенсер, стремясь познакомить меня с

реалиями жизни, взял меня, чтобы увидеть тело. Смерть это немного смягчило уродство Луисеке. В присутствии этого абсолютного покоя я чувствовал внезапно стыдился того, что всегда испытывал такую неприязнь к Луисеке. Я хотел быть в состоянии объяснить ей, что если бы я знал, что она умрет, я был бы более внимателен к ней, я бы попытался любить ее больше. И вдруг я удивился, плача.

Внизу, в задней комнате, М. Альфонс тоже громко плакал, к сожалению, как это было в его обязанности. Через три дня он достаточно выполнил свой долг и удовлетворенные условностями, он стал чрезмерно философски относиться к потере, которая страдать. Небольшой доход Луисеке теперь был его собственным, и, добавив к этому то, что он зарабатывал на своем обувной магазин, мог жить в почти княжеском стиле. Через неделю или две после похорон он начал заниматься сексом. Его старые товарищи, которые танцевали взад и вперед по поверхность Европы с тех пор, как они в последний раз были в Лонгре, они неожиданно появились снова в GrandTlace. Альфонс с удовольствием играл щедрого хозяина и каждую ночь после что бы кончилось зрелище, дьяволы снимали рогатые маски и, перед очками, на маленькая салета за магазином Альфонса, они весело говорили о старых временах, и с небольшим от зависти поздравляли товарища с его потрясающей удачей.

В годы, непосредственно предшествовавшие войне, я не очень часто бывал в Лонгресе. Мой родители вернулись из Индии; мои каникулы проводились рядом с ними. И когда праздники школы превратились в каникулы в колледже, и я был достаточно взрослым, чтобы заботиться о я провел большую часть своего досуга, путешествуя по Франции, Италии или Германии. Только редко и мимоходом — по пути в Милан при возвращении из Кельна или после две недели между галереями живописи Голландии — я возвращался, чтобы посетить дом GrandTlace, где он провел так много дней и в целом так счастлив. Все еще любил дядю Спенсера, но он

он перестал быть человеком, которым восхищаются и его мнения, вместо того, чтобы укореняться и распространяться внутри из моего разума, как это было когда-то, они казались по большей части в свете мой собственный знания и опыт, слишком фантастические, чтобы их можно было опровергнуть. Я тогда он слушал со всей нетерпимостью молодых людей к взглядам

стариков (и дядя Спенсер, хотя мне было всего пятьдесят лет, я казался полностью окаменелым и допотопным), соглашаясь со всем, что он говорил, с улыбкой, в которой более подозрительный человек и менее простой видел бы забавное презрение. Дядя Спенсер в те годы склонялся к каждому и снова для оккультных наук. Он меньше говорил о строительстве куполов и больше о высокие мистические потенциалы Ганемана, подробнее о Сведенборге, подробнее о брахманистской философии, в котором к тому времени он уже прекрасно внушал господину Альфонсу. Тогда я был в восторге от новая тема-расчетливые лошади Эльберфельда, которые в то время издавали большой шум в мире с его удивительной способностью извлекать кубические корни головы. Сильный в философии материалистический, в неосторожном и бездумном скептицизме, который был в то время ортодоксальностью вообще юноша, который считал себя умным, я находил удивительно смешными мистические заботы и дядя - Спенсер. Я должен найти их менее смешными сейчас, когда легкая Вера моей девочка стала довольно странной. Теперь это возможно — это действительно почти необходимо-к человек науки также является мистиком. Но тогда были оправдания, чтобы предположить, что можно было только сочетание мистики с ошибочными знаниями и фантастической психической эксцентричностью дяди Спенсер. Чем дольше человек живет, тем больше он учится.

С Мадемуазель. Леау, во время этих последних визитов я должен признаться, что не чувствовал себя полностью воля. Антониеке видел меня, по сути, таким же маленьким мальчиком, как и все эти годы, отпуск после отпуска, регулярно уезжайте в Лонгрес. Его разговор со мной всегда был о радостные события прошлого — о которых она необычайно помнила точно и подробно, с которыми мужчины и женщины, чьи умы не были задействованы интеллектуальные проблемы, которые никогда не читали много, всегда поражали своих собратьев больше всего прилежный. Погруженный, как это было тогда, во все вновь обретенные удовольствия истории, fdosofia и искусство, я чувствовал себя слишком занятым, чтобы посвятить больше, чем слишком слабый интерес за мое детское прошлое. Разве я не катался на каналах В 1905 году? Не рубленый, летом ранее, из-за такой ядовитой мускулатуры, что мое лицо распухло, как воздушный шар, и мне нужно было остаться. в постели? Возможно, возможно; когда она напомнила мне об этих вещах, я вспомнил смутно. Но какой реальный интерес могли иметь подобные факты, когда я владел Платоном, романы Достоевского, из фресок Микеланджело

думать? Как они были тоже совершенно не имеет отношения, скажем, к Дэвиду Хьюму! Как они были безвкусны по сравнению с высказываниями Заратрусты, увертюрой “Кориолана”, поэзией Артура Рембо! Для бедняков Антониеке, однако, была всей его жизнью. Я всегда чувствовал, что не показываю ее сочувствие, которое вы должны проявить. Но это моя вина? Могу ли я вернуться к тому, что было, или сделать что она вдруг стала другой,чем была?

В начале августа 1914 года я был в Лонгре по пути в Арденны, где я хотел устроиться спокойно, на месяц или около того, с двумя или тремя друзьями чтобы посвятить себя небольшому чтению, прежде чем отправиться на юг, в сторону Италии, в сентябрь. Убежденный верой немецкого профессора, которого он доказал, теориями баллистики и шансы, что война была тогда из рассмотрения, дядя Спенсер не оказал ни малейшего внимание к предчувствующим грохотам. Это был просто еще один маленький агадирский кризис, от которого ничего не вышло вылиться. Я тоже-поглощен, как я помню, чтением ” разновидностей религии Опыт ” Уильяма Джеймса - я не обратил внимания. Я даже не смотрел газеты. В это время убеждения дяди Спенсера о невозможности войны были также моими. У меня не было опыт, который заставил меня считать их необоснованными, и, кроме того, они очень хорошо подходили моим надеждам, стремлениям и политическим убеждениям-ибо в то время я был ярым профсоюзным деятелем и интернационалист.

Затем внезапно все это упало на нас.

Дядя Спенсер, однако, оставался совершенно оптимистичным. После недели борьбы,

пророчествовал, будет доказано, что немецкий профессор прав, и им придется остановиться. Я помню, что мое собственное чувство было детской анимации. Мое волнение было сильнее моего ужасный шок. Я чувствовал себя почти так же, как я чувствовал себя накануне quermesse, когда, глядя из мое окно, я видел внизу салтимбанки, устанавливающие свои палатки и двигатели на площади. Некоторые это действительно должно было случиться. Я полагаю, что это детское чувство возбуждения-это эмоция преобладает в начале войны. Пьянящий банковский выходной воздух, кажется, дует по улицам. Война всегда популярна, в начале.

Я не сразу вернулся в Англию, но позволил себе остаться на несколько дней в Лонгресе, на вакансии надежда, что он может “что-то увидеть” или что, возможно, дядя Спенсер действительно был прав — как я все еще верил — и вся сделка закончится через несколько дней. Моя надежда ” увидеть что - то ” было удовлетворено. Но это что-то не было одним из тех блестящих зрелищ и романтики, которые я себе представлял. Он состоял из нескольких небольших групп беженцев из деревень вокруг Льежа - мужчины с отросшей бородой, болезненные женщины с длинными отметинами слезы на пыльных лицах, и мальчики и девочки трясутся, как будто они спали, онемели и ошеломлены от усталости. Дядя Спенсер получил семью их в вашем доме.

— Через несколько дней, - сказал он — - когда все закончится, они могут вернуться в их дома.

Когда возмущенная Антониеке повторяла ей истории, которые они рассказывали о пожарах и расстрелы, мой дядя Спенсер не верил.

- Ведь, - говорил он, - мы в XX веке. таких вещей не бывает сейчас. Эти бедные люди слишком устали и слишком напуганы, чтобы точно знать, что они говорят.

На второй неделе августа я вернулся в Англию. Дядя Спенсер был возмущен, когда я предложил ему вернуться со мной. Для начала, сказал он, скоро все будет кончено. Во-вторых место, мы были в двадцатом веке — это то, что критяне, несомненно, сказали, когда в этом году 1500 до нашей эры, после двух тысяч лет мира, процветания и прогрессивной цивилизации, были им угрожали дикие люди, пришедшие с севера. В-третьих, ему нужно было остаться в Longres заботиться о ваших интересах. Я больше не настаивал; это было бы бесполезно.

- Прощай, мой дорогой мальчик, - сказал он с неубедительной ноткой эмоций в голосе. —

Прощание.

Поезд медленно двигался. Глядя в окно, я мог видеть, как он стоит на платформа, размахивая шляпой. Волосы тогда были полностью белыми, но лицо он был так молод, его глаза были такими темными, его тело было маленьким и худым, таким же правым и подвижным, как когда я впервые встретил его.

- Пока, пока.

Я не увижу его снова, если почти пять лет спустя.

Лувен был подожжен 19 августа. Немцы вошли в Брюссель 20 - го числа. Лонгр, хотя и дальше на восток, чем Лувен, был оккупирован только через два или три дня — поскольку город находился в стороне от прямого пути в Брюссель и внутренние районы. Один из первых актов немецкий командир отправился отправить в тюрьму дядю Спенсера и М. Альфонса. Не то чтобы у них было что-то сделал; это было просто против его существования, что командир сделал возражение. Костюм быть британскими подданными само по себе было крайне компрометирующим.

- Абер ВИР Синд — - возразил дядя Спенсер на своем довольно элементарном немецком языке, - им zwanzigsten jahrhunderd. Und der-или это будет das? - Биг вирд нихт Ланг… — заикался он, Отчаянно ищу слово -… ну, как бы то ни было, - заключил он, попав в свою собственный язык и рад возможности свободно выразить свой изумленный протест — это не продлится долго неделя.

— Это то, на что мы рассчитываем, — ответил командир на отличном английском, улыбаясь. — Но а пока мне очень жаль…

Дядя Спенсер и его британский согражданин были временно заключены в приют лунатик. Через несколько дней их отправили в сопровождении в Брюссель. Альфонс, ты сказал мне после того, как дядя Спенсер перенес несчастье с образцовым и восточным терпением. Тихо, не жалуясь-если, послушный, он стоял там, где его кладут похитители, как большая коричневая пачка, оставленная путешественник на платформе, пока идет в буфет выпить что-нибудь и съесть бутерброд. Затем послушный, что простой пакет, тихо и послушно, он шел туда, куда его звали.

- Хотел бы я подражать ему, - сказал дядя Спенсер. - Но я не мог. Моя кровь он быстро закипел.

Из того, что я помнил о нем во времена сахарного производства, я мог представить глубина, ярость нетерпения и раздражения дяди Спенсера.

- Но мы в XX веке, - повторял он охранникам. - И я не имею к этому никакого отношения. его звериная война. И куда это нас ведет? И до тех пор, пока мы будем ждать этого проклятого

станция без обеда?

Он говорил, как богатый человек, привыкший покупать все удобства и все соображение. Солдаты, которые имели терпение бедных и привыкли быть их посылали туда-сюда, бесконечно ждать в том месте, где им приказывали ждать., они не могли понять этого яростного раздражения против того, что они считали естественным порядком вещей. Дядя Спенсер сначала развлекал их, а затем, когда их нетерпение росло, вместо того, чтобы уменьшаться, это начало утомлять их.

Наконец, один из охранников тоже вышел из себя и сильно ударил его сзади, чтобы заставить его держать язык за зубами. Дядя Спенсер повернулся и вложил в человека, но другой солдат заставил его споткнуться о винтовку, и он тяжело упал на землю. Неторопливо он встал; солдаты смеялись до смеха. Альфонс, как коричневый пакет, был там, где положил его, неподвижно, без выражения, глаза закрыты.

На верхнем этаже Министерства внутренних дел немецкие власти создали вид временного лагеря для интернированных. Все подозрительные люди-сомнительные иностранцы, непокорные туземцы, любой человек, которого захватчики подозревали во влиянии опасны для своих соседей-их отправили в Брюссель и закрыли в Министерстве Внутри, чтобы оставаться там, пока власти не успеют рассмотреть ваше дело. Это было для этого импровизированная тюрьма, которая привела дядю Спенсера и его соотечественника дравида в душный полдень конец августа. В обычный год, размышлял дядя Спенсер, то quermesse де Longres будет тогда в полный фюнцион. Толстая женщина будет мыть лицо своей грудью, Фигаро будут если бы между рыданиями была страсть нашего Господа, женщина без рук выпила бы здоровье с пальцами ног, продавец сырой мидии будет с нетерпением ждать, чтобы услышать первый хриплый звук, который можно рассматривать как кашель. Где они все были в том году, все эти хорошие люди? А где он сам был? Он с недоверием оглянулся вокруг себя.

На чердаке Министерства внутренних дел компания была странной и смешанной. Были бельгийские дворяне что захватчики считали опасным оставлять в своих замках среди крестьян. Был один русская графиня и анархист заключены в тюрьму из-за своей национальности. Был певец опера, которая, возможно, была международным шпионом. Была маленькая подражательница, из златовласый, который выступал в мюзик-

холле Льежа и чье преступление, как у дяди Спенсер и дравида должны были быть гражданами Великобритании. Были многочисленные и разнообразные французы и французы, пойман не на той стороне границы. Был один игрок в реалехо, который продолжал играть “Брабансон” после того, как ему сказали остановиться, и целая коллекция бельгийцев, из всех классы и оба пола из всех частей страны, которые совершили то или иное преступление или возможно, они просто казались подозрительными и надеялись, что их судьба будет решена, как только власти успели уделить им внимание.

В этом обществе собралось время от времени дядя Спенсер и дравид были случайно играть. Дверь закрылась за ними. Как новички в аду, они должны были взять лучшее вашей ситуации.

Верхний этаж Министерства внутренних дел был разделен на большую комнату и несколько небольшие жилые помещения, последние со стенами, по большей части облицованными отсеками и шкафы, в которых хранились бумажные изделия лет бюрократической деятельности.

В небольших комнатах заключенные положили соломенные матрасы, подаренные им их тюремщики; мужчины спали в комнатах на одном конце коридора, женщины в еще один конец. Большая комната, в которой должен был разместиться персонал службы регистрации Министерства, он по-прежнему содержал множество письменных столов, столов и стульев. Тогда он служил гостиной, столовая и площадка для заключенных. Там не было туалета, но умывальник и chalet de necessite, как его называл дядя Спенсер, с характерным преуменьшением. Жизнь в чердак Министерства внутренних дел был не очень приятным.

Дядя Спенсер заметил, что заключенные, которые не были погружены в меланхолию и нездоровая тревога за будущее, они сохраняли почти слишком шумную веселость. Казалось, нужно ли мне воспринимать эту ситуацию как потрясающую шутку или медитировать на нее как на самую ужасные кошмары. Казалось, альтернативы не было. Со временем, без сомнения, две крайности они бы выровнялись в такой же спокойной отставке. Но заключение было слишком коротким для этого; а ситуация была еще очень Новой, как сон, и призрачной, а судьба очень неопределенной.

Веселые были изобилуют шутками, громким смехом и тяжелым подшучиванием. Быть создана в тюрьме своеобразная атмосфера частной школы. Те, чье заключение было больше старый (а некоторые уже были в Министерстве почти неделю, почти со дня въезда от немцев в Брюсселе) взяли на себя неотъемлемое право ветеранов делать новые-прибывшие чувствуют себя новичками и неудобными. Каждый первокурсник подвергался проницательному допросу, как тот, кто ждет нового мальчика в своей первой школе. Иногда, если жертва выглядела особенно наивные, они играли с ним небольшую шутку.

Лидер веселой группы был .бельгийский журналист средних лет-крепкий и крепкий мужчина, с усами морковного цвета и очень красным цветом лица, громовым голосом, бесконечным даром смеха и гениальности бунтарский разговор. Столкнувшись с появлением скромного дравида, он чуть не закричал от радости. Столь на самом деле его интерес к альфонсу был большим, что дядя Спенсер сбежал как самый перфункторный экзамен и минимум мучительной игры. Возможно, это было очень хорошо, потому что дядя Спенсер не был в настроении быть мишенью для шутки, даже со стороны товарищ по страданиям.

В фолианте бедного Альфонса журналист немедленно импровизировал фарс. Сидеть как судья за одним из столов в большой комнате, он привел дравида к себе присутствие, давая ему понять, что это был немецкий комиссар, отвечающий за его дело. Узел допрос дравид был вынужден рассказать всю свою историю. Место рождения, Мадрас; профессия, сапожник… Клерк записывал все свои ответы по мере их произнесения. Когда он говорил о танце дьявола, судья попросил его продемонстрировать его выступление прямо перед письменным столом. Вопрос о ее браке с Луисеке был сфокусирован в самых сокровенных деталях. Убежден, что его свобода и, вероятно, его жизнь они зависели от его искренности, Альфонс отвечал на все вопросы максимально правдиво что мог.

В конце концов, журналист, прочистив горло, сделал резюме и вынес решение. Невинный. О заключенный будет немедленно освобожден. На большом листе официальной бумаги он написал laissez прохожий подписал фон дер Гольца и, открыв ящик стола, выбрал из многочисленных печатки в нем тот, который в более счастливые времена использовался для запечатывания определенных дипломов сельскохозяйственный. В густом красном воске появилась фигура ценной коровы шортхорн, имеющей к себе верните слова: “Pour 1’ amélioration de Ia roce bovine.”

- Вот оно, - взревел журналист, протягивая ему запечатанную бумагу. - Вы можете снять-если.

Бедный Альфонс взял свой laissez passer и, кланяясь с интервалами почти до земли, отошел на спину из комнаты. Радостно взял шляпу и маленький маггл, побежал к двери, постучал и позвал. Часовой снаружи открылся, чтобы посмотреть, что это было. Альфонс представил паспорт.

- Абер Васс ист дас? - спросил часовой.

Альфонс указал на печать: за улучшение породы крупного рогатого скота; для подписи: фон дер Гольц. Часовой, думая, что это она, а не дравид, жертва розыгрыша, рассердился. Он грубо толкнул Альфонса через дверь а внутри. Когда, протестуя, бормоча и улыбаясь примирительно бедняга снова двинулся вперед, чтобы объяснить часовому обман, солдат он поднял винтовку и прикладом ткнул его в живот, что заставило его отступить, согнуться и кашляет, по коридору. Дверь захлопнулась. Бесполезно, когда он выздоровел, Альфонс забил ее и кричать. Он не открылся снова. Дядя Спенсер обнаружил, что он стоит там-стучит, слушает, берет ударить. Слезы текли по их щекам; дяде Спенсеру потребовалось много времени, чтобы сделать это-вы понимаете, что все дело было не чем иным, как шуткой. Наконец, Альфонс позволил себе взять на свой матрас. Молча легла и закрыла глаза. В правой руке все еще он держал паспорт-крепко, драгоценно, между его толстыми коричневыми пальцами. Не я бы выбросил; еще нет. Может быть, если бы я заснул, я бы узнал, проснувшись, что этот инцидент у двери это была мечта. Роль перестала бы быть шуткой, и когда на следующий день она показала ее опять же - кто знает? - часовой предъявит оружие, и он спустится; и все солдаты в двор заставил бы его воздержаться, и он выходил на солнечные мас, размахивая подписью, указывая на толстую красную печать.

Он лежал там очень тихо. Его рука была скрещена над его телом. Между пальцами его рука висела на бумаге. Смелый, как могла быть только подпись генерала-завоевателя, фон der Golz высовывался из листа. И в правом углу, внизу, напечатанный на Красном воске, изображение священной коровы было символом истинного спасения через разделяющий океан и век. Pour V amélioration de Ia roce bovine. Не было бы, возможно, в таких обстоятельствах больше разумно ли начинать с человеческой

расы?

Дядя Спенсер оставил его, чтобы пойти упрекнуть журналиста за варварство его шутки. Нашел его сидящим на полу - потому что не хватило стульев для всех-обучая подражатель златовласого мужчины ругается по-французски.

— И это, - говорил он своим громким радостным голосом, - Вот что ты должен сказать фон дер Гольц, если однажды встретится с ним.

Он произнес серию оскорбительных слов, которые повторила маленькая подражательница тщательно искаженные его невнятной английской интонацией, его ясным и высоким голосом; ” Sole вид Кошона. “Журналист издавал смех от настоящего удовольствия и бил руками по бедрам.

- Что будет после этого? - спросила она.

- Простите, - сказал дядя Спенсер, прерывая урок. Это было немного румянец. Он никогда не любил слышать такой язык и в устах девушки (которая, кроме того, это казалось соотечественницей) это выглядело вдвойне огорчительно. — Прошу прощения. — Быть он умолял журналиста больше не подшучивать над альфонсом. - Он очень серьезно относится к этому — объяснить.

Услышав его описание отчаяния дравидов, маленькая подражательница осталась тронут почти до слез. Журналист, у которого, как и у всех нас, было сердце золото всякий раз, когда ему напоминали о его существовании — и, как и всем нам, оно должно было быть вспоминается очень часто, потому что его собственные удовольствия и интересы очень часто они мешали ему вспомнить-журналист крайне сожалел о содеянном,

он заявил, что не имеет ни малейшего представления, что Альфонс так серьезно отнесется к мелкой мистификации, и пообещал оставить его в покое в будущем.

Прошли Дни. Кошмар стал привычным, следовал рутине. Три раза в день скудный запас неаппетитной пищи приходил и потреблялся. Два раза в день один офицер со взводом солдат сзади совершал инспекционный визит. Утром каждый ждал их очередь умываться; но во второй половине дня были огромные

пропасти теплой погоды, которые заключенные они пытались заполнить играми, разговорами, чтением старых досье из архивов, одиночная медитация или прогулки с одной стороны коридора на другую — двадцать шагов от каждого в сторону, вверх и вниз, вверх и вниз, пока я не прошел в воображении расстояние между одним и другим любимым и известным местом. Вверх и вниз, вверх и вниз. Дядя Спенсер иногда шел по усаженной тополями дороге между Лонгресом и Варетом; в раз Чаринг-Кросс он шел по Стрэнду, проходил под железнодорожным мостом и поднимался на холм до Св. Паутс и Св. Paufs до банка и da Bank мучительно до Лондонского Тауэра, реки и корабль. Иногда он ходил со своим братом из Шамони в Монтан-Верт; из Гренобля через от перевала до Большого Шартреза. В других случаях, менее утомительно, он гулял со своей матерью, умер задолго до этого, через поляны Виндзорского леса, где трава такая зеленая в начале лета каждый лист выглядит изумрудно освещенным внутри; и здесь, и там, среди дубы, рододендроны с темными листьями зажгли свои многочисленные розовые луковицы.

Вечером веселые, с журналистом во главе, устраивали развлечения для развлечения компания. Сам журналист читал стихи из своего сочинения о кайзере. Жалость французы делали несколько любительских трюков с пачками колод, шарфами и монетами. Певец опера кричала громче всего своим потрясающим теноровым голосом: “La donna è mobile”,” O sole mio ” и, когда требовалось что-то более серьезное, “Dieu s’avance à travers Ia lande” Сезара Франка последний спетый им, однако, в лирическом стиле, настолько богатом, что дядя Спенсер, который очень любил песня, почти не могла ее узнать. Однако самым популярным номером всегда был номер “знаменитая дива, Эмми Вендл”, как называл ее журналист, когда представлял ее группе. О энтузиазм был потрясающим, когда появилась Эмми Вендл-одетая в стильную короткую куртку из Итона, широкий накрахмаленный воротник, полосатые брюки и цилиндр, несущий в руке маленький Бенгалия-исполняла два-три громких чечетки и пела песню с этим хором:

We are The nuts that get the girls

Ev-ER time;

We get the ones with the curly ciais, We get thepeaches, we get thepearls…

Ev-ER /ime.(*)

И когда, в конце номера, она снимала цилиндр и, жестко в положении смысла, как солдат, с очень серьезным выражением лица на его маленьком детском лице с курносым носом, глазами блюз, зацикленный на видениях, которые не были от мира сего, пел неестественным голосом сорванца. с улицы поразительно английская версия “брабансона”, так что это было больше, чем энтузиазм. Эй мужчины внезапно почувствовали слезы на глазах, а женщины обильно плакали. Когда это было сделано, все яростно стучали ногами по земле, хлопали в ладоши и махали с платками они смеялись и кричали на немцев проклятия, говорили “Vive Ia Belgique”, бегали для Эмми Вендл они держали ее за руку, шлепали ее по спине, как будто она была на самом деле парень или целовал ее-но как будто она не была девушкой, и в довершение всего, одетая в очень узкие полосатые брюки-целовали ее cbmo если бы она была символом нации, видимое и обаятельное воплощение собственного патриотизма и несчастья их.

(*) “Мы шаткие, что мы получаем с девушками

Каждый раз;

“Мы получаем те из кудрявых гроздей, “мы получаем виноград, мы получаем те

жемчуг

Каждый раз.”(Н. Т.)

Когда вечернее веселье заканчивалось, компания начинала расходиться. Раскинувшиеся на своих жестких матрасах на полу, заключенные спали суетливо или стояли просыпаясь в душную ночь, слушая шаги часовых во дворе внизу и слушая время от времени, через странную тишину захваченного города, тяжелые прошедшие полк идет по пустынной улице, Глухой и сильный шум марширующей батареи в направлении с какого-то Дальнего фронта.

Прошли Дни. Дядя Спенсер вскоре привык к странному маленькому аду, в котором его выпустили. Я знал его наизусть. Огромная квадратная комната с низкой подкладкой и душной под ней крыши из свинцовых листов. Мужчины в рубашках, стоя или

сидя, некоторые в стулья, некоторые в углу стола или стола, некоторые на полу. Некоторые сгорбились на локтях на подоконнике и смотрели наружу, удовлетворяя глаза видом деревья в парке через дорогу, вдыхающие чистейший воздух - потому что воздух в комнате был зацеплен, дважды вздохнул, и пахло потом, дымом и капустным супом.

С самого начала заключенные почти автоматически разделились на небольшие группы отдельный. Равные в своих страданиях, они все еще сохраняли свои социальные различия. Игрок в реалехо, ремесленники и крестьяне всегда сидели вместе в углу пола, играя с пачка откормленных писем, курящих и, несмотря на жалобы, несмотря на искренние усилия по сдерживаться, плевать на землю вокруг себя.

- Это мое! - торжествующе произнес игрок в реалехо, показывая свой туз червей. — Быть чувак! - И плюнул профессионально, чтобы подчеркнуть свое удовлетворение. - О, помилуй! - он сказал в затем вспоминая слишком поздно и бегая глазами по комнате с выражением того, кто просит извинение. - Простите!

Он вставал, терся сапогом о землю и, подойдя к окну, сгорбился, чтобы выйдите и снова плюните — не то чтобы я чувствовал в этом необходимость, потому что это было всего лишь мгновение, что плюнул, но чтобы показать, что у него хорошие манеры, и он может плевать в окно, а не на пол, когда он это помнил.

Другой отдельной группой была аристократия. Был маленький старый граф, лицо которого было как чайник - с блестящими круглыми лицами и очень тонким и неуместным носом; и молодой граф монокль-один, так нежно любезен со всеми, но, несмотря на это, так в стороне и в стороне от всей своей вежливости; другой, таким высокомерным образом, но, может быть, видеть это, так сильно желая, чтобы его социальное положение позволило ему слиться с теми, кто был им духовно равны. Старый граф вежливо смеялся всякий раз, когда журналист или какой-либо член веселая группа пошутила; молодой граф закрывал хмурый взгляд, пока монокль не был единственным гладкая поверхность, оставшаяся на его морщинистом лице. Но я жаждал, чтобы я мог присоединиться к шуткам тяжелые и шутливые. С двумя графами были связаны два или три богатых гражданина и в первую очередь, дядя Спенсер. Однако, другие интересы собирались сделать с которым он почти полностью покинул их компанию через некоторое время.

По краям этого круга время от времени бродила русская графиня. Эта леди проходила большую часть дня в своей комнате, лежа на матрасе и куря сигареты. Были мнения решил на уважение, которое было из-за ее класса и ожидал, что туалет будет он сразу же освобождался всякий раз, когда проявлял желание использовать его. Когда ему говорили, что ему нужно было дождаться своей очереди, у него был приступ ярости. Когда ей было скучно быть одной, она ходила в гостиную искать кого-то, с кем можно поговорить. Однажды он отвел дядю Спенсера в сторону и заговорил-вы долго и с богатством интимных деталей о девятом и величайшем любовном романе его жизни. После этого всякий раз, когда я видел, как она бегала по комнате, большие темные глаза и выступающий, дядя Спенсер позаботился о том, чтобы погрузиться в разговор с кем-то еще.

Ее соотечественник, анархист, был мужчиной еврейской внешности с черной бородой и нос такой же, как номер шесть. Он не был связан ни с одной из небольших групп, он был очарован

с войной, которая, как он радостно пророчествовал, уничтожит так называемую цивилизацию и поставит перед собой задачу показать себя как можно более неприятно со всеми-особенно с графиней, которая он даже оскорблял конфиденциально по-русски. В соответствии с тем же принципом демократический, который завладел единственным существующим креслом в тюрьме — это должен был быть трон су шеф-повар dtoision по крайней мере-отказ уступить ее даже даме или инвалиду. Он сидел на ней неподвижно весь день, ночью клал ее между матрасом и стеной и проводил до даже в ванной комнате и в шале.

Радостная группа собралась, подобно планетам, в фолианте лучезарной веселости журналист. Его любимое развлечение было искать в любопытных досье файлов, которые он мог прочитать в громкий голос перед собравшейся группой с соответствующими комментариями и импровизированными поправками. Однако, самая вкусная из всех ее шуток была сделана ритуально каждое утро, когда она изучала дворянские документы всей бельгийской аристократии (найдены, тщательно охраняются, в шкаф в коридоре), выбирая среди благородных имен несколько высокозвуковых названий, которые я брал его с собой в шале де несессите. Среди его учеников было несколько бюргеров, французов и бельгийцы; одиозный и запятнанный молодой

английский банков, удивленный своим отпуском за границей; русская графиня, когда она была в определенных положениях; подражатель человека время от времени; и оперный певец.

С последним дядя Спенсер, который был большим меломаном и даже пианистом относительно хорошо, он делал частые попытки поговорить о своем любимом искусстве. Обнаружить, однако оперный певец интересовался музыкой только настолько, насколько это повлияло на голос тенора. Следовательно, он никогда не слушал Баха или Бетховена. О Леонкавалло, однако, о Пуччини, Сен-Санс и Гуно были чрезвычайно взволнованы. Это был внушительный персонаж с лицом широкая и симпатичная, и изящная и снисходительная улыбка великого человека, который не отказывается даже общаться с нами. С женщинами, как я часто говорил, я получил большой успех. Однако его страх сделать что-нибудь, способное повредить голос, был почти таким же сильный, когда его похотливость и его тщеславие. Он провел свою жизнь, как монах Фиваиды, в состоянии вечный конфликт. Якобы и якобы член веселой партии, в тайне певец опера очень заботилась о своем будущем. В частности, он спорил с дядей Спенсером ужасы ситуации.

Наиболее явно меланхоличным был маленький, седой учитель латыни, который перешел к большую часть дня катаюсь на одном .из стороны в сторону в коридоре, как волк в клетке, медитирующий и вздыхает. Бедный Альфонс, прижатый спиной к стене возле * двери, был другим грустная и одинокая фигура. Иногда он задумчиво смотрел на колеса, наблюдая за товарищами по команде. тюрьма в его различных профессиях с воздухом обитателя вечности, наблюдающего за непонятные моменты тех, кто живет во времени. Иногда он проводил целые часы глаз закрытые в состоянии медитации. Когда кто-то говорил с ним, он возвращался в настоящее, как будто он пришел с огромного расстояния.

Для дяди Спенсера, хотя, как все они постепенно стали отчужденными! Отступить, казалось, они потеряли себя из виду; и с его исчезновением фигура Эмми Вендл прибыла больше затем он стал больше и ярче. С первого момента, когда он увидел ее, там, сидя на полу, получая урок порицания от журналиста, дядя Спенсер посвятил его особое внимание. Подойдя к ним, он был приятно впечатлен ребячество и невинность ее внешности - за вздернутый носик, голубые глаза, волосы желтые, так упрямо вьющиеся, что ей нужно было носить их короткими, как у мальчика, ибо сколько бы масла я ни положил или сколько бы я

ни оттянул их назад, я никак не мог их сделать длинная шевелюра. Даже в ее личной женской жизни — и это только заставляло ее выглядеть более по-детски-был намек на мужскую имитацию. Потом, когда я добрался до расстояния, от прослушивания из этих уст вышло “salè espèce de cochon” и еще на один ряд голосов меньше приятный. Впечатляет, шокирует. Однако мгновение спустя, когда я рассказывал им поскольку бедный Альфонс плохо воспринял шутку, она сказала самые очаровательные вещи, с так много истинного чувства в ее голосе кокни, так искреннее выражение сочувствия и

сочувствие на его лице, что дядя Спенсер продолжал задаваться вопросом, правильно ли он это слышал, и если это “продажа Кошон ” и все остальное действительно могло быть произнесено таким деликатным и чувствительным существом.

Состояние волнения, в котором дядя Спенсер жил после ареста, поразительное и ужасное новизна его ситуации, несомненно, предрасполагает его в определенной степени влюбиться. Часто случается, что эмоция — при условии, что она не настолько сильна, чтобы сделать-в бессознательном для всего, кроме она-побуждает нас чувствовать другое. Таким образом, опасность, если не достаточно острый, чтобы вызвать панику, он имеет тенденцию связывать нас с теми, с кем мы бежим. риск, когда чувства сострадания, сочувствия и даже любви стимулируются и ускоряются арест. Страдание также часто приносит с собой потребность в привязанности и даже, хотя мы не хотели бы признавать это даже в наших глубинах, смутно своего рода желание; так что страсть к страданиям превращается в едва заметные степени, а иногда и, внезапно в любовной страсти. Обычное отношение дяди Спенсера к женщинам было крайняя резервация. Когда он был юношей, он любил и был помолвлен, но предмет его привязанности я бросила его ради другого мужчины. С тех пор отчасти из-за страха повторить свое разочарование, отчасти из-за своего рода романтической верности неверной, она избегала женщин или, по крайней мере, если он старался больше не любить себя, всегда живя в состоянии совершенного безбрачия, которое он сделал бы честь самого добродетельного из священников. Однако волнения последних дней встревожили все ваши привычки жизни и мышления. Опасение опасности, возмущение, которое было вещью сильно отличается от периодической раздражительности сахарного производства, глубокого недоумения и чувство умственной дезориентации

оставило его без его обычной защиты и в состояние чувствительности выше обычного. Так что, когда он увидел, в середине его кошмара с открытыми глазами, эта очаровательная детская голова, когда она услышала эти нежные слова сочувствуя бедному дравиду, он был странно тронут; и был удивлен, посвятив себя Эмми Wendle интерес, который он не посвятил ни одной женщине с тех пор, как первый неверный из юности он оставил его.

Все сговорилось, чтобы дядя Спенсер заинтересовался Эмми Вендл — все, не только ваше эмоциональное состояние, но и место, время, внешние обстоятельства. Он он мог бы посещать ее в мюзик-холле каждый вечер в течение года; и хотя он мог бы оценить ее номер — и на самом деле я бы не оценил его, так как нашел бы его по сути вульгарным — хотя мог бы чтобы найти ее красивой и очаровательной, ей никогда бы не пришло в голову попытаться встретиться с ней или представить себя в ее история. Однако там, в этой жалкой импровизированной тюрьме, она приобрела новое значение, он стал воплощением всего, что было изящным, мягким, сочувствующим, всего, чего не было война. И в конце его представления (все еще безвкусно, это было правдой, но более допустимо, это было сделано для утешения аффитов), так как это было очень впечатляюще его способ петь “брабансон”! Она стала великой с величием момента, с величие эмоций, которые он выражал в своем грубом мальчишеском голосе-пение ликование, агония и непобедимый дух человека. Мы приписываем символу то, что у него есть священная вещь или идея, которую он символизирует. Два куска дерева расположены в форме Круза нет. два общих куска дерева. В любом кризисе в нашей жизни более тривиальным объектом или незначительным человеком в себе может стать по какой-то причине, наделена всем величием момента.

Даже инцидент с “продажей Кошона” способствовал росту интереса моего дяди Спенсер Эмми Вендл. Это потому, что, если она была доброй, невинной и молодой, она олицетворяла себя в своем маленький и яркий я все несчастье и все мужество нации”, весь мир скорбит, она также была склонна к ошибкам, женственна и слаба; она была подвержена плохому влиянию, ее можно было сбить с толку. А воспоминание о тех грубых фразах, произнесенных наивно, невинно и открыто (как наиболее pudicos всегда могут произнести их, когда они находятся на незнакомом языке, вокруг чьи слова обычай не кристаллизовал то богатство ассоциаций, которое он дает местным голосам его своеобразное и изменчивое значение, от возраста к возрасту) наполнило дядю

Спенсера тревогой и миссионерское рвение спасти от коррупции такую потенциально красивую и даже Великую природу.

Со своей стороны, Эмми Вендл была очарована дядей Спенсером, по крайней мере, во время

первые дни после знакомства. Для начала он был англичанином и говорил на ее языке; это было также — Чего не было у столь же английского и внятного банковского дела-джентльмена. Еще больше важно для Эмми, в его расположении момента, он не пытался сделать его суд. Эмми нет я хотел поклонников в то время. В нынешних обстоятельствах она думала, что это будет неправильно, неудобно и неприлично думать о свиданиях. Она пела “брабансон” с религиозным рвением слишком много для этого; момент был слишком торжественным, слишком необычным. На самом деле торжественность момент и пыл его патриотических чувств могли бы, если бы случайно подходящий парень был с ней на чердаке Министерства внутренних дел, заставил ее любить с пылом наделен почти религиозным качеством других своих чувств. К сожалению, ни один молодой человек адекватно представился. У банковца были пятна на лице, и он не был джентльменом, журналист был из средний возраст и очень крепкий. Они оба пытались привлечь его к суду. Но его набеги были, для Эмми, вся непристойность-ухаживания в святом месте. С дядей Спенсером, однако, она она чувствовала себя в полной безопасности. Это было не только потому, что у него были седые волосы; Эмми уже жила достаточно знать, что этот символ не является гарантией приличного поведения — скорее наоборот; но потому что он был, очевидно, таким джентльменом, из-за признаков духовность и мягкий идеализм отпечатались на его лице.

Сначала, действительно, это было просто для того, чтобы избежать утомительного и неприличного внимания банковское дело и журналист она обратилась к дяде Спенсеру. Однако вскоре он полюбил свою компания. Стал интересоваться тем, что он говорил, серьезно выслушивать его разговор он ” никогда не говорил ничего, кроме полезных и интеллектуальных тем, не имея меньший тривиальный резерв разговора.

В первые дни Эмми относилась к нему с почтительной вежливостью, которую она считала должной мужчина своего возраста, своего положения и характера. Впоследствии, однако,

когда он начал следуя за ней с ее жалким обожанием, она стала более знакомой. Неизбежно, потому что нельзя ожидать, что кто-то, кого вы заклеите умоляющими глазами, будет относиться к вам как к старому и важному собака. Она называла его дядей Спенни и командовала им, заставляя его брать и приносить вещи, как будто быть обученным животным. Дядя Спенсер, естественно, получал удовольствие только от того, что подчинялся ей. Находиться очарованный знакомствами, которые она взяла с ним. Период его изящных и колючих знакомство (промежуточное звено между его уважением и его последующей жестокостью) было в отношении дяди Спенсер, самый счастливый из их коротких отношений. Он любил и чувствовал, если не любил в отместку, за менее весело переносится.

Другой человек взамен взял бы на себя вольности, был бы легкомысленным, галантным и назойливым. Дядя Спенсер, однако, серьезно и нежно сохранился сам. Его единственная расправа с “Дядя Спенни”, а остальные пошли называть ее по имени вместо “Мисс Спенни”. Wendle”, как всегда торжественно звонил раньше. Да, Эмми чувствовала себя в безопасности с дядей Спенни; почти слишком безопасно, возможно.

Разговоры дяди Спенсера, как я уже сказал, всегда носили очень серьезный характер. Быть в то время они были еще более серьезными, чем обычно, потому что катастрофа, а затем и его страсть дали ваш разум ” очень суровый образ мышления. Было так много, что в свете событий последние несколько недель он потребовал пересмотра. От теории немецкого учителя до проблемы добра и от зла; от идеи прогресса (ибо, в конце концов, разве мы не были в двадцатом веке?) дойти строгая теория и новый странный факт любви; от интемационализма до Бога-все это нужно было рассмотреть снова. И он все обдумывал вслух с Эмми Вендл. А доброта, например, была не более чем относительной вещью, вопросом социальных условностей, измеряется просто местными и случайными стандартами? Или было что-то абсолютное, окончательное и фундаментальный в моральной идее? И Бог-может ли Бог быть absolutamene хорошо? И будет ли разница настолько обширны между двадцатым и другими веками? Может ли реальность рифмоваться с идеалом? Все эти тревожные вопросы нужно было задать и ответить еще раз для его удовлетворения собственный.

Для дяди Спенсера было характерно, что-после того, как они приняли во внимание все, что

это случилось — он ответил на все из них с оптимистической стороны, точно так же, как он это делал до катастрофа; и, кроме того, с более глубоким убеждением. Раньше он принимал радостное видение. идеалист с немного чрезмерной легкостью. Он унаследовал ее от века, в котором родился, высосал ее из старшие, респектабельные и всегда зажиточные, среди которых он был воспитан. Обстоятельства были теперь, когда эта легкая радость казалась довольно глупой. Тем не менее, это было точно потому что я должен был пересмотреть возражения против оптимизма, аргументы против доверия, нет. теоретически в пустоте, но практически и посреди личного и всеобщего бедствия (последнее очень терпимо, когда мы удобно размещены, но реально и тревожно, когда мы тоже немного страдаем), что он тогда убедил себя, с большим трудность, но глубже, истины того, во что я верил раньше, но легкомысленно и, как я видел сейчас, почти случайно. События вскоре нарушат эту вновь обретенное убеждение.

Эмми слушала его с энлево. Обстоятельства, время, место склоняли ее к серьезный и вдумчивый нрав. Речи дяди Спенсера были именно тем, что ей было нужно в данный момент. Естественно суеверная, она постоянно жила под защитой золотая свинья, которую он носил в качестве талисмана, и коралловый крест, принадлежавший его матери. Когда удача была неблагоприятной, он ходил в церковь и советовался с провидцами. В тот раз, когда я сломал Пема, и ему нужно было расторгнуть этот замечательный контракт на экскурсию в Австралию, он знал, что ибо он не обращал внимания на Бога во все предшествующие месяцы; он молился и обещал исправляться. Когда ему стало лучше, Бог послал ему предложение от Cohen'S Provincial Alhambras Ltd., в знак того, что ее арендная плата была принята, и она была прощена. И теперь, хотя казалось, он принадлежал к веселой группе на чердаке Министерства внутренних дел, его мысли были тайно очень серьезно. Ночью, когда она просыпалась на матрасе, она спрашивала себя в в чем причина всего этого-война и отсутствие удачи в том, чтобы быть пойманным немецкий. Да, в чем может быть причина? Почему Бог снова рассердился на нее?

Но, естественно, она знала почему. Это было все из-за этой ужасной сделки в июне последний, когда я работал на Уимблдоне. Тот парень, который ждал ее у задней двери, из театра; и что он пригласил ее пойти с ним поужинать. И она

ответила, что да, хотя это было против ваши правила. Да: потому что у него был очень красивый, очень утонченный голос, почти как голос очень категоризированный актер Вест-Энда. “Я пришел посмотреть на марионеток”,-сказал он ей. “Похоже, что марионетки никогда не выходят за пределы пригорода, не так ли? Но я остался из-за тебя.”

* Они ехали на такси из Уимблдона в Пикадилли. “Однажды”, - сказала она, указывая на павильон, “вы увидите мое имя там большими светящимися буквами: Эмми Вендл.“Сто фунтов в неделю и настоящий Вест-Энд. Какой сон!

У него были “прекрасные манеры”, и он выглядел таким милым, когда его видели в ясном свете. Они взяли шампанское на ужин.

В темноте Эмми покраснела от ретроспективного стыда. Уткнулся лицом в подушку, как будто он пытается спрятать себя от какого-то пронзительного взгляда. Неудивительно, что Бог был зол. В агонии поцеловал коралловый крест. Вытащил синюю ленту, на конце которой, между ее две маленькие груди, висел золотой поросенок; держал талисман в руке, плотно, как будто я надеялся извлечь из нее что-то из этой силы felicida.de таинственно охраняется в его внутри, как сила привлечения железных опилок, хранится внутри Магнита.

В нескольких футах русская графиня тяжело дышала. К хриплому звуку, Эмми вздрогнула, вспомнив о подлости, которая спала так близко к ней. Это потому, что, если она позволила будучи технически правой девушкой, ей было стыдно за то, что теперь ее удача повернется; она знала, за гнев Божий, который сделал зло. Но графиня, если бы сон не одолел ее, она бы продолженный всю ночь хвастаться своими любовниками. Для среднего класса Эмми, откровенность графини, ее свобода по отношению к обычным предрассудкам, ее аристократичность презрение к общественному мнению и его самонадеянности-самонадеянности почти всех праздных женщин и о праздных людях, которым нечего делать или о чем думать — - о том, что единственный конец

жизнь заключалась в том, чтобы заниматься любовью, сложно, тихо и со многими людьми, казалось глубоко шокирует. Не имело большого значения, что она не правильная девушка — или лучше правильная вдова. То, что казалось Эмми таким ужасным, было то, что она говорила в этом отношении, как будто это не так

право было естественным, обычным и даже положительно достойным. Неудивительно, что Бог был зол.

Для Эмми, дядя Спенсер — или я должен называть его сейчас дядей Спенни? - принес комфорт и поддержка в его страданиях, полных раскаяния. Правда, его бессвязные предположения не всегда они были особенно актуальны для ее собственных осложнений; и она не всегда понимала о чем он говорил. Но в его выступлениях, что бы ни было, было верно качество, которое она находила вдохновляющим и воодушевляющим. Так Дядя Спенсер, цитируя Сведенборг доказать, что, несмотря на все нынешние встречные явления, все было наверное, конечно, это был самый большой из фаллоимитаторов. В нем было что-то похожее на классового священника очень высокий-священник Вест-Энда, так сказать. Когда он говорил, она чувствовала себя лучше и более безопасный способ.

Он внушал ей такую уверенность, что однажды, когда журналист делал что-то шумная игра, которая занимала все остальное в компании, она взяла его в пролет одно из окон и рассказал ему все, МОТ почти все, о эпизоде, из-за которого Бог я был так зол. Дядя Спенсер заверил его, что Бог не смотрит на вещи точно так же, как и что, если он решил, что должна быть европейская война, не было по всей человеческой вероятности, с целью создания предлога, чтобы заставить Эмми Вендл — какой бы виновной она ни была-оказалась запертой на чердаке Министерства внутренних дел в Брюссель. Что касается самого греха, дядя Спенсер пытался заставить ее поверить, что это не так серьезно, как она верила. Он не знал, что она считает его серьезным только потому, что он был в тюрьме и естественно подавленный.

— Нет, нет, — утешительно сказал он, - не стоит так серьезно относиться к этому.

Но осознание того, что это нежное и невинное существо однажды отклонилось от добродетели — и, если это было один раз, почему бы и не дважды, почему бы и нет (мой дядя Спенсер оставил свои собственные ночные мысли лихорадочно размышляют), почему не пятьдесят раз? - я беспокоил его. правда, что она представляла себя окруженной злыми влияниями, как журналист; но между тем, как ее учат сказать “sale cochon” и эффективное отклонение от добродетели было значительной разницей. Никогда не случалось Дядя Спенсер, что Эмми могла выйти за пределы фазы “Кошона”. И теперь я слышал свои собственные губы. они сказали, что это произошло.

Безбрачный, как священник, дядя Спенсер не пользовался опытом священника в Исповедник. Я никогда не читал эти удивительные руководства Cie Практическая психология, плод мудрости накопленный веками, в течение которых семинарист учится понимать кающихся, сортировка и измерение их грехов и, в конце концов, такие жестокие, голые и непреклонные описания от человеческого порока, который они содержат-ненавидеть искушения, которые, когда деликатно окрашены в цвет в розовом они могут выглядеть так чертовски привлекательно. Его незнание людей было огромным. В своем уточнении он предпочел не знать; и обстоятельства до этого сговорились чудесно, чтобы сэкономить вам знания.

Годы спустя, я помню, когда мы встретились снова, он спросил меня позже от молчания, и говорить с усилием, как будто чтобы победить отвращение, что я на самом деле я думал о женщинах и обо всех"вещах такого рода". Это был вопрос, касающийся того, что в то время я чувствовал горечь и веселый цинизм тех, кто добился наибольшего успеха в любви со многими, к которым у меня не было ни малейшего интереса, и, к сожалению и настойчиво, плохо успех с единственным, в котором успех, по крайней мере, окупился бы.

- Итак, вы действительно думаете — - сказал дядя Спенсер, когда я остановился, чтобы дышать, - что действительно ли многое происходит от этого вида?

Я действительно так думал.

Он вздохнул и закрыл глаза, словно чтобы скрыть от меня свое выражение лица. Находиться думая о Эмми Вендл. Как страстно ждал, когда я покажу, обязательно и априори, что она была добродетельной!

Есть определенные чувствительные и идеалистические люди, у которых открытие мира такое, какое оно есть это вызывает внезапную и бурную реакцию в смысле цинизма. После полета в сферах чистоты идеально, они падают в грязь, трутся о нее носом, едят ее, купаются и валяются в ней. Laceram ваши собственные превосходные чувства и удовольствие от боли. Они получают удовольствие от макуляции вещей которые раньше находили прекрасными и благородными; они с тошнотворным вниманием исследуют грязные внутренности вещей чья мягкая и прекрасная

кожа была тем, что они когда-то любили.

Свифт, безусловно, был одним из них — самым большим из них. Ваш тип наши острова все еще приходят производя, возможно, более обильно, чем когда-либо прежде, за последние два или три поколения. Это потому что девятнадцатый век специализировался на том оптимистическом и романтическом идеализме, который утверждает, что человек в целом хороший и неизбежно становится лучше. Идеализм людей Средневековье было более разумным, потому что для начала он настаивал на том, что человек в основном и по сути, злой, грешник по инстинкту и наследственности. Его идеалы, его религия были божественные и неестественные противоядия от их первородного греха. Сначала они увидели худшее, и никто ужас мог удивить их-но только случайное чудо сладости и света. Но его потомки романтического, оптимистичного и гуманитарного века, в котором родился и вырос дядя Спенсер они проявляли свой идеализм по-другому. Они начинали с того, что видели лучшее; они настаивали на том, чтобы мужчины были от природы хорошими, духовными и добрыми. Чувствительный мальчик вырос в этом утешительной вере не нужно было ничего, кроме как встретиться с характерным образцом греха оригинал, чтобы быть пораженным, шокированным и разочарованным до отчаяния. Обстоятельства и темперамент позволил дяде Спенсеру сохранить свой романтический оптимизм гораздо дольше время, которое большинство мужчин.

Позднее признание существования первородного греха расстроило разум дяди Спенсера. Но последствия этого не были немедленными. В тот момент, когда он стоял перед красивой и пьяное присутствие Эмми и хотя она все еще была доброй, он не мог поверить, что она иметь свою долю первородного греха. Даже когда он изо всех сил пытался поверить, наивное лицо и по-детски она сама по себе была полным оправданием. Это было позже-особенно когда это было отдельно от нее - что яд начал действовать неторопливо, озлобляя ее весь дух. В тот момент признание Эмми только усилило страсть к ней. Для начать, потому что это сделало ее еще более нуждающейся в защите. А потом, мучительно удовлетворяя часть своего любопытства по поводу ее жизни, он усилил ее желание знать все, полностью погрузиться в свою историю. Одновременно это вызвало ретроспективную ревность в сочетании с сильным и настоящим подозрением и мучительным прогнозирование будущих опасностей. Его страсть стала как бы болезненной болезнью. Он преследовал ее с непрестанной и жалкой преданностью.

Облегчение, отчасти благодаря духовной помощи дяди Спенсера, отчасти благодаря целительной силе от времени, от ее первого приступа раскаяния, депрессии и самоцензуры, Эмми начала выздоравливать его нормальная анимация. Дядя Спенсер стал менее необходимым для нее в качестве Утешителя. Потеть непонятные спекуляции начали ее утомлять. В противоположном направлении шутки веселая группа казалась смешнее, в то же время, что и галантереи журналиста и банковское дело они казались менее отталкивающими, потому что-теперь, когда их расположение изменилось - они впечатляли как менее неудобные и неприличные. Ее больше не было в церкви, духовно говоря. В церкви замкнутая и застенчивая преданность дяди Спенсера казалась чудесно на своем месте. Теперь, однако, это снова выходило из темного настроения он считал ее довольно смешной, и, поскольку он не отвечал взаимностью. обожание, скучно.

- Если бы ты мог видеть себя, дядя Спенни, - говорила она ему, - как ты выглядишь…

Она опускала уголки рта и открывала глаза с благоговейным и убогим выражением лица.

Затем гримаса заставила дядю Спенсера увидеть, как его обожание действительно отражается он рассыпался в смехе; глаза прищурились, рядом с ним появилась небольшая горизонтальная морщинка кончик курносого носа, рот открывался, волны веселья, казалось, выходили из него через лицо и пронзительный смех привел его к попытке улыбки.

- У меня действительно такая внешность? - он спрашивал.

- Да, правда, - отвечала Эмми, утвердительно качая головой. - Это не так. очень радостная вещь, на которую можно смотреть днем и ночью, не правда ли?

Иногда-и это для дяди Спенсера было неописуемо болезненным — она действительно приходила позвать третьего человека, чтобы разделить удовольствие за его счет; он связывал банковское дело, оперный певец или журналист к его насмешливому смеху.

Младшая, которая в первые дни была такой легкой и ласковой, становилась жестокой.

Эмми была бы огорчена, без сомнения, если бы она знала, как сильно она его ранит. Но он не жаловался. Она просто знала, что дядя Спенсер был смешным. Искушение сказать что-то остроумное и неприятно о нем было неотразимо.

Компании дяди Спенсера она предпочла компанию журналиста, банковского дела и певца опера. С банкиром он говорил об актерах и актрисах Вест-Энда, артистах мюзик-холла и звездах кинематографический. На самом деле он был не очень джентльменом, но в этом увлекательном предмете у него было необыкновенные знания. Певец открыл ему ослепительную и почти неизвестную вселенную о лирическом театре - мире искусства, способном вызвать такое уважение, что он стоял даже выше Вест-Энд. Журналист рассказывал ему острые истории из театрального мира Брюсселя. Дядя Спенсер сидел на краю группы, слушая тихо и сквозь пропасть разлуки, в то время как Эмми и банковское дело согласились, что Кларис Мэй была красивой, Джордж Роби смешнойдиссимо и Флоренс Смитсон художник действительно высокого класса. Когда его просили мнение, дядя Спенсер всегда должен был признать, что он никогда не видел художника, о котором идет речь. Эмми и и оперный певец с язвительным сарказмом спросил дядю Спенсера как человек, который заявлял, что любит музыку, мог прожить всю свою жизнь, не делая этого даже попытка послушать Карузо. Дядя Спенсер был слишком подавлен, чтобы попытаться объяснить.

Прошли Дни. Иногда узника вызывали и осматривали власти немецкий. Старый маленький дворянин, похожий на чайник, был выпущен через неделю после прибытие дяди Спенсера; а через несколько дней надменный юноша в монокле исчез. Затем, пропало большинство крестьян. Затем русский анархист был

призван, долго осмотрел и отправил обратно, чтобы обнаружить, что его кресло занято журналист.

На четвертой неделе ареста дяди Спенсера Альфонс заболел. Бедный человек никогда он возвращается к эффектам пьесы, которая была сыграна ему в день его прибытия. Меланхоличный, подавленный из-за страха, более ужасного из-за того, что они расплывчаты и не имеют определенной цели (ибо я никогда не мог понять что и кем он был заключен в тюрьму, и что касается его окончательной судьбы, никто не мог убедить его что было бы чем-то другим, кроме самой медленной и ужасной смерти), он сидел, медитируя в одиночестве в углу. Его помилование, подписанное фон дер Гольцем и запечатанное изображением священной коровы, он он все еще сохранял это, потому что, хотя он был интеллектуально уверен, что роль не имеет ценности, в фюндо его существа продолжал слабо надеяться, что однажды он превратится в талисман; и в любом случае образ коровы был очень утешительным. Время от времени я снимал бумагу. из кармана он страшным образом разворачивал его и с большими печальными глазами смотрел на священное чучело: налить Vamélioration от Ia roce bovine-и слезы текли из-под ее век, они оставались они висели между ресницами и, наконец, катились по коричневым лицам.

Эти лица уже не были такими круглыми, как раньше. Кожа бамбеара, глянцевая выпуклые выпуклости потеряли свой блеск. Ужасно он томился. Дядя Спенсер делал возможно, чтобы подбодрить его. Альфонс был благодарен, но не наслаждался утешением. Потерял всякий интерес

даже женщинами. Когда, зная от дяди Спенсера, что индиец был своего рода пророк, Эмми попросила его прочитать мне руку, он равнодушно посмотрел на нее, как на нее простой мужчина, а не подражатель, и отрицательно покачал головой.

Однажды утром он пожаловался, что ему так плохо, что он не может встать. У него была горячая голова, он кашлял, тяжело дышал и чувствовал боль в правом легком. Дядя Спенсер он попытался придумать, что Ганеман будет прописывать в таких обстоятельствах, и пришел к выводу, что миллионная часть” зерна ” аконита была бы подходящим лекарством. К сожалению, не миллионная часть “зерно” аконита можно было найти по всей тюрьме. Из поисков получилось лишь одно стекло таблетки

аспирина и, предоставленные русской графиней, пакет порошкообразного кокаина. Было сочтено, что лучше всего дать дравиду по одной дозе и дождаться врача.

Во время своего полуденного визита инспектор был проинформирован о состоянии альфонса и обещал немедленно отправить доктора. Однако на самом деле врач прибыл только утром следующий. Тем временем дядя Спенсер стал медсестрой дравидов. Тот факт, что Альфонс вдовец из рифмы своей домработницы и проживший в приемном городе, заставил дядю Спенсера стать он чувствовал себя в некоторой степени ответственным за бедного индейца. Кроме того, он был удовлетворен тем, что у него был какой-то это позволило бы ему забыть о своей несчастной страсти, хотя бы частично и для случайный момент.

* Английское измерение эквивалентно 64,8 мг. (Н. Т.)

С самого начала Альфонс был уверен, что умрет. Дядя Спенсер предсказал его неизбежное вымирание, не только с безмятежностью, но и почти удовлетворением. Я чувствовал, что умираю. оскорбляя и обманывая своих врагов, которые так дьявольски хотели положить ему конец в данный момент как бы они ни хотели, и как бы ужасно они ни хотели. Напрасно дядя Спенсер заверил его что я не умру, что ничего серьезного.

- Через восемь дней, — сказал он, - я умру.

И, закрыв глаза, замолчал.

Врач, приехав на следующий день, диагностировал острую поясничную пневмонию. Узел подавленный лихорадкой, Альфонс улыбнулся дяде Спенсеру с почти триумфальным взглядом. Что Ноктюрн бредил и начал бесцеремонно говорить на языке, который дядя Спенсер не мог понять.

Дядя Спенсер слушал в темноте непостижимую болтовню дравида и внезапно с дрожь, с чувством ужаса, почувствовала-в присутствии этого человека другой расы, говоря на незнакомом языке, слова выходят из темных глубин, которые не были услышаны ни один человек, и даже его собственная душа не слышала и не понимала — он чувствовал себя неразборчиво одинокий. Я застрял с самим собой. Он был на острове, окруженном со всех сторон одиночеством. огромные и бездонные. Пока индеец болтал, молился мягко, убедительно, адулативно, то

в истериках, то громко смеясь, Он думал обо всех миллионах и миллионы мужчин и женщин в мире все одиноки, все одиноки и ограничены. Думал о друзья, непонятные друг другу и непрозрачные после целой жизни товарищество. Думал о дистанцированных любовниках, когда они находятся в объятиях друг друга. И ему открылась безнадежность его страсти — безнадежность всякой страсти, ибо всякая страсть он стремится достичь того, что в природе вещей недостижимо: слияние и взаимопроникновение двух жизни, из двух отдельных историй, двух одиноких и навсегда разобщенных индивидуальностей.

Индиец смеялся до смеха.

Однако недостижимость чего-либо никогда не является поводом перестать желать этого. Волос напротив, он имеет тенденцию увеличиваться и даже создавать желание. Так наша любовь к тем, кого мы знаем и наше желание быть с ними часто усиливается их смертью. И невозможность от повторного общения с ним действительно превращается безразличие в привязанность, уважение и уважение к тому, чья компания в жизни казалась скорее скучной, чем желанной. Таким образом, для

любовник, знание того, что недостижимо то, чего он хочет, и что каждое владение откроет области еще не является сдерживающим фактором, не является противоядием от его страсть; он служит скорее для того, чтобы усугубить его желание, обострить его до своего рода отчаяния, а в то же время сделать объект желания более ценным, чем когда-либо.

Индиец болтал, как призрак среди призраков своего воображения, далеко как будто вы говорите о другом мире. И Эмми-не была одинаково далека, одинаково недостижимо? И, будучи отстраненной, она была более желанной; будучи таинственной, она была более очаровательной. Один самый жестокий и опытный человек, дядя Спенсер посвятит всю свою энергию соблазн девушка, зная, что через некоторое время удовлетворение ее физического желания, вероятно, сделает чтобы он перестал интересоваться ее душой или ее историей. Но физическое владение было последнее, о чем думал дядя Спенсер, и его любовь приняла форму огромного желания за невозможное объединение не тел, а умов и жизней. На самом деле, что он узнал до так что о ее уме и истории это не было особенно обнадеживающим. Но для дяди Спенсера ее глупость, ее любовь к

удовольствиям и ее легкомыслие были странными и таинственными качествами-ибо он знал очень мало женщин в своей жизни, и ни одна из них не была такой, как Эмми Вендл — почти очаровательная в своей новизне и, если признано плохим, оправдано как симптомы инфантильности восхитительно и неудачного воспитания. Ее забота в тот первый день О бедном Альфонс убедил его, что она была похоронно доброй; и если она оказалась жестокой с тех пор так что по отношению к нему это было больше по ошибке и из-за окружающих плохих влияний, которые естественное зло. Тогда было то, как она пела “брабансон”. Это было благородно, это было трогательный. Чтобы быть способным петь таким образом, человек должен был иметь красивый и благородный характер. Думая так, Дядя Спенсер забыл, что ни одна черта не является несовместимой с любым другим, что любой смертный грех может быть найден в компании любого кардиальная добродетель, даже кажущаяся противоречивой добродетель. К сожалению, это вид мудрость, которую мы неизменно забываем именно в тот момент, когда могли быть полезным. Мы учимся почти в колыбели. По крайней мере, я помню, как читал в моя подготовительная школа в” Краткой истории Англии ” профессора Омана, касающаяся “героический, хотя и развратный герцог Ормонд” и в отношении великого английского короля, который даже не это перестало быть “ленивым, педантичным заиканием с языком, слишком большим для его рта”. Тем не менее, хотя мы знаем достаточно теоретически, что герцог может быть таким распутным что касается браво, что настоящая мудрость может сочетаться с педантизмом и дефектом речи, на практике люди продолжают верить, что привлекательная женщина добрая, потому что она очаровательна и добродетельна .потому что он отталкивает первые выпады; не задумываясь о том, что благодать его манер, возможно, едва может скрыть жесткую жестокость и эгоизм, в то время как застенчивость на лице перед настойчивостью может быть будьте просто уловкой, чтобы более полно ускользнуть от жертвы. Только в присутствии несимпатичных людей просто мы помним, что самые ненавистные действия совместимы с самыми чувствами и что мужчина или женщина, которые делают что-то одно, в то же время провозглашает другой, не обязательно сознательный лжец или лицемер. Если бы мы могли постоянно иметь в виду это знание, когда мы с людьми, которых мы находим милые!

Желая Эмми так страстно, как он хотел, дядя Спенсер не имел бы много трудно убедить себя-несмотря на недавнюю жестокость по

отношению к нему-что дух то, с чем он хотел объединить свое, было в целом красивым и интересным духом; на самом деле нет если бы не неудачное признание, сделанное ею. Это, хотя льстит как проявление ее уверенности в его осмотрительности и мудрости, расстраивает его к сожалению, и продолжал беспокоить его все больше и больше. Из всей ее истории-истории, в которой он хотел полностью успокоиться, как если бы он фактически жил вместе с ней - этот эпизод был почти единственной главой, которую я знал. Снаружи, как тонкий луч света, который ее признание явилось дяде Спенсеру в окружающей темноте. И какой эпизод! Чем больше Дядя Спенсер размышлял о нем, тем более находил его жалким.

Практичный и жестокий человек, которым не был дядя Спенсер, считал бы этот инцидент

прошлое как предзнаменование для ваших собственных будущих перспектив. Но как он не хотел, сознательно, по крайней мере, вид успеха, который это предвещало, знание инцидента это причиняло ему неподдельное горе. Как бы дядя Спенсер ни настаивал на вине от внешних обстоятельств и от другой стороны, он не мог полностью оправдать Эмми. Я даже не мог притворяться, что она не участвовала каким-либо образом, хотя бы физически, в своем собственном промахе. Е может быть, он участвовал заранее. Даже если бы это было неправдой, идея, что она она была запятнана, хотя и неохотно, непристойным контактом, она была неописуемо болезненной для он. В то время как индиец бредил и в долгом темном молчании, в котором не было другого звука, кроме от аномально быстрого и короткого дыхания, а иногда и стона, иногда сухого кашля, дядя Спенсер мучительно думал и думал. Его разум колебался между убежденностью в ее чистоте и опасаясь, что, возможно, она была абсолютно коррумпирована. В воображении мы видим детскую физиономию его и туманное выражение, с которым он пел “брабансон”, то мягкий и заботливый взгляд с который выразил свое сочувствие несчастью бедного альфонса, а затем мгновение затем бесконечные объятия, жестокие и бесчисленные поцелуи. И всегда любил ее.

На следующий день лихорадка дравидов была еще выше. Доктор, когда он появился, он объявил, что уже происходит Красная гепатизация обоих легких. Это был серьезный случай что его нужно лечить в больнице; но у него не было полномочий

отправить туда человека. Он прописал теплую ванну с губкой, чтобы снизить температуру.

Ввиду очень плохих санитарных условий, тюрьмы дядя Спенсер сделал все возможное возможно, чтобы помочь. У него было множество заботливых помощников. Все с нетерпением ждали сделать что-нибудь полезное. Никто не проявлял большего беспокойства, чем Эмми Вендл. Принудительное бездействие о жизни в тюрьме, даже если ее смягчают шутки веселых, театральные дискуссии и из-за чистой галантности банковского дела и журналиста ей было неприятно. И перспектива возможность выполнить какую-то задачу, в частности (ибо, в конце концов, это было военное время), чтобы сделать что-то полезное и благотворительное было воспринято ею с настоящим удовлетворением. Сидел рядом с матрасом от дравида он разговаривал с ним, давал ему то, о чем он просил, совершал неприятные услуги, которые это нужно было сделать в комнате больного, он делал то, что дядя Спенсер и другие говорили, и он выглядел совершенно счастлив.

Со своей стороны, дядя Спенсер был в восторге от того, что он считал разворотом к ее истинное Я. В этом не могло быть никаких сомнений: Эмми была хорошей, доброй, ангелом милосердие и, следовательно (несмотря на героический, хотя и развратный герцог профессора), чистое, следовательно интересно, поэтому достойно всей любви, которую я мог бы ей посвятить. Забыл исповедь или, по крайней мере, он перестал придавать ему значение; его больше не преследовали ненавистные образы, которые чрезмерная медитация на этот факт вызывала в его сознании. Что убедило его, может быть, больше, чем все остальное, от ее существенной доброты было то, что она снова показала себя доброй с он. Его юная энергия, полностью занятая практической работой (которой, однако, не было, достаточно тяжело, чтобы истощить силы или раздражать нервы), не нужно было проявляться в смеялись и издевались, как это было, когда она возвращалась из настроения меланхолии, которое он подавился в первые дни тюремного заключения. Теперь они были коллегами.

Тем временем дравид становился все хуже и хуже, с каждым днем становился слабее. Медицинский был положительно раздражен.

- У мужчины нет причин быть таким плохим, как есть, - ворчал он. - Это не так. старый, он не алкоголик и не сифилитик, его телосложение довольно сильное. Это просто позволяет-если я

умру. На этом этаже он никогда не преодолеет кризис.

Услышав эту новость, Эмми стала серьезной. Никогда не поворачивает смерть близко-дефект его образование, которое дядя Спенсер, если бы ему было поручено его обучать, исправил бы. Это потому, что смерть была одной из тех реалий жизни, с которыми, по его мнению, каждый должен был столкнуться знание как можно раньше. Любовь, с другой стороны, не была одной из желаемых реалий. Ему никогда не приходило в голову спросить себя, почему это ненавистное различие. На самом деле не было причин; это было просто так.

- Скажи мне, дядя Спенни, - усмехнулась она, когда врач удалился, - что происходит действительно ли человеку, когда он умирает?

Очарованный этим признаком возобновления интереса Эмми к серьезным темам, дядя Спенсер он объяснил ему, что альфонс, по крайней мере, думал, что с ним случится.

В полдень, столкнувшись с неоднократным супом из капусты и ужасным вареным мясом, банк, с юморизм характерного безвкусицы, спросил:

- Как наш негр?

Эмми смотрела на него с отвращением и гневом.

- Я считаю его абсолютно ужасным, - сказала она. Благоговейно понижая голос, добавил: - врач сказал, что он умрет.

Банк не расстроился.

- О, он растянет голени, не так ли? Бедный ниггер! Эмми не ответила. Тишина была общий. Как будто кто-то издал неудобный шум в церкви.

Затем в интимной близости маленькой комнаты, где между файлами и пыльными бумагами, дравид счастливо умирал, Эмми повернулась к дяде Спенсеру и сказала:

- Знаешь, Дядя Спенни? Я думаю, что вы удивительно порядочный человек. Считать действительно.

Дядя Спенсер был слишком тронут, чтобы сказать что-то еще, кроме “Эмми, Эмми” два или трижды. Взял ее за руку и очень нежно поцеловал.

В тот же день они продолжали говорить обо всех вещах, которые, возможно, могли это происходит после смерти человека. Эмми рассказала дяде Спенсеру все, о чем она думала получив телеграмму - два года назад, когда он работал в театре в Глазго, в одной из своих первых встреч-говоря, что отец внезапно умер. Отец я слишком много пил и плохо относился к маме, когда был вне себя. Несмотря на это, ей это очень понравилось о нем, и когда пришла эта телеграмма, он продолжал думать, думать…

Дядя Спенсер внимательно слушал, радуясь новому взгляду на ее прошлое. Он забыл о другом инциденте, который осветил для него луч света от его исповеди.

Позже той ночью, после того, как он лежал слишком долго абсолютно неподвижно Альфонс внезапно пошевелился, открыл большие черные глаза и начал говорить, принцип на непонятном языке, который он использовал в бреду, а затем, когда он понял, что слушатели не понимали его, медленнее и на его странном французском языке.

— Я видел все еще сейчас, — сказал он, - все.

- Но что? — спросить.

- Все, что случится. Я видел, что эта война продлится долго… Долго. Более пятьдесят месяцев.

Затем он предсказал огромные бедствия.

Дядя Спенсер, который точно знал, что война не может длиться более трех месяцев он был недоверчив. Эмми, однако, у которой не было предвзятых представлений о войне и сильная вера в оракулов, нетерпеливо остановила их, когда он хотел заставить дравида замолчать.

-Расскажи мне, - сказала она, - что с нами будет. У нее было очень мало интереса за судьбу цивилизации.

- Я умру, - начал Альфонс. Дядя Спенсер прыгнул несколько умоляющих звуков.

- Нет, нет, - возразил он.

Индиец не обратил на него внимания.

- Я умру, - повторил он. — А ты, - сказал дядя Спенсер, - тебя отпустят и затем снова отправили в тюрьму. Но не здесь. Где-то еще. Далеко отсюда. Для очень время… очень долго. Вы будете очень несчастны. Покачал головой, прежде чем добавить: — Я не могу с этим поделать, хотя ты был так добр ко мне. Вот что я вижу. Но человек, который обманул меня (имел в виду журналиста) вскоре он будет освобожден и все время будет жить на свободе. Na свобода, которая есть здесь. Тот, кто сидит в кресле, наконец вернется на свою землю. Тот, кто поет, будет свободен, как человек, который обманул меня. Маленький седой человек будет ордер на еще один арест в другой стране. Толстая женщина с красным ртом будет отправлена в другая страна; но он не останется в тюрьме. Думаю, там она выйдет замуж… снова.

Было легко узнать портреты русской графини и учителя латыни.

- Мужчина с карбункулами на лице (без сомнения, это был банк) будет отправлен в еще одна тюрьма в другой стране. И там он умрет. Женщина в черном, которая так грустит…

Эмми, однако, не могла больше ждать.

- А я? — спросить. -Расскажите, что вы видите обо мне? Дравид закрыл глаза и на мгновение он замолчал.

- Тебя отпустят, - сказал он. — Вскоре. И однажды, - продолжил он — - ты будешь женой этого хорошего человека. - Вы Назначили Дядю Спенсера. - Но не сейчас; только через долгое время; когда все этот бой окончен. У тебя будут дети… очень повезло…

Его слова стали слабее. Он снова закрыл глаза. Вздохнул, как будто был полностью истощен.

- Остерегайтесь светловолосых незнакомцев, - пробормотал он, возвращаясь к старой и известной формуле. Больше ничего не сказано.

Эмми и дядя Спенсер молча смотрели друг на друга.

Как вы думаете, дядя Спенсер? - фмм, - сказала она. Будет ли это правдой?

Через два часа индеец был мертв.

Дядя Спенсер в ту ночь спал, вернее, не спал в гостиной, тело осталось один среди файлов. Слова индейца продолжали эхом и повторяться в его сознании: “Однажды ты станешь женой этого хорошего человека”. Возможно, подумал «он, на грани смерти, дух уже начните экспериментировать со своими крыльями в новом мире. Возможно, он уже начал знакомиться с набережной, так сказать, тайны, которые должны быть раскрыты ему. Для дяди Спенсера ничего не было отвратительно в этой идее. В его вселенной было место тому, что обычно и, возможно, ошибочно известный как чудо. Возможно, слова были обещанием, заявлением о факте fütüro. Лежа на спине, с глазами, установленными в Звездном темно-синем небе за открытым окном, он он размышлял над этой проблемой фиксированной судьбы и свободной воли, с которой демоны в аду Милтон растратил свой адский досуг. И, как Стренга, слова повторялись: “однажды ты будешь женой этого хорошего человека”. Звезды медленно двигались через отверстие окно. Он не спал.

Утром пришел приказ об освобождении журналиста и оперного певца. Радостно они попрощались со своими сокамерниками. Дверь закрылась за ними. Эмми повернулась к дяде Спенсер с почти ужасным выражением в глазах. Пророчества индейцев уже были начинает реализовываться. Однако они ничего не сказали друг другу. Через два дня банк уехал в лагерь для интернированных в Германии.

Затем однажды утром они отправили за дядей Спенсером. Заказ прибыл в пути абсолютно внезапно. Ему не дали времени попрощаться. Компетентный орган он осмотрел его, счел его безвредным и позволил ему вернуться в Лонгрес, где, однако, он должен был жить

под наблюдением. Ему даже не разрешили вернуться в тюрьму и попрощаться. Солдат забрал свои вещи из Министерства. Его посадили в поезд с приказом явиться коменданту в Лонгре как только я приеду.

Антониеке встретила босса со слезами радости. Дядя Спенсер, однако, не нашел наслаждение восстановленной свободой. Эмми Вендл все еще была в тюрьме. Это правда, что скоро будет опубликовано на свободе, но, как он понял в ужасе, она не знала

его адреса. Он был свободен так вдруг у него не было времени договориться с ней о возможностях будущих встреч. Ни Если он хочет перевернуть ее утром своего освобождения.

Через два дня после возвращения в Лонгрес он попросил командира, которому он должен был представиться ежедневно, разрешено ехать в Брюссель. Его спросили, для чего. Дядя Спенсер он честно ответил, что должен был навестить друга, который оказался в тюрьме, откуда он его только что отпустили. Сразу же было отказано в разрешении.

Дядя Спенсер все равно поехал в Брюссель. На пороге тюрьмы часовой арестовал его как подозрительный человек. Его отправили обратно в Лонгрес. Командир говорил с ним грозно. На следующей неделе дядя Спенсер попробовал еще раз. Это было чистое безумие, он знал, но было бы лучше сделать что-то глупое, чем ничего не делать. Его снова арестовали.

На этот раз его приговорили к интернированию в лагере в Германии. Пророчества индийский были выполнены с замечательной точностью. И война длилась более пятидесяти месяцев. Карбункулярный банк, которого мой дядя Спенсер снова нашел в лагере для интернированных, фактически умер…

Что побудило его довериться мне-мне, что он знал как ребенок и кому почти служил отцом — это то, чего я не знаю. Или, может быть, знает. Может быть, это потому, что он думал, что я был бы более компетентен консультировать вас по этому вопросу, чем ваш брат-мой отец - или старый Мистер Буллингер, ученый Данте, или кто - нибудь из его друзей. Может быть мне стыдно говорить с ними о такой вещи. Я бы также подумал, что, возможно, нет очень важно поговорить с ними, и что я, несмотря на свою молодость или даже из-за нее, это действительно может быть более опытным в этих вещах, чем они. Я думаю, что ни мой отец, ни Мистер Буллингер много знал о подражателях.

В любом случае, какова бы ни была причина, именно со мной он говорил обо всем вопрос, той весной 1919 года, когда он был с нами в Сассексе, переделывая себя после ужасные месяцы конфмации. Раньше мы вместе гуляли по открытым лугам или среди серых столбов буковых зарослей. Мучительно побеждая нежелание за нежеланием, переходя от одного доверия к другому, дядя Спенсер рассказал мне всю историю.

История также включала бесконечные дискуссии, так как нам

нужно было решить, прежде чем все, было ли какое-либо возможное научное объяснение пророчества; существовало ли что-то вроде будущего Абсолют ждет, когда его будут жить. И гораздо дольше нам еще пришлось спорить о женщины - были ли они действительно “такими” (и в каких глубинах цинизма бедный дядя Во время долгих и озлобленных медитаций своих тюремных дней и ночей Спенсер узнал, что нырять и шлепать!) или если они были похожи на ангелов, которых он хотел, чтобы они были.

Однако более важно то, что рассуждать о возможном характере Эмми было выяснить, где она была в тот момент. Более срочно, чем вопрос о том, может ли пророчество заслужить доверие - значит принять меры для осуществления этого решительного пророчества. При недели дядя Спенсер и я” играем ” детективов.

Я часто воображал, что мы должны, когда мы проводили наши исследования вместе они кажутся нам необычайно похожими на традиционную пару историй: дядя Спенсер, гений п четко очерченные черты лица, трупный, с яркими глазами, Холмс ансамбля; и я, пухлый, из круглое лицо, очень молодой Ватсон. На самом деле, если я могу сказать это, не глядя самонадеянно, из двух я был настоящим Холмсом. Дядя Спенсер был слишком невиновен

уважение к миру, чтобы знать, как искать пропавшую любовницу; как это было чрезмерно невинный в вопросах науки, чтобы знать, как и где узнать, что было для быть обнаруженным в любом более абстрактном предмете.

Я тот, кто отвез его в Британский музей и заставил посмотреть все запоздалые номера театральные газеты, чтобы увидеть, когда Эмми в последний раз объявила о своем желании получить работу. Быть я, кажущийся Ватсон, который думал о театральных агентствах и дверях Фонда всех музыка-пригородные залы. С видом детектива, с невинным сердцем, дядя Спенсер следовал за мной., удивляюсь своей семье путями странного мира.

Я должен, однако, умерить свое хвастовство признанием, что мы всегда были совершенно неудачно. Ни одно агентство не слышало об Эмми Вендл с 1914 года. В ни в одной газете не было его рекламы. Носильщики мюзик-холлов помнили ее, но как что-то допотопное. “Эмми Вендл? О да, Эмми Вендл…“И, почесывая голову, они посвятили себя умственным усилиям, чтобы перейти

от простого имени к человеку, как палеонтологи реконструкция всего диплодока на основе одной окаменелой кости.

Два или три раза давали нам адреса. Но хозяева пансионатов, где она была, они даже не помнили ее; и старая тетя, проживающая в Илинге, о которой они с радостью мы так долго ждали, мыли руки по отношению к Эмми за два или три месяца до того, как начали война. Убеждение, которое у нее было тогда, что Эмми была плохой девушкой, только усилилось и подтверждается нашими запросами. Нет она ничего не знала об Эмми Вендл и не хотела знать. И она просила нас оставить в покое таких уважаемых людей, как она. Побежденные, мы возвращаемся садясь в наше такси, пока жители убогой маленькой улочки шпионили за нами и нашей машиной., как будто мы были гостями с другой планеты, а прокат автомобилей-сказочной колесницей.

- Может, она мертва, - тихо сказал дядя Спенсер после долгого молчания.

- Может быть, - жестоко сказала я, - она нашла мужа и удалилась в личная жизнь.

Дядя Спенсер закрыл глаза, вздохнул и провел рукой по лбу. Какие ужасные образы наполняли ли они ваш разум? Он почти предпочел бы, чтобы она была мертва.

— Однако, — пробормотал он, - индиец всегда прибивал… Может быть, я все еще могу понять это правильно на сей раз. Кто знает?

МЕКСИКАНСКАЯ ШЛЯПА

ВЛАДЕЛЕЦ МАГАЗИНА ЛАСКОВО НАЗВАЛ ЕГО МЕКСИКАНЦЕМ. И для мексиканец, может быть, он был совсем маленьким. Но в нашей Европе, где пространство ограничено и масштаб меньше, мексиканец был знаменательным, гигант среди шляп. Там он висел, в центре витрины головного убора огромный черный ореол, подходящий королю демонов. Однако в то утро по улицам Равенны не ходил ни один демон; только самый мирный литературных туристов. Это было время, когда большие шляпы казались мне очень желанными, и над моей головой, абсолютно недостойной, было то, что ей суждено было опустить этот ореол

претенциозность. Над моей головой, потому что, как только я увидел шляпу, я побежал в магазин, примерил ее, я нашел подходящий размер и купил его без торговли по цене, сделанной для иностранцев. Я вышел из магазина с Мексиканец на голове, и моя тень на тротуарах Равенны была как тень сосна.

Мексиканец сейчас очень стар, его едят мотыльки и он зеленый. Но я все еще сохраняю это. Время от времени, из-за любви к старым ассоциациям, я даже использую его. Дорогой Мексиканец! Для меня это представляет собой целую эпоху моей жизни. Символизирует эмансипацию и первый год в университет. Он символизирует открытие множества новых вещей, новых идей, новых ощущений! Она французская литература, алкоголь, moderna painting, Ницше, любовь, метафизика, de Малларме о профсоюзном движении и только Бог знает, что еще. Но больше всего я дорожу им, потому что я это напоминает мое первое открытие Италии. Reevoca для меня, мой мексиканец, все эмоции, изумительные и смелые Девы той первой экскурсии по Италии в начале осень 1912 года. Урбино, Римини, Равенна, Феррара, Модена, Мантуя, Верона, Виченца, Падуя, Венеция-мои первые впечатления от всех этих сказочных имен встречаются, как один горсть драгоценностей, в Кубке мексиканца. Хватит ли у меня когда-нибудь смелости выбросить его?

Тогда, естественно, есть Тирабасси. Без мексиканца я бы никогда не встретил Тирабасси. С моей скромной маленькой английской шляпой он никогда бы не подумал, что я художник. Е, в результате я бы никогда не увидел этих фресок, никогда бы не поговорил со старым графом, я бы никогда не слышал о Коломбелле. Никогда… Когда я думаю об этом, мексиканец кажется мне ценнее, чем когда-либо.

Естественно, для Тирабасси было очень типично предполагать по размеру моей шляпы, что я я должен быть художником. У него был точный военный менталитет, который отказывается принять смутное расстройство люди. Он всегда обозначал, классифицировал и ограничивал свою вселенную; и, когда объекты объявления выскакивали из своих ящиков и срывали этикетки, которые у них были на шее, Тирабасси я был сбит с толку и раздражен. Как бы то ни было, с первого момента, когда ты увидел меня в ресторан в Падуе, ему было очевидно, что я должен быть художником. Все художники использовали большие черные шляпы. Я использовал мексиканку. Вскоре я стал художником. Силлогистическая эпоха, неопровержимый.

Официант спросил меня, хочу ли я дать ему честь выпить кофе в его компания за вашим столом. Я должен признаться, что в первый момент я был немного встревожен. Что не могли бы вы пожелать от меня этого юного кавалерийского лейтенанта? Они наполнили мой разум более абсурдные фантазии: я совершил, неосознанно,.какой-то ужасный солецизм; я наступил на ногах почета лейтенанта, и он собирался вызвать меня на дуэль. Выбор оружия, размышлял я быстро, это будет мое. Но что… что бы я выбрал? Мечи? Я никогда не учился фехтованию. Пистолеты? Однажды я сделал шесть выстрелов в бутылку и пропустил их все. Будет ли время для написать письмо или два, сделать своего рода завещание о моем личном имуществе? Дессе душевная боль избавила меня от официанта, когда я вернулся через мгновение с моим жареным осьминогом. Лейтенант Конде, объяснил он шепотом, имел виллу в Бренте, недалеко от стра. Один Вила, - щедрым жестом протянула руки, - полная картин. Полный, полный, полный. И это было

с нетерпением жду, когда я их увижу, так как я был уверен, что интересуюсь картинами. Ах, естественно, - немного глупо улыбается, потому что официант, казалось, от меня чего-то ждал своего рода подтверждающая интерполяция — я интересовался картинами; я очень интересовался. В таком случае, сказал официант, граф был бы рад отвезти меня к ним. Официант оставил-я все еще озадачен, но с огромным облегчением. Как бы то ни было, меня не просили сделать неловкий выбор между мечами и пистолетами.

Тайком, всякий раз, когда он не смотрел в мою сторону, я просматривал лейтенант Конде. Его внешний вид не был типично итальянским (но это типичный итальянец?). Не у него были, я имею в виду, голубоватые лица, бисерные глаза, смуглый цвет лица и орлиный нос. Напротив, он имел светло-рыжие волосы, серые глаза, плоский нос и веснушчатая кожа. Я знал много молодых людей англичане, которые могли быть менее живыми братьями графа Тирабасси.

Он принял меня, когда дело дошло до этого случая, с самой очаровательной вежливостью, прося извиняюсь за бесцеремонный способ, которым вы установили отношения со мной.

— Но поскольку я был уверен — - сказал он, - что Господь интересуется искусством, я подумал он простит меня за то, что я

должен был показать ему.

Я не мог не спросить себя, почему граф так уверен в моем интерес к искусству. Только позже, когда мы вместе вышли из ресторана, я понял. Это потому что, когда я надел шляпу на голову, чтобы уйти, он с улыбкой указал на мексиканца.

- Видно, - сказал он, - что вы настоящий художник. Я был расстроен, без знать, что ответить.

После того, как мы обменялись предварительными любезностями, лейтенант немедленно нырнул, только для моей пользы, как я мог видеть, в разговоре об искусстве.

— В наши дни, - сказал он, - мы, итальянцы, не очень интересуемся искусством; - в Moderna страна, вы знаете… ? — Пожал плечами, оставив предложение без конца. - Но я думаю, что это неправильно. Я люблю искусство. Я просто обожаю ее. Когда я вижу иностранцев со своими гиды, стоящие полчаса перед картиной, смотрят сначала на книгу, затем на кадр … — В этот момент он сделал наиболее блестяще законченную имитацию англиканского священнослужителя добросовестно “видя” часовню Мантенья: первый взгляд на образное руководство откройте обе руки, затем, движением курицы, когда пьете воду, поднимите его с лица в направление к воображаемой фреске, длинный взгляд между нахмуренными веками, открытым ртом и наконец, глаза снова поворачиваются к вдохновенным страницам Бедекера - когда я их вижу, мне стыдно за нас, итальянцев.

Граф говорил очень серьезно, чувствуя, несомненно, что позволил себе уйти далеко слишком много для его таланта к мимике.

- И если они полчаса смотрят на вещь, я иду и стою там час. Это способ понять великое искусство. Единственный способ. - Откинулся на спинку стула и выпил кофе. - Infelizihente, - добавил он через мгновение, - никто не располагает долго.

Я согласился с ним.

- Когда мы можем приехать в Италию только на месяц, как и я…

- Ах, если бы я мог путешествовать по миру, как вы. - Граф вздохнул. - Но здесь я в клетке в этом жалком городе. И когда я думаю об огромном капитале, который висит в стенах моего дома…

Сдержался, качая головой. Затем, изменив тон, он начал рассказывать мне о своем дом на окраине Бренты. Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Карпиони, да… я мог бы полагать, что были фрески Карпиони. Почти каждый мог иметь их. Но салон из Веронезе, комнаты Тьеполо, все в одном доме… это выглядело потрясающе. Я не мог не поверить

что граф был слишком увлечен своим энтузиазмом к искусству. В любом случае, в день далее я мог судить сам. Граф пригласил меня на обед с ним.

Мы покидаем ресторан. Все еще смущен ссылками графа на мой Мексиканец, я тихо поднялся рядом с тобой по улице аркад.

- Я познакомлю тебя с отцом, - сказал граф. - Он тоже любит искусство.

Больше, чем когда-либо, я чувствовал себя самозванцем. Он намекнул мне на доверие графа вид лжи. Моя шляпа была ложью. Я подумал, что должен что-то сделать, чтобы прояснить недоразумение. Но граф был так занят, жалуясь на своего отца, что у меня не было возможность представить мое небольшое объяснение. Я не очень внимательно слушал, признаюсь, что он говорил. В течение года, проведенного в Оксфорде, я слышал, как многие молодые люди жаловались родительский. Деньги не приходили, было слишком много помех-история была старой. И что более того, я придерживался очень философской точки зрения на отношение к этому род. Я хотел создать впечатление, что меня не интересуют люди… только для книг, просто для идей. Как можно выставить себя дураком в таком возрасте!

- Эккочи — - сказал граф. Мы остановились перед кафе Pedrochi. - Он всегда приходит сюда. выпей кофе.

И куда еще он мог пойти выпить кофе? Кто в Падуе пойдет куда-нибудь еще?

Мы находим его сидящим на террасе, расположенной в дальнем конце здания. Считать который никогда не видел более веселого старого джентльмена. У старого графа было лицо красный, отмеченный временем, с белыми усами, галантно щетинящимися вверх, и белая козлиная бородка в грандиозной манере Рисорджименто времен Витторио Эмануэля II. внизу от густых бровей и закрепленных в середине паутины тонких морщин, глаза

были карими и яркие, как у папы-фиолетовые. Его длинный нос казался, не знаю почему, больше практически полезно, что обычный человеческий нос, как если бы он был сделан для острого критического обнюхивания, нежно ввести себя в отверстия и понюхать. Полнотелый и сильный, он был прочно сидя на стуле, раздвинув колени, сложив руки на тростниковый Кастон, с достоинством неся живот, я почти могу сказать благородно. Все было в льняном платье. белый — потому что еще было очень жарко — и его широкая серая шляпа причудливо наклонилась над левым глазом. Это вызывало истинное удовлетворение, глядя на него; это было так полно, так прекрасно в своем роде.

Молодой граф познакомил меня.

- Это английский джентльмен. Синьор… - сказал он, повернувшись ко мне, ожидая имени.

- Усселей — - сказал Я, Узнав на опыте, что это самое произношение следующий, что можно ожидать от итальянца.

- Синьор Усселей, — продолжил молодой граф, - художник.

- Ну не совсем артист, - начал я, но он не дал мне закончить.

-Его тоже очень интересует древнее искусство, - продолжил он. - Завтра я отвезу тебя в Доло, чтобы увидеть фрески. Я знаю, они вам понравятся.

Мы сидим за столом графа. Критически он посмотрел на меня и кивнул, согласиться.

- Бениссимо, - сказал он, добавив потом: - будем надеяться, что он сможет что-то сделать чтобы помочь нам продать картины.

Это было удивительно. Я с некоторым недоумением посмотрел на молодого графа. Хмуриться желчно по отношению к отцу. Старый джентльмен, очевидно, сказал то, чего не должен был сказать. Я догадался, что он заговорил слишком рано. Как бы то ни было, вы поняли намек на сын и спокойно свернул в другую сторону.

- Огненная фантазия Тьеполо, - начал он в Великом тоне, - холод и бесстрастное великолепие Веронезе… в обмане Господь увидит их в противоположность.

Я внимательно слушал, как старый джентльмен продолжал громовым голосом в том, что было без сомнения, заранее подготовленная речь. Когда он закончил, молодой граф встал. Мне нужно было вернуться в казарму в половине второго. Я также сделал, как тот, кто собирался попрощаться, но старик положил руку мне на руку.

- Оставайся со мной, - сказал он. - Я нечестиво ценю ваш разговор.

Я вполне мог в это поверить, потому что он сам почти не переставал говорить с первого в тот момент, когда я его заметил. С жестом леди, поднимающей юбку, чтобы не поцарапать грязь (это было время, когда юбки все еще нужно было поднять), молодой граф держал сабля ползла и отошла с высокомерием, очень воинственно, очень ярко и мерцающе, как солдат на сцене, пока не вышел на солнце и не потерял себя из виду. Яркие птичьи глаза старик сопровождал его.

- Хороший мальчик, Фабио, - сказал он, наконец снова повернувшись ко мне. - Хороший сын.

Он говорил ласково, но я подумал, что в его улыбке, в тоне его голоса была одна намек на веселье, иронию. Это было похоже на добавление дедукции: “но в конце концов, хорошие парни глупы в том, чтобы быть такими хорошими.“Несмотря на мое отношение незаинтересованность, я чувствовал себя чрезвычайно любопытным к этому старому джентльмену. Он со своей стороны, это был не тот человек, который позволил бы кому-то в своей компании долго оставаться в великолепном изоляция. Он настаивал на том, чтобы я проявил интерес к его бизнесу. Он рассказал мне все об этом. их — или, по крайней мере, все, что касается некоторых из них — проливает свои доверительные отношения с поразительное отсутствие резерва. После близкого и заслуживающего доверия друга Идеальный незнакомец лучший из всех возможных доверенных лиц. Нет коммерческого путешественника, внешне умеренно симпатичные, которые не имеют, в течение своих дней в поездах и их ночи в вестибюли коммерческих отелей, были хранилищем тысяч интимных секретов-даже в Англия. А в Италии-только Бог знает, что говорят коммерческим путешественникам в Италии. Даже я, иностранец, плохо говорящий на языке и не очень опытный в ведении разговора с незнакомцы, я слышал необычные вещи в вагонах второго класса итальянских поездов… Там также на террасе Педрочи я собирался услышать необычные вещи. Дверь должна

была быть приоткрыта и, через трещину я собирался заглянуть в необычные жизни.

- Что бы я сделал без него, - продолжил старый джентльмен. - Я не знаю. Способ то, как он управляет собственностью, просто замечательно.

Он затерялся в долгих отступлениях от глупости крестьян, некомпетентность и нечестность администраторов, жестокость времени, распространение филлоксера, высокая цена компоста. В результате, после того, как Фабио взял на себя руководство собственность, все прошло хорошо. Даже погода улучшилась.

- Это такое большое облегчение, — заключил граф, - чувствовать, что я принимаю во внимание кого-то кому я действительно могу довериться, кому-то, кому я могу абсолютно доверять. Оставь меня свободным. посвятить свой дух более важным вопросам.

Я не мог не спросить себя, каковы будут важные вопросы. Считать, однако было бы дерзко спросить об этом. Вместо этого я сформулировал практический вопрос.

— Но что будет, - спросил я, - когда его заберут военные обязанности сына далеко от Падуи?

Старик подмигнул мне одним глазом и очень сознательно прижал указательный палец к боку его длинный нос. Жест был богат смыслом.

- Этого никогда не случится, - сказал он. - У меня все в порядке. Небольшой combinazione, знаешь? У меня есть друг в Министерстве. Военные обязанности сохранят его в Падуе.

Снова подмигнул и улыбнулся.

Я не мог удержаться от смеха, и старый граф присоединился ко мне с веселым ах, ах, ах, который был выражение глубокого удовлетворения, которое было, так сказать, выражением аплодисментов себе собственный. Очевидно, он гордился своей маленькой комбинацией. Он чувствовал, однако, все еще больше горжусь другой комбинацией, о которой он начал говорить, а затем наклонился. конфиденциально на столе. Это было определенно более тонким из двух.

— Дело не только в твоих военных обязанностях, - сказал он, тряся в мою сторону толстым индикатор желтых ногтей, который прислонился к носу — это не только его военные обязанности они сохранят его в Падуе. Это и ее домашние обязанности. Он женат. Я вышла за него замуж.

Он откинулся на спинку стула и уставился на меня, улыбаясь. Маленькие морщины в колесе его глаза казались живыми.

- Этот парень, сказал я себе, должен успокоиться. У него должно быть гнездо, иначе оно полетит. У него должны быть корни, иначе он убежит.

И его бедный старый отец останется в беспомощности. Он молод, подумал я, но он должен жениться. Он должен жениться. Немедленно.

И старый джентльмен сделал большой показ своим указательным пальцем. Это была история длинный. У его старого друга аввокато Мональдески было двенадцать детей-три мальчика и девять мальчик. (К этому времени были отступления относительно аввокато и размера хороших семей католический). Старшая девочка была в подходящем возрасте для Фабио. У меня не было денег., естественно, но она была хорошей девочкой, красивой, очень образованной и религиозной. Религиозный… это было очень важно, так как было важно, чтобы у Фабио была большая семья… чтобы сохранить его больше эффективно укоренившийся, объяснил старый граф… и с этими современными девушками, выросшими из Moderna. Церковь мы никогда не могли быть уверены в детях. Да, ее религия была очень важна; я внимательно изучил это, прежде чем выбрать ее. Ну, тогда, естественно, было необходимо, чтобы Фабий был вынужден выбрать ее. Речь шла о том, чтобы привести лошадь в воду и заставить его выпить. О, очень трудное и деликатное дело! В основном потому, что Фабио он гордился своей независимостью; и был упрям, как мул. Никто не вмешивался в их бизнес, никто не уговаривал его делать то, чего он не хотел. И это было так брезгливо, так головорезно, что часто он не делал того, что действительно хотел, просто потому, что кто-то предложил ему сделай это. Поэтому я мог представить — - старый граф раскрыл руки передо мной, - как бизнес был трудным и деликатным. Только дипломат мог добиться успеха. Его процесс заключался в том, чтобы они часто были вместе и в то же время разговаривали о безрассудстве преждевременных браков, бесполезности бедных жен, неудобствах жен, не имеющих

благородного происхождения. Это сработало как шарм; через четыре месяца Фабио был жених; через два месяца он был женат, а через десять месяцев у него родился сын и наследник. После из этого он был закреплен, укоренен. Старый джентльмен тихо засмеялся, и я подумал, что слышу смех подавленный старый седовласый тиран из кватроченто, приветствующий себя благодаря удачному успеху какого — то особенно гениального политического переворота-богатого города, вызванного сдаться путем обмана, опасного соперника, привлеченного красивыми словами, в ловушку и захватить. Бедный Фабий, подумал я; а также, какая трата таланта!

Да, продолжил старый граф, он больше никогда не уйдет. Это не было похоже на его брата больше юноша, Люциус. Люциус был негодяем, юрбо, хитрым. У меня не было совести. Но у Фабио были идеи о долге и жил по ним. После того, как он взял на себя обязательство, он связался со своими компромиссы, упрямо, со всем упрямством своего характера. Ну, тогда я жил в ферма, в большом раскрашенном доме Доло. Три дня в неделю он ездил в Падую, чтобы выполнять свои обязанности военные, а остальное время посвящали хозяйству. Это принесло больше, чем когда-либо прежде. Но, жаловался старик, только Бог знал, как мало это было. Хлеб и масло, вино и молоко, курица и мясо корова - от этого было много, осталось даже. Фабио мог иметь семью из пятидесяти люди, и никто не умрет от голода. Но счетные деньги… этого было не так много.

— В Англии, - заключил граф, - лорды богаты. Но мы, итальянцы…

Покачал головой.

Я провел следующую четверть часа, пытаясь убедить его, что мы не все миллионер. Бесполезно, хотя. Моя статистика, основанная на немного несовершенных воспоминаниях Мистер и миссис Сидни Уэбб, у них не было убеждений. В конце концов я сдался.

На следующее утро Фабио появился на пороге моего отеля на большом Fiat, очень старом и очень bamlhento. Это была машина всей семьи, помятая, поцарапанная и грязная в течение многих лет работа. Фабио вел ее с легкой и блестящей безрассудностью. Мы быстро пересекаем город, поворачивая с одной стороны узкой улицы на другую, с пренебрежением к Правилам дорожного

движения, которые в такая педантичная страна, как Англия, принесла бы по крайней мере штраф в пять фунтов и один аннотация в лицензии. Но там карабинеры, тяжело идущие парами под аркады, они пропускали нас без комментариев. Справа или слева— - в конце концов, что это имело значение?

- Почему вы сняли глушитель? - я кричал, чтобы меня услышали над ужасным храпом.

двигатель.

Фабио слегка пожал плечами

- Чиу Аллегро Кози, - ответил он.

Я больше ничего не сказал. От члена этой безрассудной породы, который любит шум, который ценит дискомфорт, нервный англичанин вряд ли мог ожидать сочувствия.

Вскоре мы уехали из города. Оставляя позади нас суетливый белый коврик от пыли и с двигатель стреляет своими взрывами, как пулеметная батарея, мы быстро продвигаемся по дорога Фузина. С обеих сторон простиралась возделываемая равнина. Дорога была окружена валеты, а на берегах за ними вместо живых изгородей стояли ряды небольших деревьев без навесов с виноградные лозы, нагруженные виноградом, раскинулись, как венки, от одного дерева к другому. Пылевые белизны, усики, фрукты и листья висели, как работа ювелира, вырезанная из матового металла, висели как Фриз фруктов и листвы, обернутый вокруг краев большой серебряной чаши. Мы продолжаем бежать. Вскоре справа от нас мы увидели Бренту, затонувшую между берегами ее канал. Позже мы прибыли в стра. Через богатые ворота фантастической штукатурки, мы спускаемся по туннелям, в серии мгновенных проблесков мы смотрим в самое сердце парк. На мгновение статуи на крышах деревни помахали небу, и мы прошли мимо. Продолжить. Справа и слева, на обоих берегах реки, я видел это с первого взгляда время от времени. когда очаровательный особняк, серый и яркий даже в упадке. Маленькие дома лето барокко выглядывало из-за стен; и через большие ворота, в конце пыльные кипарисовые бульвары, наполовину юмористически, как казалось, великие и легкомысленные фасады поднимались вопреки всем правилам. Хотел бы я сделать поездку медленно, останавливаясь здесь и там, чтобы посмотреть, чтобы насладиться на досуге. Но Фабио презирал меньше путешествовать что пятьдесят миль в час, и мне

пришлось довольствоваться мгновенными и ненадежными проблеск. Я подумал, что это было в этих деревнях, когда мы раскачивались во главе нашего запустения. белая пыль, что Казанова приехал провести лето. Там соблазнил горничных в спальне, воспользовался от испуганных Маркизских островов в калеше во время штормов он обманывал старых и дряхлых сенаторы Венеции с их хиромантией и черной магией. Великий и счастливый негодяй! Хотя мой провозглашенная отстраненность, я завидовала ему. На самом деле, что это был знаменитый отряд, если не замаскированное выражение зависти, которой обязаны успехи и дерзость Казановы обязательно пробудиться в каждом застенчивом и нерешительном духе? Если бы я жил в великолепном изоляция, это было потому, что мне не хватало смелости вести войну — даже делать сложные альянс. Я был поглощен этими приятными мыслями о себе, когда машина он замедлился и остановился перед огромными внушительными воротами. Фабио играл нетерпеливо Рог. Раздался шум поспешных шагов, шум натянутых болтов, и ворота открылись. В конце короткого переулка, очень большого и серьезного, очень целомудренного и сурового,

поднимался дом. Это было значительно старше, чем большинство других вилл, которые я видел из взгляните на нашу поездку. На его фасаде не было ни легкомыслия, ни неравномерного величия. Большой кирпичный блок, покрытый лепниной; терраса, на которую можно попасть по лестнице и которая он был увенчан массивным фронтоном; ряд строгих статуй на балюстраде над карниз. Она была правильно, даже холодно, палладианкой. Фабио остановил машину перед террасой. Спуститься. Высоко на лестнице стояла девушка с рыжеволосым ребенком на руках. Быть графиня с сыном и наследником.

Графиня произвела на меня очень приятное впечатление. Был худой и высокий-два или три дюймов выше мужа; с темными волосами, стянутыми со лба назад и завитыми в пучок на затылке; темные, расплывчатые, яркие и меланхоличные глаза, как глаза животного послушный; коричневая и прозрачная кожа, как затемненный Янтарь. Его манеры были добрыми и дискретный. Я редко жестикулировал; Я никогда не слышал, чтобы она повышала голос. Он говорил очень мало. О старый граф сказал мне, что его невестка религиозна, и по ее внешности я мог легко верить его словам. Она смотрела на нас с чьим-то спокойным и далеким выражением лица чья жизнь в основном

происходит за глазами.

Фабио поцеловал жену, а затем, наклонив лицо к ребенку, поморщился страшно и ревело, как лев. Все было сделано с любовью, но бедное маленькое существо уменьшилось-если, в ужасе. Фабио засмеялся и ущипнул его за ухо.

- Не мучай его, - нежным тоном сказала графиня. - Это заставит его плакать.

Фабио повернулся ко мне.

- Это то, что позволяет мальчику лечиться от женщин. Он плачет о чем угодно. Давай войдем, - добавил он. — В настоящее время мы используем только два или три помещения на первом этаже и кухня в подвале. Все остальное безлюдно. Я не знаю, как эти старые парни справились поддерживать свои дворцы. Я не могу. - Пожал плечами. Через дверь справа от террасы мы входим в доме. — Это наша совмещенная гостиная и столовая.

Это была красивая и большая комната, благородно пропорциональная-двойной куб, я рассчитал — с резные мраморные двери и великолепный камин в окружении пары нимф, в которых сгорбленные плечи опирались на наклонную доску, на которой были вырезаны гербы и гирлянды листвы. Вдоль стен бежал Фриз в седой; в изящном замешательстве из рога изобилия и паноплии богини роскошно откидывались, а херувимы меняли друг друга и летать. Мебель была странно смешанной. На колесе обеденного стола XVI века, который был частью палладианской архитектуры из дерева, было расположено восемь стульев в стиле Венский сецессион 1905 года. Висели большие часы с кукушкой в форме Бернского шале на стене между двумя шкафами из орехового дерева, с колоннами и фронтонами, чтобы они выглядели маленькими .храм и с героическими статуэтками из желтого самшита, помещенными в ниши между колоннами. Были еще те картины на стенах и кретоны, которыми были покрыты кресла. Дипломатически, однако я восхищался всем, как новым, так и старым.

— А теперь, - сказал граф, - пойдем на фрески.

Я последовал за ним через одну из мраморных распашных дверей и внезапно оказался в Большом зале центральная деревня. Граф повернулся ко мне.

- Вот оно! - сказал он, торжествующе улыбаясь с видом кого-то,

кто действительно удалось вытащить кролика из пустой шляпы. На самом деле зрелище было достаточно поразительный.

Стены огромного зала были полностью покрыты фресками, и не было нужно много критического суждения или знаний, чтобы понять, что это было подлинным веронцы. Авторство было очевидным, ощутимым. Кто еще мог нарисовать эти группы гармонично волнистые фигуры помещены в его великолепную архитектурную раму? Кто иначе Веронезе мог бы сочетать такое великолепие с такой холодностью, таким экстравагантным богатством

с такой нежной мягкостью?

- Это здорово! - я сказал графу.

Это было действительно. Грандиозный. Другого слова не было. Вокруг мчалась богатая Триумфальная аркада всего зала, с четырьмя или пятью арками, появляющимися на каждой стене. Сквозь арки можно было увидеть сад; там с кипарисами, статуями и далекими Голубыми горами, группами венецианские дамы и джентльмены серьезно развлекались. Под аркой звенели музыка; через другого они были замечены сидящими за столом и пьющими до последнего здоровья. в бокалах красного вина, в то время как негр в зеленом и желтом Либре нес кувшин серебро. На следующей панели они наблюдали драку между обезьяной и кошкой. На стене напротив поэт читал свои стихи собравшейся группе, А рядом с ним сам Веронезе-сам- портрет был узнаваем — он появлялся, стоя рядом со своим мольбертом, рисуя портрет роскошная блондинка в розовом атласе. У ног художника лежала его собака; было два попугая и домкрат на мраморной балюстраде на среднем расстоянии.

Я созерцал это с удовольствием.

- Какая замечательная вещь! - воскликнул я, охваченный энтузиазмом. — Я завидую Господу.

Граф поморщился и засмеялся.

- Посмотрим на Тьеполоса? — приглашать.

Мы пересекаем пару веселых комнат, нарисованных Карпиони-сатирами, преследующими нимф в романтическом лесу и на

окраинах морского пейзажа очень эксцентричное похищение русалки кентаврами — войти в эту яркую вселенную, одновременно нежную и жестоко экстравагантный, дикий и тонко упорядоченный, который Тьеполо, в последние дни итальянская живопись, созданная таким мастерским и волшебным образом. Это была история Эроса и Психеи, которая он разворачивался через три большие комнаты, простираясь даже до лайнеров, где в небе бледные пятнистые с белыми и золотыми облаками, соответствующие божества качались, погружение или восхождение через эмпиреум с этим воздухом совершенно непринужденности в его элемент, который в природе, кажется, принадлежит только рыбам и, возможно, некоторым крылатым насекомым и птица.

Фабио хвастался передо мной, чтобы быть в состоянии стоять на месте, глядя на картину больше время, которое любой иностранец. Но я так долго восхищался этими потрясающими фантазии, что он наконец вышел из себя.

-Я хотел показать вам ферму до обеда, - сказал он, глядя на часы. — У нас почти нет на это времени.

Я следил за ним блестяще.

. Мы смотрим на коров, лошадей, призового быка, индеек. Мы смотрим на высокие тонкие кучи, из сена, похожего по форме на гигантские сигары, поставленные на ноги. Мы смотрим на мешки с пшеницей в амбар. Не имея лучшего комментария, я сказал графу, что они напомнили мне мешки с пшеницей в английские амбары. Он выглядел очарованным.

Здания фермы возвышались вокруг огромного двора. Мы исследовали три стороны этой площади. Затем мы добрались до комнаты, которая была занята длинным низким зданием пересекается круглыми арками и, как я был удивлен, совершенно пуст.

- Что это? - я спросил, когда мы вошли.

- Ничего, - ответил граф. - Но когда-нибудь это может случиться… чи Сан?

Он стоял на мгновение в тишине, задумчиво нахмурившись, с выражение Наполеона на острове Святой Елены-мечтая о фютуро, оплакивая возможности ушедшие и потерянные навсегда. Его веснушчатое лицо, обычно блестящее с лампочкой,

это стало бессвязно мрачным. Потом вдруг он взорвался-несчастная жизнь, судьба черт возьми, Бог может позволить ему уйти и сделать что-нибудь вместо того, чтобы остаться. тратить свое время там. Я слушал, время от времени издавая смутный звук сочувствия. Что могу ли я сделать? Затем, с большим ужасом, я обнаружил, что могу сделать что-то, что они ожидали, что я что-то сделаю. Меня просили помочь графу продать его фрески. Как художник, это было очевидно, я должен был знать богатых покровителей, музеев, миллионеров. Я поворачиваю фрески; я мог бы честно рекомендовать их. Уже существовал этот усовершенствованный процесс перенос фресок на полотна. Стены могут быть легко очищены от вашей краски, полотна свернули и увезли в Венецию. Оттуда было бы проще всего в мире переправить их контрабандой чтобы сесть на корабль и забрать их. Что касается цены — если бы она могла достичь миллиона и половина лир, тем лучше; но он принял бы миллион, он принял бы даже три четверти миллиона. Е это даст мне десять процентов комиссии…

А потом, когда я продал свои фрески, что бы я сделал? Для начала-говоря это, граф торжествующе улыбнулся мне — превратит это пустое здание, в которое мы мы нашли его на moderna Cheese Factory. Может оптимально начать бизнес с середины миллион и, используя дешевую женскую рабочую силу из сельских районов, мог быть почти уверен получить большую прибыль сразу. Через два года, по его подсчетам, он достигнет восьмидесяти сто тысяч лир ежегодно со своими сырами. А потом-ах, потом! - был бы независим, мог бы уйти оттуда я бы увидел мир. Поедет в Бразилию и Аргентину. Предприимчивый человек с капиталом всегда я мог бы там преуспеть. Я поеду из Нью-Йорка в Лондон, в Берлин, в Париж. Ничего не было, что он не может.

Тем временем, однако, фрески все еще были на стенах-без сомнения, красивые (ибо, напомнил мне Граф, он любил искусство), но f полезно; огромный капитал, застывший в штукатурке, тратить себя впустую, совершенно бесполезно. В то время как с его Сырной фабрикой…

Медленно возвращаемся в дом.

Я снова был в Венеции в сентябре следующего года, 1913 года. Я полагаю, что там было этой осенью больше немецких пар в

медовый месяц, больше групп странствующих птиц в походах назад от того, что уже поворачивается к тому времени в Венеции. Как бы то ни было, для меня было слишком много. Прибрать мой чемодан и сел на поезд до Падуи.

Изначально он не собирался снова видеть молодого Тирабасси. Я не знал, действительно ли он я был бы рад меня видеть. Это потому, что фрески, насколько я знал, все еще были в безопасности прилипли к стенам и сырная фабрика была еще далека в будущем, в воображении. Я тебе он писал не раз, говоря ему, что делает все возможное, но что до сих пор, и так далее, и так далее. Не то чтобы у меня когда-либо была большая надежда. Я сделал это ясно с самого начала что мои отношения с миллионерами были ограничены, что я не знал директоров музеев американцы, которые не имели ни малейшей связи с международными торговцами кадрами. Но вера граф во мне остался, тем не менее, непоколебимым. Я думаю, что это был мексиканец, который вдохновлял так много уверенности. К тому времени, однако, после моих писем, после всего этого периода прошло время, когда ничего не было сделано, он мог подумать, что я оставил его, что я оставил его. он как-то обманул. Вот почему я не сделал ни малейшего шага, чтобы найти его. Удача, но это отменило мое решение. На третий день моего пребывания в Падуе я взял его с собой на улицу. Или лучше, он пошел со мной.

Прошло почти шесть часов, и я спустился, прогуливаясь по площади Пьяцца деи Санто. В то время, когда косой свет полон цветов, а тени длинные и profündas, Великая церковь с ее куполами, башни и колокольни, он приобретает как никогда фантастический и восточный вид. Я бы повернулся вокруг церкви, и я тогда стоял под статуей Донателло, глядя на мрачный бронзовый человек, животное тяжелых шагов, когда я вдруг понял, что кто-то он стоял слишком близко позади меня. Я отошел в сторону и обернулся. Это Был Фабио. Хвастовство-его знаменитое выражение лица приходского священника-туриста, смотрело на статую с открытым ртом в глупое основание, напоминающее рыбу.

- У меня была такая внешность? — спросить.

— Именно. - Он тоже засмеялся. Я наблюдал за ним последние десять минут., бродить по церкви. Вы, англичане! Действительно

…

Покачал головой.

Мы вместе неторопливо поднялись на Виа дей Санто, разговаривая во время прогулки.

- Мне жаль, что я ничего не смог сделать с фресками, - сказал я. — Но на самом деле…

Я растянулся на объяснениях.

— Может быть, когда — нибудь, - сказал Фабио, все еще оптимистично.

- Как графиня?

— О, все хорошо, — ответил Фабио,-учитывая обстоятельства. Она имела еще один ребенок через три или четыре месяца после того, как вы пришли к нам в гости, понимаете?

- Не говори?

- Теперь он ждет другого.

Я думал, что Фабио говорит с грустью. Больше, чем когда-либо, я восхищался остроумием старика граф. Но я сожалел из-за его fdho, что у него не было более широкого поля, в котором проявите свои таланты.

- А твой отец? — спросить. - Мы найдем его сидящим на Педрочах, как по привычке?

Фабио засмеялся.

— Нет, - осмысленно сказал он, - улетел.

- Улетел?

- Ушел, пропал,пропал.

- Но куда?

- Кто знает? - сказал Фабио. Мой отец как ласточки. Приезжай и уходи. Каждый год… Но миграция не является регулярной. Иногда он уходит весной; иногда осенью, иногда иногда летом.. В одно прекрасное утро его слуга входит в комнату, чтобы

позвонить ему, а его там нет. Исчезнуть. Он мог быть мертв. О, но это не так. - Фабио засмеялся. - Через два-три месяца он приходит снова, как будто возвращаясь с прогулки по ботаническим садам. “Здравствуйте. Здравствуйте”. - Фабий подражал голосу и жестам старого графа, нюхая воздух, как рабочая лошадка, скручивание кончиков воображаемых усов. - “Как твоя мама? Как девочки? Каким был виноград в этом году?”- Несколько раз фыркнул. - “Как Люциус? И кто оставил все этот мусор здесь, в моей студии?”

Фабий издал возмущенный рев, который заставил всех бездельников Виа Рома развернуться, поражены, в нашу сторону.

- И куда он идет? — спросить.

- Никто не знает. Моя мама спрашивала раньше. Но вскоре сдался. Не продвигать. “Где ты был, Асканий?“Моя дорогая, я думаю, что урожай оливок будет очень плохо в этом году.” Сопеть. И когда она настаивала, у него был приступ ярости, и он бил дверь… Что скажешь про закуску?

Открытые двери Педрочи приглашали. Заходим, выбираем убранный стол и присядем.

- Как вы думаете, что делает старый джентльмен, когда его нет дома?

- Ах!

Делая богато значимый жест, которым я так восхищался в отце, о молодой граф положил палец на нос и неторопливо, торжественно подмигнул левым глазом.

- Ты имеешь в виду…? Фабио утвердительно кивнул.

- Здесь, в Падуе, есть небольшая смотровая площадка. - С вытянутым пальцем молодой граф описал в воздух волнистая линия. - Симпатичная и пухлая. Черные глаза. Я заметил, что она в целом, кажется, отсутствует из города как раз в то время, когда старик совершает свои миграции. Но это может быть просто совпадение, естественно.

Официант принес наш вермут. Задумчиво молодой человек попробовал свой напиток. Радость он исчез из своей

физиогномики.

— А тем временем, - неторопливо продолжил он с измененным голосом, - Я остаюсь здесь, заботясь о ферме, чтобы старик мог бегать по миру со своей голубкой… Іа ваш коломбелла. (Выражение лица показалось мне особенно изысканным). - О, это смешно, нет сомнения, - продолжил молодой граф. - Но это не правильно. Если бы я не был женат, я бы ушел и попытаю счастья в другом месте. Я позволю ему позаботиться обо всем сам. Но с женой и двое детей-скоро трое детей-как я могу рискнуть? Как бы то ни было, есть много еды пока я здесь. Моя единственная надежда, - добавил он после небольшой паузы, - это нас фрески.

Это давало понять, размышлял я, что его единственная надежда была во мне. Мне было его жалко.

Весной 1914 года я послал двух богатых американцев посмотреть на деревню Фабио. Никакой он сделал предложение о покупке фресок. Я был бы поражен, если бы они это сделали. Но Фабио он был очень воодушевлен своим визитом. “Я думаю, - писал он мне, - что это было сделано начало. Эти американцы вернутся в свою страну и расскажут своим друзьям. Скоро будет шествие миллионеры приходят посмотреть фрески. Между тем жизнь продолжается, как всегда. Даже хуже, если это так возможный. Наша маленькая девочка, которую мы назвали в честь Эмилии, родилась в прошлом месяце. Мой жена прошла очень плохо и еще далека от хорошего самочувствия, что очень скучно.” (Казаться любопытное применение этого прилагательного в этих обстоятельствах. Но начиная с Фабия, я понял; он был одним из тех необычайно здоровых людей, для которых всякая болезнь таинственный, необъяснимый и, прежде всего, скучный и раздражающий). “Позавчера мой отец исчез снова. У меня еще не было времени проверить, пропала ли Коломбелла. Мой брат, Луций, ему удалось вырвать у него моторизованный велосипед, а это больше, чем я до сих пор. Но я мне никогда не удавалось дипломатично ползать по колесу одной вещи, как он способен сделать… В последнее время я очень внимательно изучаю бизнес сыроварни и я сомневаюсь, не будет ли выгоднее устанавливать на его месте ткацкое предприятие шелковый. Когда вы снова придете сюда, я объясню вам подробно.”

Однако прошло много времени, прежде чем я снова увидел Падую и графа… Война это положило конец моим ежегодным визитам в Италию, и по разным причинам, даже после того, как она была закончена, я я не мог снова отправиться на юг так скоро, как

хотел бы. Я больше не садился в Венецианский Экспресс, если не Осенью 1921 года.

Тогда я оказался в Италии, совсем не знакомой — в урне Италии, полной насилия и кровопролитие. Фашисты и коммунисты по-прежнему боролись. Храп в перед пыльными бурями, которые поднимались, грузовики, загруженные поющими мальчиками,, они бегали по стране в поисках приключений и оккультного большевизма. Мы остались почтительно в сточной канаве, когда они проходили; и сквозь пыль, которая летела, сквозь шум двигателя, возвращался кусок этой песни: “Giovinezza, giovinezza, primavera di Беллецца…”(Молодость, молодость, весна красоты). Где иначе в Италии могли бы такие слова были помещены в политическую песню? А потом прокламации, манифесты, доносы, призывы!

Каждый сайдинг и каждая глухая стена были покрыты ими.

Между вокзалом и Педрочи я прошел через целую библиотеку этих вещей. “Граждане!”, они начинали. “Героический ветер сегодня возрождает почти удушающую душу нашей несчастной Италия, охваченная ядовитыми эманациями большевизма и катящаяся в гнобильной деградации ноги народов.“И заканчивались, по большей части, ссылками на Данте. Я бы прочитал их все с бесконечность принести.

Я наконец добрался до Педрочи. На террасе, сидя в том же углу, где я поворачиваю его впервые, много лет назад, был старый граф. Он смотрел на меня с пустыми глазами выражения, когда я поздоровался, не узнав себя. Я начал объяснять, кто я такой. Через мгновение, он прервал меня, почти нетерпеливо, протестуя, что он уже помнил, совершенно нормально. Я очень сомневался, что он действительно помнит. Но он был слишком горд, чтобы признаться, что если забыть. Тем временем он пригласил меня сесть за свой стол.

На первый взгляд, издалека я подумал, что старый граф не состарился ни на день с тех пор, как последний раз видел его. Но я ошибался. С улицы, я поворачиваю только нахальный наклон ее шляпа, его щетинистые белые усы и козлиная бородка, раздвинутые колени, благородная выпуклость живот. Однако после того, как я смог внимательно и спокойно взглянуть на него, я увидел, что это действительно мужчина совсем другое. Под

наклонной шляпой лицо было болезненно красного цвета; кожа падала, образуя двойной подбородок. На белках глаз, обесцвеченных и как бы размытых по возрасту, маленькие вены разрывы показывались красными. И в тусклом свете собственные глаза, казалось, смотрели без интереса судя по тому, что они видели. Его плечи были согнуты, как будто они несли вес, и когда он поднял чтобы поднести ее к губам, рука так дрожала, что на стол упала капля кофе. Быть потом старик, и устал.

- Как Фабио? — спросить. С 1916 года я ничего о нем не слышал.

- О, Фабий в порядке, - ответил старый граф. - У Фабио все хорошо. Имеет шесть fdhos теперь, вы знаете?

Старый джентльмен кивнул и улыбнулся мне без намека на злобу. Казалось, что-если полностью забыть о причинах, по которым было так много работы, чтобы выбрать, как невестка хорошая католичка.

- Шесть — - повторил он. — А потом-знаешь? - он вел себя очень хорошо на войне. Мы, Тирабасси, мы всегда были воинами.

Полный гордости, он рассказал мне о подвигах и страданиях Фабия. Два раненых раз, специальное продвижение на поле боя, великолепные награды. Он уже был майором.

- А его военные обязанности до сих пор сохраняют его в Падуе?

Старый джентльмен кивнул головой, и вдруг на его лице появилось что-то похож на старую улыбку.

- В моей маленькой комбинации, - сказал он, тихо смеясь.

- А ферма? — спросить.

О, все шло очень хорошо, учитывая все, что произошло. Это было довольно дезорганизованный во время войны, с Фабио на фронте. Потом было много усложнение с крестьянами. Но Фабио и его фашисты все это исправляли.

- С Фабио там, - сказал старый джентльмен, - у меня нет забот.

Затем он снова начал рассказывать мне все о подвигах Фабио на войне.

На следующий день я сел на трамвай до Strà и, проведя приятный

час в деревне и парк, я спокойно пошел пешком в Доло. Мне потребовалось много времени, чтобы добраться туда, так как в это время я мог останавливаться и смотреть так долго, как хотел, на все очаровательные вещи

путь. Казанова тогда казался гораздо менее завидным, заметил я, заглядывая внутрь себя то же самое, чем когда я в последний раз проходил этот путь. Я был на девять лет старше старый.

Ворота были открыты. Войти. Там был дом, тяжелый и тяжелый, как всегда, но больше испорченный, чем когда я видел его в последний раз. Ставни нуждались в покраске, а в некоторых места штукатурка отслаивалась. Я подошел. Из дома доносился радостный звук смеха и крики детей. Я предположил, что семья играла в прятки, в поезда или, может быть от какой-то местной игры фашистов и коммунистов. Когда я поднялся по лестнице на террасу, я услышал звук маленьких ног, бегающих по плиточным полам. В пустых комнатах раздались шаги и крики странно. Затем внезапно из гостиной справа раздался звук голоса Фабио, кричащего яростно!

- О, ради бога! - крикнул он. - Заставь этих проклятых детей молчать. - Тогда он раздраженно пожаловался: - как вы ожидаете, что я буду делать математику с этим шумом?

Сразу же наступила глубокая и, так сказать, неестественная тишина. Затем звук шаги на цыпочках в сторону, несколько шепотов и нервный хихиканье. Я коснулся звонок.

Это графиня открыла дверь. Она стояла на месте на мгновение, нерешительно, не зная кем я был. Потом вспомнил, улыбнулся и протянул руку. Я заметил, что я был очень худым, и с увядание лица, глаза, казалось, стали больше. Выражение лица было нежным и безмятежным по-прежнему. Казалось, он смотрел на меня издалека.

- Фабио будет рад тебя видеть — - сказал он, проводя меня через дверь справа от террасы прямо в гостиную. Фабио сидел за палладианским столом перед кучей бумаги, кусая кончик карандаша.

Даже в своей зелено-серой служебной форме молодой граф чудесно выглядел блестяще, как солдат на сцене. Лицо было еще по-детски веснушчатым, но кожа была глубоко морщинистая. Он

выглядел намного старше, чем когда я в последний раз видел его — старше, чем был на самом деле. Открытая радость, светимость, свет, похожий на лампочку, они исчезли. На лице было смехотворно неуместное выражение хроники меланхолия. Это было сияюще, это правда, на мгновение, когда я появился. Думаю, осталось 0 искренне рад видеть меня.

- Каспита! - он повторял. - Каспита! (Это было его любимое выражение удивления, одно слово странно и старомодно). - Кто мог подумать? После стольких лет!

- И от всей вечности войны тоже — - сказал я. Однако, когда он отказался от первое кипение удивления и удовольствия, выражение меланхолии вернулось.

- Это оставляет меня в депрессии, сказал он-увидеть его снова, все еще путешествуя, свободно идти куда хотеть. Если бы я знал, какова была жизнь здесь…

- Ну, в любом случае — - сказал Я, думая, что должен ради графа представить какой-то протест — в любом случае война окончена, и вы избежали настоящая революция. Это уже что-то.

- О, ты такой же я, как Лора, - нетерпеливо сказал граф. Посмотрел на жена, как будто ожидала, что она что-то скажет. Но графиня продолжала с ее шить, даже не поднимая глаз. Граф взял меня за руку.

- Пойдем, - сказал он тоном, что это было почти от холеры. Давай прогуляемся на улице.

Религиозная отставка жены, ее терпение, ее безмятежность уменьшали его, я мог видеть это как упрек — невысказанный, без сомнения, и без намерения, но не совсем так менее унизительно.

Вдоль аллей, где росли кусты, в том, что раньше было садом, в старых дни великолепия, мы неторопливо шли к ферме. Некоторые неровные бухты они росли на краю дорожек, где когда-то были ухоженные живые изгороди. На вершине сухой резервуар Тритон сдул свою раковину без воды. В конце взгляда пара похищений-Плутон и Preserpina, поддержка и Дафна-отчаянно корчился против неба.

- Вчера я видел твоего отца, - сказал я. Он выглядит старым.

- И должно быть, - ядовито сказал Фабио. - Ему шестьдесят девять.

Мне было неловко, что тема стала слишком серьезной для легкомысленного разговора. Я я хотел спросить о Коломбелле. В сложившихся обстоятельствах я решил, что было бы разумнее ничего сказать о ней. Я сдерживал свое любопытство. Затем мы шли рядом со зданиями фермы.

- Коровы кажутся очень здоровыми, - вежливо сказал я, глядя в открытую дверь. В полутени, которая была внутри, представлялись шесть серых задних сидений, покрытых сухим навозом в ряд; его длинные кожаные хвосты нетерпеливо качались из стороны в сторону. Фабио не стал комментировать. Просто ворчал.

— В любом случае — - неторопливо произнес он, после очередного молчания, - он не сможет жить намного дольше. Я продам свою долю и поеду в Южную Америку, с семьей или без семья.

Это была угроза его собственной судьбе, угроза, тщетность которой он должен был знать. Он обманывал себя, чтобы сохранить настроение.

- Но — - воскликнул я, воспользовавшись еще одной и лучшей возможностью сменить тему — я вижу, что вы все-таки открыли здесь фабрику.

Мы обошли дальнюю сторону площади. Через окна длинного и низкое здание, которое во время моего последнего визита было пустым, я заметил сложные формы машины, ряды их в двойной ряд по всей длине здания.

- Ткацкие станки? Так вы решили против сыра? А фрески?

Я вопросительно повернулся к графу. Я был в ужасном страхе найти, когда мы вернулись в дом, большой зал лишился своих Веронезов и белой стены штукатурка там, где когда-то была история Эроса и Психеи.

- О, фрески все еще там, что от них осталось. - Несмотря на печальное выражение лица Фабия, я был в восторге от новостей. - Я убедил отца продать часть своей недвижимости в Падуе и мы начали этот ткацкий бизнес два года назад. Как раз вовремя, - добавил Фабио-да коммунистическая революция.

Бедный Фабио, ему не повезло. Крестьяне взяли его фабрику и попытались завладеть землей. В течение трех недель он жил в деревне в осадном положении, защищая место, с двадцать фашистов, чтобы помочь ему, против всех крестьян в регионе. Опасность миновала, но машины были сломаны, и в любом случае это было не в голову, чтобы вызвать они снова сработали. Настроения все еще были очень приподняты. Что еще хуже для Фабия это был тот факт, что брат Луций, который также взял немного капитала у старика, имел партия в Болгарию и вложила деньги в фабрику шнурков для обуви. Она была единственной. фабрика шнурков для обуви на даче и Люциус зарабатывал деньги, как вода. Он был свободен, как воздух, состоятельный, с очаровательной турецкой девушкой в качестве любовника. Для Фабия турецкая девушка была очевидно, последняя капля воды.

- УНА турецкая, УНА турецкая Вера, - повторял он, качая головой. Неверная символизировала ее глаза все, что было экзотическим, нерегулярным, не домашним; все, что не было семьей; все, что было вдали от Падуи и фермы.

- И это были такие красивые машины, - сказал Фабио, останавливаясь на мгновение, чтобы посмотреть на

последний из длинного ряда окон. Продать их или подождать, пока все это пройдет, починить-затем Лас и попытаться начать все сначала… не знаю. - Безысходно пожал плечами. - Или просто пусть все идет, пока старик не умрет.

Поворачиваем в угол площади и начинаем идти обратно к дому.

- Иногда, - добавил он после молчания, - я не могу поверить, что он когда-нибудь умрет.

Дети играли в Большом зале веронцев. Величественные двойные двери, которые выходили на террасу были приоткрыты. Через щель, мы видели их на мгновение, не будучи увидеть. Семья была устроена в боевом порядке. Рыжий мальчик десяти или одиннадцати лет он занимал Авангард, за ним следовал мальчик-триг. Потом приходили три девушки, размер которых постепенно уменьшался, как градуированный жемчуг; и, наконец, прикосновение людей в комбинезоне из синего льна. Все шестеро носили бамбук на плечах и пели в диссонирующем унисон звук своего рода горна из трех нот: “AlVarmi i Fascisti; смерть i

comuníst; a basso i socialisti ” - раз и раз без остановки. И когда они пели, они шли по кругу и ты возвращаешься, серьезно, неустанно. Огромная пустая комната эхом звучала, как бассейн. Далекий под его триумфальными арками, в его безмятежном мире фантастической красоты, шелковистые дамы и джентльмены играли его музыку и пили его вино; поэт декламировал, художник отдыхал его кисть перед холстом; обезьяны лазили среди римских руин, попугаи дремали над балюстрада. “Альфарми i fascisti, смерть i comunisti…“Хотел бы я просто стоять там в тишина, просто чтобы посмотреть, как долго дети будут продолжать свой патриотический марш. Но у Фабия не было моего научного любопытства; или, если оно было, оно, несомненно, было прошло много времени, прежде чем родился последний из детей. После того, как я позволил мне увидеть спектакль на мгновение открыл дверь и вошел внутрь. Дети бегали глазами на колесах и они немедленно замолчали. С его плохим настроением и его теорией воспитания мучений, они, казалось, были совершенно напуганы своим отцом.

- Продолжайте, - сказал он. — Продолжать.

Однако они не продолжались. Очевидно, они не могли сделать это в своей ужасающей присутствие. Незаметно отступили.

Фабио заставил меня прогуляться по раскрашенной комнате.

- Посмотри сюда, - сказал он, - и посмотри сюда.

В одной из стен Большого зала было полдюжины пулевых отверстий. Осколок снаружи оторванный от одного из окрашенных карнизов; одна дама была ужасно ранена в лицо; было два или три отверстия в ландшафте, и хвост обезьяны был отрезан.

- Это были наши друзья, крестьяне, - объяснил Фабий. В комнатах Карпионе все я все еще был в порядке. Сатиры все еще преследовали своих нимф. В комнате кентавров и русалок люди, которые были наполовину лошадьми, все еще бурно скакали в море, как всегда, чтобы похитить женщин, которые были наполовину рыбами. Но история Эроса и Психеи пострадает чрезвычайно. Тонкая панель, на которой Тьеполо нарисовал Психею, поднимая лампу, чтобы посмотреть ее таинственный любовник был не более чем слабым заплесневелым пятном. И где раньше молодой и возмущенный бог взлетел в воздух, чтобы воссоединиться со своими олимпийскими родственниками

(которые, к счастью, все еще плавали более или менее нетронутыми среди облаков лайнера) не было ничего, кроме самого бледного призрака. от восходящего Купидона, в то время как Психея плачет на земле внизу, было абсолютно невидимый.

— Это были наши друзья, французы, - сказал Фабио. - Они были расквартированы здесь, в 1918 и не удосужились закрыть окна, когда шел дождь.

Бедный Фабио! Все было против него. Утешения предложить не было. Той осенью я послал-ему искусствовед и еще трое американцев. Однако из этих посещений ничего не вышло. Правда в том, что у него было слишком много вещей, чтобы предложить. Кадр… может быть, было бы очень легко избавиться от этого. Но что

может ли кто-нибудь сделать это с целым домом картин, подобных этому?

Прошли месяцы. Примерно на Пасху следующего года я получил еще одно письмо от Фабио. Урожай оливок был плохим. Графиня ждала еще одного ребенка, и все было плохо. Двое старших детей были прикованы к постели с корью, а у предпоследнего было то, что итальянцы они называют это ” кашлем азинина 7 ‘. Верил, что все дети подхватят обе болезни в свое время. время. Он очень сомневался, стоит ли восстанавливать его ткацкие станки. Ситуация с торговлей шелком он был не таким прочным, как в конце 1919 года. Если бы я твердо придерживался сыра, как я хотел с самого начала! Луций только что заработал пятьдесят тысяч лир на удачных спекуляциях. Но неверная фужер с румыном. Старый граф быстро стареет; когда Фабий поворачивает его в последний раз он рассказывал одни и те же анекдоты три раза в течение десяти минут. С этими двумя хорошие новости-я полагаю, что для него это были единственные яркие пятна в окружающей темноте — Фабио заканчивал свое письмо. Я продолжал думать, почему вы потрудились написать мне. Возможно это было потому, что он испытывал некоторое жалкое удовлетворение, перечисляя таким образом свои трудности.

В августе того же года в Зальцбурге прошел фестиваль. Я никогда не был в Австрии и повод показался мне хорошим. Я пошел и прекрасно провел время. Зальцбург в настоящее время находится в полном разгаре движение. Есть барочные церкви в изобилии; есть итальянские фонтаны; есть сады и дворцы, которые они имитируют в своей экстравагантно тяжелой тевтонской манере сады и дворцы Рима. И, самым изысканным из всех сокровищ

является туннель высотой двенадцать метров, открытый через обрывистая скала-туннель, о котором мог мечтать только принц-епископ семнадцатого века, имея на каждом конце Триумфальную арку с пилястрами, сломанными фронтонами, статуями, щиты, все вырезанные из живой скалы — шедевр среди туннелей и самое веселое из всех аспекты в городе, где все, не будучи на самом деле хорошо, изысканно-ум “весело”. Ах, решительно Зальцбург находится в движении.

Однажды днем я взял fünicular и поднялся к замку. Под стенами крепости находится пивоварня с террасой, с которой открывается вид, который занимает видное место в Бедекере. Под ним, с одной стороны, находится город, раскинувшийся в изогнутой долине, пересекаемый рекой, как маленькая германская версия Флоренции. С другой стороны террасы открывается панорама, которая не он претендует на итальянство; он мягкий и романтично немецкий, как saída выход из “Freischutz” Вебера. На горизонте горы, заостренные и голубые, как горы книга гравюр; и, на переднем плане, продвигаясь к предгорьям необыкновенной скалы над на котором висят замок и пивоварня, простирается гладкая зеленая равнина-километры и километры суккулентов луга, усеянные крошечными коровами, здесь и там хорошо аккуратная игрушечная ферма или, реже, куча кукольных домиков, с колокольня поднимается ярко из середины их.

Я сидел со своим светлым пивом перед этим восхитительным пейзажем и слегка комично, комфортно, не думая ни о чем конкретном, когда я услышал позади себя голос восторженно восклицает: “Белло, Белло!“Я с любопытством оглянулся назад — мне это показалось немного удивительно слышать, как кто — то говорит по-итальянски-и я увидел одну из этих роскошных красивых женщин которые на юге так восхищаются. Это была Грасса Белла, толстая до такой степени, что она выглядела почти слишком зрелой и опасно близко к среднему возрасту; но по-своему все еще неоправданно красиво. Его лицо было пропорции айсберга: одна пятая над водой и четыре пятых ниже. Широкий и цветочный глаза опущены, он был почти лишен лба; волосы начинались непосредственно над волосами. бровь. Глаза были темными, большими и, по крайней мере, на мой вкус, немного нежными слишком много в его выражении. Я оценил ее в мгновение ока и должен был снова отвести глаза, когда его товарищ, который смотрел на вид с другой стороны, повернулся. Это был старый граф.

Думаю, я был более смущен, чем он. Я чувствовал, как краснеет,

когда наши глаза они нашли, как будто это я путешествовал по миру с Коломбеллой, и он удивил бы меня с поличным. Я не знал, что делать — если я улыбаюсь и разговариваю с ним, если я он поворачивался, как будто не узнал его, или Махал вдалеке, а затем осторожно, исчезать. Но старый граф положил конец моей нерешительности, крича, пораженный моим именем,,

бежит ко мне и хватает меня за руку. Какое удовольствие встретить старого друга! Особенно там! На этой земле, оставленной Богом… хотя все было довольно дешево, нет я так думал? Я хотел представить себя очаровательной своей соотечественнице, итальянской даме, которая осталась встреча накануне на поезде из Вены.

Меня познакомили с Коломбеллой, и мы все сели за мой стол. Говорить решительно по-итальянски граф заказал еще два пива. Поговорить. Вернее, граф он говорил, потому что разговор был монологом. Он рассказал нам анекдоты из Италии пятьдесят лет назад; сделал-в подражании любопытным персонажам, которых он знал; в какой-то момент он даже стал подражать рев осла-я забываю в каком контексте; но рев остается ярко в моем память. Обнюхивая воздух между каждым предложением, он дал нам свое мнение о женщинах. А Коломбелла кричала возмущенные протесты, разваливалась, в смехе. Старый граф крутил усы, подмигивая ей через сеть ее морщин. Время от времени он поворачивался к моей направление и он слегка подмигнул мне.

Я слушал с удивлением. Это был человек, который рассказывал один и тот же анекдот три раза из десяти минут? Я посмотрел на старого графа. Он сгорбился над Коломбеллой, скрывающейся в ее я слышал что-то, что заставило ее смеяться так сильно, что ей пришлось вытереть слезы с глаз. Отклоняя ее глаза встретили мой взгляд; улыбаясь, он пожал плечами, как бы говоря: “эти женщины! Как они дураки, но как они восхитительны, как они незаменимы!“Это был усталый старик что я видел годом ранее, сидя на террасе Педрочи? Это выглядело потрясающе.

- Прощай, риведерчи.

Они должны были снова спуститься в город. Фуникулер ждал.

- Я рад тебя видеть, - сказал старый граф, нежно встряхивая меня

рука.

- Я тоже — - заявил он. - Особенно рад видеть, как он так хорошо проходит.

— Да. Теперь я прекрасно себя чувствую, - сказал он, раздувая грудь.

- И молодой, - продолжил я. - Моложе меня! Как вам это удалось?

- Ах! - сделал граф, загадочно склонив голову в сторону.

Скорее в шутку, чем всерьез, я сказал: - Я думаю, вы были навестить Штайнаха в Вене. Сделать операцию омоложения.

В качестве единственного ответа старый граф поднял указательный палец правой руки, взяв его первым к губам, а затем к носу, подмигивая при этом. Затем, сжимая кулак и с большой палец, резко выступающий вверх, сделал сложный жест, который для итальянца из этого я прав, я был бы полон глубокого и жизненно важного значения. Для меня, однако, мало знакомый с языком жестов точное значение было не совсем ясным. Но граф не он предложил устное объяснение. Еще не произнеся ни слова, он поднял шляпу. Затем он взял еще один повернувшись пальцем к губам, он повернулся и с поразительной ловкостью спустился вниз по крутому пути, который он добирался до маленькой машины фуникулера, в которой Коломбелла уже заняла свое место.

ХЬЮБЕРТ МИННИ

Для Хьюберта лапелла этот первый роман был чрезвычайно важен. “Важный” - это слово, которое он сам использовал, когда писал об этом в ваш дневник. Это было событие в его жизни, настоящее событие для разнообразия. Чувствовал, что он отметил подлинный критический момент в его духовном развитии.

“Вольтер”, - написал он в своем дневнике-и во второй раз написал его в одном из своих письма Минни - ” Вольтер сказал, что мы умираем дважды: один раз со смертью всего тело снова и снова, со смертью способности любить. И таким же образом мы рождаемся дважды, второй раз-это случай, когда мы начинаем любить. Мы рождаемся тогда в Новый свет… мир более сильных чувств, более высоких ценностей, более проницательное

восприятие”. И так далее.

На самом деле Хьюберт нашел этот новый мир немного разочаровывающим. Чувство более интенсивные оказались довольно мягкими; они никоим образом не соответствовали стандартам литературный.

I TELL THEE I AM MAD IN CRESSID’S LOVE. THOU ANSWERST: SHE IS F AIR;

POURST IN THE OPEN ULCER OF MY HEART

HER EYS, HER HAIR, HER CHEEK, HER GAIT, HER

Голос…(*)

(*) Я говорю тебе, что я без ума от Крессида. Ты отвечаешь мне; она прекрасна; *Ты проливаешься на открытую язву моего сердца* твои глаза, твои волосы, твое лицо, твоя походка, твой голос… (Н. Т.)

Нет, это было, конечно, не совсем так. В своем дневнике, в своих письмах к Минни он нарисовал это правда, череда ярких и романтичных пейзажей Нового Света. Но это были пейзажи воображаемые, составленные в манере Сальватора Роза-богаче, диче, больше живописно светло-темнее, чем реальность. Хуберт с жадностью воспользовался малейшим благоговением несчастье, физическое желание, духовное стремление в своих письмах и дневниках превратить его в что-то по существу романтичное. Были случаи, обычно очень поздно ночью, когда я мог убедить себя, что я действительно самый дикий, самый несчастный, самый страстный влюбленных. Однако днем он заботился о своей жизни, питая своего рода обиду против любви. Сделка была в какой-то степени мошенничеством; да, действительно, решил, настоящий обман. Более того, я думал, что это не важно.

Однако для Минни любовь абсолютно не была мошенничеством. Почти с первого момент, она обожала его. Друг привел его на одну из встреч, которые она устраивала по вечерам. среда. “Это мистер Лапелл, но он слишком молод, чтобы его можно было назвать другим именем, кроме Хьюберт.“Таким образом, он был представлен. И, смеясь, она держала его за руку и называла его Хьюбертом немедленно. Он тоже нервно рассмеялся. “Меня зовут Минни”, - сказала она. Но он я был слишком скуден, чтобы называть ее каким-либо именем в ту ночь. Его Каштановая грива была достаточно и лохматый, как у мальчика, и его застенчивые

серые глаза никогда не смотрели на люди, если не с первого взгляда, отклоняются почти сразу, как будто они боятся. Быстро он смотрел на нас, с тревогой-потом снова отводил взгляд. Его музыкальный голос, с его внезапными акцентами, его быстрой модуляцией от высокого к низкому, он, казалось, всегда обращался к призрак, немного плавающий на стороне человека, с которым он разговаривал. Над бровями был красиво изогнутый лоб с задумчивой морщиной, поднимающейся между глазами. В покое, его рот с полными губами немного шипел, как будто он выражал хроническое недовольство миром. Естественно, подумала Минни, мир не был

достаточно прекрасна для его идеализма.

— Но в конце концов, - серьезно сказал он в ту первую ночь — - у нас есть мир мысли, чтобы жить. В любом случае, это просто, ясно и красиво. Люди вы всегда можете жить вдали от жестокого барафунда.

От конца кресла, в котором я сидел, хрупкого, уставшего и почти неудобного элегантная в этой “артистической” обстановке, Хелен Гламбер испустила свой явный хихиканье.

- Думаю, наоборот, - сказала она (Минни помнила все происшествия с той первая ночь — - я думаю, что мы должны бегать и встречаться с тысячами людей, есть и обильно пить, бесконечно заниматься любовью, кричать, смеяться и бить других по головам.

Дав волю этим бунтарским настроениям, г-жа Гламбер снова погрузилась в кресло, со вздохом усталости, прикрывая глаза тонкой белой рукой. Она была с жгучей головной болью, и свет причинял ей боль.

- Что за штука! - протестовала Минни, смеясь. Я был бы очень шокирован, если бы кто-то другой человек сказал это. Но Хелен Гламбер имела право сказать что угодно.

Юбер подтвердил свой квиетизм. Элегантная, измученная, бесконечно хрупкая, Миссис Гламбер он стоял в своем кресле, слушая. Или, может быть, под защитной рукой он пытался спать.

Она обожала его с первого взгляда. Теперь, когда я оглядывался назад, я мог видеть, что это было в первую очередь. вид. Он

поклонялся ему защитно, по материнской линии, потому что ему было всего двадцать лет, и он был очень молодой человек, несмотря на морщину между бровями, длинные слова ~и новообретенный знание университета. Ей было всего двадцать, а ей было почти двадцать девять, она тоже она любила его красоту. Ах, страстно.

Хьюберт, осознав это позже, был удивлен и чрезмерно обрадован. Никогда раньше с ним такого не случалось. Мне нравилось, когда меня обожали, и как Минни полюбила его так яростно казалось самым естественным в мире, что он тоже любил Минни. Правда, если бы она не начала обожать его, Юберу никогда бы не пришло в голову влюбиться в нее. В на первом свидании он нашел ее, несомненно, очень красивой, но не особенно привлекательной. После этого явное выражение ее обожания заставило ее найти ее более интересной и конец он тоже влюбился. Возможно, однако, неудивительно, что он нашел этот процесс немного разочаровывает,

Однако это отражалось в тех тайных случаях, когда человек был вынужден признать, что что-то был неправ в своей страсти, любовь без владения никогда не могла, очевидно, по самой природе из вещей, быть подлинной статьей. В своем дневнике он резко записал эти два катрена Джона Донн:

ТОЛЬКО MUST ПЮРЕ LOVERS ‘ SOULS DESGEND TO AFFECTIONS AND TO FACULTIES,

WHICH SENSE MAY REACH AND APREHEND,

ЕЩЕ ВЕЛИКИЙ ПРИНЦ В ТЮРЬМЕ ЛОЖЬ.

TO OUR BODIES TURN WE THEN, THAT ТОЛЬКО WEAK MEN ON LOVE REVEALED MAY LOOK;

LOVE’S MYSTERIES IN SOULS DO GROW,

BUT YET THE BODY IS HIS BOOK.(“)

(*) Н. т — - так чистые души влюбленных должны спуститься К чувствам и способностям которые чувство может достигнуть и постичь,

Иначе Великий принц останется в тюрьме.

К нашим телам мы обращаемся тогда, чтобы слабые люди могли смотреть на любовь выявить;

Тайны любви растут в душах, но тело - это его книга.

На следующем свидании она прочитала их Минни. Последовавший за этим разговор, составленный как это была философия и личные доверительные отношения, она была изысканной. Хьюберт думал, что это действительно соответствует к литературным стандартам.

На следующее утро Минни позвонила своей подруге Хелен Гламбер и спросила ее, может ли она пойти выпить с ней чай в тот день. Мне нужно было поговорить с ней о нескольких вещах. Миссис Глэмбер вздохнул, повесив трубку.

- Минни приходит сюда выпить чаю,-крикнула она, поворачиваясь к открытой двери.

Через коридор раздался голос мужа.

- Господи! - сказал он тоном далекого ужаса, рассеянной отставки. Это потому, что Джон Гламбер был похоронен в своей работе, и только немного его осталось, так сказать, выше с поверхности реагировать на плохие новости.

Хелен Гламбер снова вздохнула и, более комфортно устроившись среди своих подушки, протянул руку к своей книге. Я знал этот далекий голос и знал, что это значит. Это означало, что он не ответит, если она продолжит разговор; он просто скажет “num” и “IS”. И если она настаивать после этого означало, что он жалобно, мучительно скажет: “Дорогая, ты он должен позволить мне делать свою работу.“И в этот момент она так хотела бы поговорить немного. Вместо этого он начал читать с того места, где остановился, чтобы ответить на телефонный звонок Минни.

“К этому времени пламя охватило гинецей. Девятнадцать раз героический Патриарх из Александрии он осмелился войти в горящее сооружение, откуда ему удалось спасти все свои очаровательные обитатели минус два, в количестве двадцати семи, все из которых он приказал им быть их немедленно перевезли в их личные покои…”

Это была одна из тех поучительных книг, которые Джон любил читать. История, тайна, урок и закон. В то время, однако, она не чувствовала себя слишком желающей для история. Она хотела

поговорить. И это было вне рассмотрения; абсолютно вне рассмотрения.

Отдохнула книга и начала пилить ногти и думать о бедной Минни. Да, бедный Минни. Почему мы не могли не сказать: “Боже мой!“естественно, когда вы знали, что она пришла за чаем? И почему у нас никогда не было смелости отказаться, когда она говорила, что придет за чаем? Она была жалкой, но жалкой в такой скучной манере! Есть люди с кем нам нравится быть добрыми, людьми, которых мы хотим помочь и защитить. Люди, которые они смотрят на нас глазами больных обезьян. Сердца людей тронуты, когда они их видят. А бедная Минни, однако, не имела ни одного Чара больной обезьяны. Это был только один большая, здоровая женщина двадцати восьми лет, которая должна была выйти замуж и иметь детей, но не имела. Иметь была такой хорошей женой, такой восхитительно заботливой и заботливой матерью. Но было так, что ни один из них не от мужчин, которых она знала, она хотела обручиться с ней. И зачем им это нужно? Когда она вошла в одной комнате свет, казалось, заметно затмевался, электрическое напряжение ослабевало. Она не принесла жизнь; он впитывал то, что существовало, это было похоже на промокательную бумагу. Неудивительно, что никто не хотел жениться-если с ней. И все же, естественно, это было единственное, что имело значение. Особенно потому, что она всегда влюблялась; единственное.

- Джон! - внезапно закричала Миссис Глэмбер. - Правда ли, что говорят о

фуры?

- Хорьки? — повторил голос через коридор с далеким раздражением.

- Что женщины умирают, если они не оплодотворены?

- Откуда мне знать?

— Но вы обычно все знаете.

- Но, дорогая, правда…

Голос был жалобным, полным упреков.

Миссис Гламбер хлопнула рукой по рту и вытащила ее оттуда только для того, чтобы сыграть

поцелуй.

- Хорошо — - сказал он очень быстро. — Прекрасно. На самом деле, мне очень жаль. Я больше не буду это. Действительно.

Бросил еще один поцелуй в сторону двери.

- Но хорьки… - повторил голос.

- Псу… псу… псу.

- Почему хорьки?

- Дорогой, - почти смело сказала миссис Гламбер — - тебе действительно нужно продолжить свою работу.

Минни пошла за чаем. Он изложил случай-сначала гипотетически, как если бы это был случай третье лицо; затем, набравшись смелости, он лично разоблачил его. Это был его собственный случай. Жалость глубоко в своей невозмутимой, оплаченной невиновности, Хелен Гламбер жестоко советовала ей.

— Если ты'хочешь лечь с мальчиком в постель, — сказал он, - ложись с ним в постель. Вещь это не имеет ни малейшего значения само по себе. По крайней мере, не очень. Это важно только потому, что делает возможно больше тайных доверий, потому что это усиливает привязанность, делает человека уверенным смысл зависит от вас. И тогда, естественно, это естественно. Я решительно за природа, за исключением случаев, когда дело доходит до рисования лица. Говорят, хорьки…

Минни заметила, однако, что она не смогла завершить предложение. Испуганный и очарованный, потрясенная, но убежденная, она слушала.

- Дорогой, - сказала миссис Глэмбер той ночью, когда ее муж вернулся домой, — потому что не смог встретиться с Минни и потягивать чай в клубе - кто это придумал религия, грех и все такое? И почему?

Джон засмеялся.

— Это было изобретено Адамом, - сказал он, - по разным малым и

трансцендентным причинам что вам, вероятно, будет трудно понять. Но и для очень практической цели держать Еву на линии.

- Ну, если вы думаете, что усложнять жизнь другим-значит держать их в узде, я осмелюсь сказать, что вы правы. - Миссис Глэмбер покачала головой. - Я думаю, это очень непонятно. В шестнадцать годы, это правильно. Но мы действительно должны были преодолеть эти вещи к двадцати годам. И в тридцать… женщине почти тридцать, понимаете? … Ну, действительно…

В конце концов Минни написала Хьюберту, что решила. Хьюберт жил в Хартфордшире со своим другом Уотчеттом. Дом был большой, еда была хорошей, и мы сели очень удобно. Кроме того, у старого Мистера Уотчетта была очень солидная библиотека. В тени непроницаемый из Велингтонии Хьюберт и Тед Уотчетт играли в крокет и обсуждали лучших методы культивирования себя. Они решили, что мы можем многое сделать с искусством-книги, кадры и музыка, понимаете?

- Послушайте “Сакре” Стравинского, - сказал Тед Уотчетт — - и вас навсегда отпустят от поездки в Тибет, на Золотой берег или в любое из этих ужасных мест. Тогда есть Достоевский

вместо убийства и Д. Х. Лоуренса в качестве замены секса.

— Тем не менее, — сказал Хьюберт, - нам нужно иметь определенный реальный опыт, не воображаемый. - Говорил серьезно, абстрактно, но письмо Минни было у него в кармане. - Гноссе тейпсум. Вы действительно сможете узнать друг друга, не вступая в конфликт с события?

На следующий день приехала двоюродная сестра Теда Фиби. У него были рыжие волосы и молочная кожа. Это было более или менее в театре музыкальной комедии.

- Одна нога вперед, а другая назад, - объяснила она. И * расширение.

И тут же она выполнила расширение над ковриком в гостиной.

- Е ‘ очень легко, - сказал он, смеясь, и встал с прыжка с легкой грацией, которая сделала люди теряют дыхание. Тед не любил ее.

- Скучная девушка, - прокомментировал он. - Так глупо.

Сознательно глупо, глупо цель, что еще хуже.

И это было правдой. Она хваталась количеством шампанского, которое могла выпить, не оставаясь о том, сколько раз она переступала черту и показывала себя “слепой к миру”. Нравиться говорить о своих поклонниках в терминах, которые заставляли нас думать, что они все ваши признанные любовники. Однако у нее было оправдание ее жизненной силы и ее блестящих волос рыжий.

“Жизненная сила”, - писал Юбер в своем дневнике (предсказывал далекую дату, после, или и, скорее, до его смерти, в которой эти признания и афоризмы будут опубликованы), ” а жизнеспособность может предъявлять требования к миру почти так же властно, как и красота. Иногда, красота и жизненная сила встречаются в одном человеке.”

Это Хьюберт устроил их на мельнице. Один из его друзей был прав время с группой студентов и нашел место удобным, уединенным и удивительно тихим. Тихий, то есть с особой тишиной, свойственной мельницам. Это потому, что тишина не была тишина ночи на горе. Это была тишина, сделанная из непрерывного грома. В девять часов утром мельничное колесо начинало поворачиваться, и его рев не прекращался весь день. Мы первые моменты, шум был ужасающим, это было почти невыносимо. Затем один чуть позже мы привыкли к нему. Грохот по причине собственной непрерывности, это превратилось в совершенную тишину, удивительно богатую и глубокую.

В конце мельницы был небольшой двор, окруженный с трех сторон домом, хозяйственными постройками и через высокую кирпичную стену, открытую с четвертой стороны, которая выходила на ручей. Глядя на парапет Минни наблюдала, как вода течет. Это было похоже на коричневую змею с стреловидные отметины на спине; ползал, скользил, текла вечно. Она сидела там, ожидая: ее поезд, идущий из Лондона, доставил ее туда сразу после обеда; Юбер, приехавший из дома Watchetts через поле, вряд ли прибудет до шести. Вода текла под его глазами, как время, как судьба, мягко к какому-то новому и насильственному событию.

Огромный шум, который был в этом заднем дворе, охватил ее. привыкла, ее разум двигался-если в нем, как если бы это был его родной элемент. С другой стороны парапета исходила свежесть и запах трава воды. Однако, когда он повернулся к заднему двору,

он сразу же пропылесосил горячее запах солнца, поражающий цветы и созревающие плоды. Под полуденным солнцем мир целое было зрелым. Старый красный дом стоял там, спелый, как упавшая слива; стены были более спелыми, чем плоды нектарина, так нежно и осторожно распятые на его горячих кирпичах. И эта богатая тишина непрекращающегося грома казалась, почему так сказать, пыльное цветение дня, которое дошло до нежной зрелости и висело, круглый, как персик и сочный жизни и счастья, ждет под солнцем укус зубов алчный.

В самом сердце этого зрелого мира, как ожидал фрукт Минни. Вода текла в рулевое управление; тихо, тихо… затем он падал, разбивался на куски на вращающемся колесе. И время скользило вперед, тихо к событию, которое разрушило бы все спокойствие вашей жизни.

“Если вы действительно хотите лечь с парнем в постель, ложитесь с ним в постель.“Я мог слышать чистый, высокий голос Хелен, говорящий жестокие и невозможные вещи. Если бы кто-нибудь сказал их, она бы выбежала из комнаты. Но в устах Хелен они казались, я не знал, почему, так просто, так безобидные и такие правдивые. Однако все, что другие люди говорили или предлагали-в дома, в школе, среди людей, с которыми он встречался-казалось одинаково истинный.

А также, естественно, была любовь. Хьюберт написал шекспировский сонет, который это начиналось так:

Love hallows ali whereon ‘ TIS truly placed.

Turns dross to gold with one touch oj his dart, Makes matter mind, extremest passion,

And buílds a temple in ihe lustful heart.(*)

(*) Любовь освящает все, на что она действительно возложена.

Он превращает шлак в золото одним прикосновением своего дротика, делает материю важной, и каста самая крайняя страсть, и строит храм в похотливом сердце. (Н. Т.)

Она думала, что это очень красиво. И очень верно. Казалось, что мост между Хелен и другие люди. Вся разница была в любви, в настоящей любви. Это оправдывало все. Любовь — сколько,

сколько она любила!

Время шло, и свет становился богаче, когда солнце падало с апогея неба. День становился все более восхитительно зрелым, разрываясь от неслыханной сладости. На их лицах покраснели от солнца Громовая тишина колеса мельницы протянула самое мягкое, самое велюровое от расцветов. Минни сидела на перилах и ждала. Иногда я смотрел на воду, которая бегал внизу, иногда обращал взоры на задний двор. Храм текла, но у нее больше не было страх того разрушительного события, которое гремело в будущем. Зрелая сладость дня казалась проникни в свой дух, наполни его до краев. Больше не было места для сомнений, предсказаний страх или сожаление. Она была счастлива. Нежно, с нежностью, которая не могла выразить словами, но только с самым нежным из легких поцелуев, с пальцами, торчащими милосердно в его взъерошенных волосах она подумала о Хьюберте, ее Хьюберте.

Хьюберт, Хьюберт… И вдруг, на удивление, он стоял рядом с ней.

- Ой — - воскликнула она, и на мгновение уставилась на него круглыми карими глазами, в которых не было ничего, кроме удивления. Потом выражение изменилось. - Юбер, - тихо сказал он.

Хьюберт взял ее за руку и снова уронил; он посмотрел на нее на мгновение, затем отвернулся. Наклонившись над парапетом, он посмотрел на воду, которая текла под ним. Улыбки не было на его лице. Долгое время оба молчали.

Минни стояла там, где стояла, сидя очень тихо, с пристальными глазами на повернутом лице юноши. Я был счастлив, счастлив, счастлив. Долгий день созревал и созревал, совершенство за совершенством.

- Минни, - вдруг сказал молодой человек и с большой резкостью, как будто остался слишком долго решался говорить и, наконец, смог отпустить подготовленные слова и подавленные-я думаю, что вел себя очень плохо с тобой. Я никогда не должен был просить его прийти. здесь. Это была ошибка, извините.

- Но я пришла, потому что хотела, - объяснила Минни.

Хьюберт взглянул на нее, затем отвел глаза и продолжил движение к призраку

который, казалось, плавал чуть выше поверхности проточной воды. - Это было слишком много, чтобы просить. Я не должен сделал это. Для мужчины все по-другому. Но для женщины…

- Но я говорю вам, что хотел.

- Это слишком.

— Ничего, - сказала Минни, - потому что я его люблю. Наклонившись вперед, побежал пальцы за его волосы.

Ах, нежность, которую никакое слово не могло выразить!

- Глупо, - прошептал он. - Вы думали, что я недостаточно люблю его для этого?

Хьюберт не поднял глаз. Вода скользила и скользила перед его глазами. Пальцы Минни играли в ее волосах, ласково бегали по ее затылку. Внезапно почувствовал позитивная ненависть к этой женщине. Идиот! Не могли бы вы понять намек? Он не хотеть. И почему вы решили, что хотите ее? На протяжении всей поездки в поезде он сам делал это вопрос. Почему? Почему? И вопрос повторился еще более срочно через несколько минут раньше, когда он стоял у двери двора, он заглядывал за яблоню и наблюдал за ней, не будучи замеченным, в течение долгой минуты, - наблюдал, как она сидит на груди, поворачивая свои смутные карие глаза Ора к воде, молится во двор, и улыбается себе с выражением лица, которое казалось ей таким пусто и расплывчато до такой степени, что он почти догадывается, что она мудак.

С Фиби накануне остановилась на вершине обнаженного склона. Как море у его ног, простиралась равнина, и над темным горизонтом выделялись героические облака. Пальцы ветер поднял рыжие пряди ее волос. Она была как бы уравновешена, готова прыгать в турбулентном воздухе.

- Как бы я хотел летать! - сказала она. - Я всегда думал, что есть что-то особенно привлекательно в авиаторах.

И она бежала вниз по холму.

Но Минни, с ее тупыми волосами, ее лица красные, как яблоки, ее тело большое и тяжелая, напоминала деревенскую девушку. Как

вы пришли к убеждению,что хотите ее? Е естественно, что все стало намного хуже, так это то, что она смущенно его обожала, скучно, как слишком ласковая собака, которая настаивает на том, чтобы наступить ей на ноги и лизать ее рука именно тогда, когда вы хотите сидеть спокойно и сосредоточиться на вещах serias.

Хьюберт отошел в сторону, остался вне досягаемости ее заботливой руки. Поднял его к себе на мгновение пара глаз, которые стали, так сказать, тусклыми от холодной холеры; затем он снова уронил их.

- Жертва слишком велика, - сказал он голосом, который казался ему чужим. Мне было очень трудно убедительно сказать что-то такого рода. - Я не могу просить вас об этом. — продолжил актер. - Я не буду просить.

- Но это не жертва, - возразила Минни. - Это радость, это счастье. О, Будет ли это вы не можете понять?

Хьюберт не ответил. Неподвижно, положив локти на грудь, он смотрел на воду внизу. Минни посмотрела на него, сначала только озадаченная; но внезапно ее одолела безымянная и мучительное сомнение, которое росло и росло в его внутренней части, поскольку молчание продолжалось, как огромный рак духа, пока он не съел все свое счастье, пока не осталось в его ложь ничего, кроме сомнений и опасений.

- Что это? - наконец-то сказала она. - Почему ты такой странный? Что это, Хьюберт? Что да?

Нетерпеливо наклонившись вперед, он положил руку по обе стороны от лица, которое

он свернул и повернул его к себе. Пустые и тусклые от гнева были глаза. - Что это? — повторять она. - Хьюберт, что это?

Хьюберт отпустил.

- Бесполезно — - сказал он задыхающимся голосом. - Это бесполезно. Думаю, мне лучше уйти. хотя. Карета все еще в дверях.

И, не дожидаясь, пока она что-нибудь скажет, не объясняя себя дальше, развернулась и пошла быстро, почти бегая, к дому. Что ж,

слава Богу, сказал я себе, что я был свободен. Он действовал не очень хорошо, элегантно или смело, но в любом случае был избавься от этого. Бедная Минни. Мне было жаль ее, но что я мог сделать? Бедный Минниэль Тем не менее, его тщеславие льстило мысли, что она будет плакать по нему. И в любом случае, он сказал своей совести, что она не могла по-настоящему заботиться об этом. С другой стороны, однако она напомнила ему о его тщеславии, она обожала его. О, я абсолютно любил его…

Дверь закрылась за ним. Минни снова осталась одна во дворе. Зрелые, зрелые, это был задний двор под вечерним солнцем. Половина из них уже была в тени; а остальные-под светом окрашенный днем, он, казалось, достиг окончательного и абсолютного совершенства зрелости. Цветущий в Громовая тишина, самый избранный фрукт когда-либо висел там, восхитительно сладкий, сладкий до комка; он висел блестящим и красивым почти в темноте.

Минни сидела там очень тихо, спрашивая себя, что случилось. Если бы он ушел, действительно ли он ушел? Дверь закрылась за ним со стуком и, почти как если бы * звук был заранее согласованным сигналом, человек вышел из мельницы, подошел к плотине и закрыл шлюз. Внезапно колесо остановилось. Апокалиптически сделал себя тишина; тишина отсутствия звука заняла место той другой тишины, которая была звуком бесперебойный. Вокруг нее бесконечно открывались пропасти. Она была одна. Через пустота от отсутствия звука поздняя пчела оставляла свой тонкий жужжащий звук; воробьи щебетали, и из по другую сторону воды доносился звук далеких голосов и смеха. Как будто я проснулся от сна,, Минни подняла глаза и испуганно слушала, поворачивая голову из стороны в сторону.

ЖИВОПИСЬ

ПРОШЛО ПОЧТИ ТРИ ЧЕТВЕРТИ ЧАСА, КАК ОНИ ССОРИЛИСЬ. Афламады и нечленораздельные голоса спускались по коридору, доносясь с другой стороны квартиры. Сгорбившись над своим шитьем, Софи без особого любопытства спрашивала себя, почему на этот раз они будут ссориться. Это был голос мадам, который она слышала чаще всего. Пронзительный из-за гнева и возмущения из-за слез голос выходил порывами, в гольфах. Месье

эра более контролируемый, а его более глубокий голос имел очень мягкий тон, который не позволял ему проникать через закрытые двери и продвигаться по коридору. Для Софи, в ее холодной маленькой комнате, ссора по большей части это казалось серией монологов мадам, прерванных незнакомцами и громкое молчание. Однако время от времени Месье, казалось, полностью терял хладнокровие и тогда между гольфами была не тишина, а резкие, глубокие, холерические крики. Сударыня он постоянно и без затухания сохранял свой высокий пронзительный голос; его голос был даже с гнев, любопытство и ровное однообразие. Господин, однако, говорил то громко, то тихо, с акцентами и модуляции и внезапные вспышки, так что их вклад в обсуждение, когда они были слышно, это было похоже на серию отдельных взрывов. Ау, ау-ау — ау, ау-собака хорошо лает медленно.

Через некоторое время Софи перестала обращать внимание на шум ссоры. Находиться исправление одной из комбинаций мадам и работа требовала ее полного внимания. Чувствовал себя устала; все ее тело болело. Это был тяжелый день; предыдущий день тоже; и другой перед ним одинаково. Каждый день был тяжелым, и она больше не была такой девочкой, как раньше. Еще два года и было бы пятьдесят. Каждый день был тяжелым с тех пор, как он мог вспомнить. Думал о нас мешки с картошкой, которые она несла в поле, будучи маленькой девочкой. Медленно, очень медленно, я шел по пыльной дороге с сумкой через плечо. Еще десять шагов; я мог бы сделать это. Только то, что у него никогда не было конца; он всегда должен был начинать все сначала.

Он поднял глаза от шва, переместил голову из стороны в сторону и подмигнул. Начал увидеть огни и цветные пятна танцуют перед глазами. Это часто случалось с ним недавно. Своего рода блестящий желтоватый дождевой червь ползал в сторону в правом углу поля зрения; и хотя он двигался без остановки вверх, вверх, он всегда оставался в одном и том же месте. И были красные и зеленые звезды, которые взрывались,, они вспыхивали и исчезали вокруг червя. Они двигались между ней и ее швом; там они стояли когда закрывал глаза. Через мгновение он приступил к своей работе. .Мадам хотела ее сочетание с настойчивостью на утро следующего дня. Но вокруг червя было трудно увидеть.

В другом конце коридора внезапно усилился шум. Один дверь открылась; слова сформулированы.

— … bien tort, mon ami, si tu crois que je suis ton esclave. Je ferais cê que je voudrai.

- Мелет аусси.

Месье издал грубый и опасный смех. В коридоре был шум тяжелых шагов, и шум, когда кто-то возится с держателем для шляп; затем хлопнула входная дверь.

Софи снова подняла глаза от своей работы. О, червь, разноцветные звезды, болезненная усталость во всех ее конечностях! Если бы я мог провести целый день в постели - на огромной, перистой, теплой и мягкой кровати целый день…

Звон звонка напугал ее. этот яростный жужжащий звук, похожий на осу, всегда я заставлял ее прыгать. Встал, положил работу на стол, разгладил фартук, расправил шапочку и вышел в коридор. В очередной раз зуммер яростно гудел. Мадам была нетерпелива.

- Наконец-то, Софи. Я думал, что никогда не приду. Софи ничего не сказала. Ничего не было

сказать. Мадам стояла

перед открытым гардеробом. Много платьев висело на его руке, и там было другие сгрудились над кроватью.

“Une beauté à Ia Rubens”, - так ее муж называл ее, когда был в настроении любящий. Ему нравились эти большие, великолепные, массивные женщины. Я не хотел знать о тех, гибкие канализационные трубы. “Элен Фурмонф” - это ласковое имя, которое она дала ей.

- Когда-нибудь, - говорила мадам своим друзьям, - когда-нибудь я действительно пойду в Лувр посмотреть мой портрет. Рубенса, понимаешь? Удивительно, что мы провели всю свою жизнь в Париж и никогда не видел Лувр. Не так ли?

Она выглядела чудесно в ту ночь. Его лица были румяными; его голубые глаза мерцали со странным блеском между длинными ресницами; его короткие рыжевато-коричневые волосы они были дико свободны.

- Завтра, Софи, - резко сказала она, - мы уезжаем в Рим. Завтра

утром.

Во время разговора он снял с вешалки гардероба еще одно платье и бросил его на кровать. С движением его пеньюар ” открылся, и было видение роскошного нижнего белья и пышное белое мясо.

- Нам нужно немедленно собрать вещи.

Как долго, мадам?

- Две недели, три месяца… Как я узнаю?

Это имеет значение, JMadame.

- Главное-уйти. Я не вернусь в этот дом после того, что мне сказали сегодня. ночью, если не тогда, когда он смиренно попросит меня.

- Тогда нам лучше взять большой чемодан, мадам. Я заберу ее.

Воздух в свалке был тошнотворным от запаха пыли и кожи. Большой чемодан был туго в дальнем углу. Ей нужно было наклониться и сильно растянуть тело, чтобы ее можно было потянуть. А червь и разноцветные звезды мерцали перед его глазами. Почувствовала головокружение, когда выпрямилась тело.

— Я помогу ей собрать вещи, Софи — - сказала мадам, когда служанка вернулась, таща за собой тяжелый чемодан. Как старуха была похожа на череп! Ненавидел иметь старые уродливые люди рядом с вами. Но Софи была настолько эффективна, что было бы безумием отослать ее.

- Мадам не нужно беспокоиться.

Этому не будет конца, Софи знала, что не будет конца, если мадам начнет открываться ящики и выбросить вещи.

- Мадам будет намного лучше, если она ложится спать. Уже поздно.

Нет, нет. Я не мог уснуть. Я так нервничала. Эти люди. .. Какая глупость! Не мы их рабыни. Мы не можем быть обработаны таким образом.

Софи собирала чемодан. Целый день в постели, огромная мягкая кровать, как мадам. Я бы вздремнул, на мгновение проснулся, а

затем снова заснул.

- Ваша последняя уловка, — возмущенно говорила мадам,-сказать мне, что у вас нет денег. “Я больше не должен покупать одежду”, - говорит он. И ” слишком гротескно. Я не могу ходить голым, не так ли? — Выбросил руки. - И этот бизнес сказать, что он не может тратить, просто абсурдный. Он вполне может. Только это Совина, Совина, ужасно Совина. Если бы он хотя бы сделал какая-то честная работа, просто для разнообразия, вместо того, чтобы писать глупые стихи и публиковать их в

за его счет у него было бы достаточно денег, чтобы потратить. - Ходил туда - сюда по комнате. - Кроме того, — продолжил он, - есть его отец. Для чего он нужен, я хотел бы знать? “Ты я должен гордиться тем, что у меня есть поэт в качестве мужа”, - говорит он. - Мадам заставила ее голос дрожать как у старика. - Я не знаю, как я могу не смеяться ему в лицо. “И какие прекрасные стихи Хегезиппа пишет о себе! Какая страсть, какой огонь!”- Думая о старике, она поморщилась, покачала голова, покачал пальцем и пошатнулся над ногами. - И когда мы думаем, что бедный Hégésippe лысый и красит несколько прядей волос, которые у него остались. - Мадам засмеялась. - Что касается страсть, о которой он так много говорит в своих глупых стихах, — снова засмеялся, — все это чистое изобретение. Но, моя добрая Софи, о чем ты думаешь? Почему вы кладете это ужасное платье в чемодан старый красный?

Софи сняла платье, ничего не сказав. Почему женщина выбрала именно эту ночь для выглядеть так ужасно больным? У него было желтое лицо и синие зубы. Мадам вздрогнула; это было слишком ужасно. Я должен отправить ее в постель. Но, в конце концов, обслуживание должно было быть сделано. Что она могла сделать? Ей было больно больше, чем когда-либо.

- Жизнь ужасна. - Вздохнув, тяжело сел на край кровати. Пружина сильные качали ее один или два раза, прежде чем она осела. - Быть замужем за таким мужчиной. Скоро я стану старым и толстым. Я ни разу не изменял. И посмотри, как он относится ко мне. — Он снова встал и начал бесцельно ходить по комнате. - Но я не выдержу этого — она взорвалась.

Он стоял перед длинным зеркалом и восхищался своей трагической и великолепной фигурой. Никто бы не поверил,

глядя на нее, что ей уже больше тридцати лет. За красивой трагикой он мог видеть в зеркале старое существо, худое и несчастное, с желтым лицом и синими зубами, сидящее на корточках о чемодане. Действительно, это было слишком неприятно. Софи выглядела как одна из тех попрошаек, которые люди видели это холодным утром, стоя в канаве. Лучше пройти быстро, стараясь не смотреть на они? Или остановитесь, откройте сумку, дайте им медно-никелевую монету — даже купюру в два франки, когда ты больше не меняешься? Все, что было сделано, мы всегда он чувствовал себя некомфортно, всегда чувствовал, что извиняется за мех, который носил. Быть в этом можно было ходить пешком. Если бы у нас была карета — но это был еще один из sonivices Hégésippe-нам, бегущим за закрытыми окнами, не нужно было бы обращать на это внимание их. Отошел от зеркала.

- Я не выдержу этого, - сказала она, стараясь не думать о нищих, синезубых в одном желтое лицо. - Я не выдержу.

Он позволил себе упасть на стул.

Но представьте себя любителем с желтым лицом и зазубренными синими зубами! Закрыл глаза, вздрагивая перед идеей. Этого было достаточно, чтобы человек заболел. Она чувствовала себя вынужденной взгляните еще раз: глаза Софи были зеленовато-свинцовыми, абсолютно безжизненными. Что если может ли это сделать? Лицо женщины было упреком, обвинением. Кроме того, его вид сделал, это сделало ее положительно больной. Я никогда не была в такой глубокой депрессии.

Софи, стоявшая на коленях: медленно и тяжело встала. Выражение боль появилась на его лице. Неторопливо направился к ящикам, неторопливо пересчитал шесть пар шелковых носков. Вернулся к чемодану. Женщина была ходячим трупом!

- Жизнь ужасна, — повторила мадам, без убеждений, - ужасна, ужасна, ужасна.

Я должен отправить жену в постель. Но я никогда не смогу собрать свои вещи самостоятельно. Е было так важно уйти на следующий день очень рано. Он сказал Хегезиппу, что уйдет, и он сам я ограничился смехом. Я не поверила. На этот раз мне нужно было преподать ему урок. В Риме он встречался с Луиджино. Такой очаровательный мальчик, и маркиз, к тому же. Возможно… Но я не мог думать о ничего, кроме лица Софи; перистые глаза,

голубоватые зубы, желтая кожа морщинистый.

- Софи, - вдруг сказала она; с трудом сдерживала крики, - посмотри в мою презерватив. Там есть ящик рауге, Дорин номер двадцать четыре. Положите немного на их лица. И в правом ящике есть тюбик с помадой.

Она решительно закрыла глаза, когда Софи встала — с чем ужасный скрежет суставов! - подошла к презервативу и там стояла, слегка шевелясь объекты, в течение того, что казалось вечностью. Какая жизнь, Боже мой, какая жизнь! Неторопливые шаги они поползли обратно. Открыл глаза. О, так было намного лучше, намного лучше.

- Спасибо, Софи. Теперь ты выглядишь намного менее уставшим.

- Резко встал. - И теперь нам нужно идти быстро. - Полный энергии, побежал в гардероб. - Господи! - воскликнул он, подбрасывая руки вверх. - Вы сами забыл надеть мое синее вечернее платье. Как ты можешь быть такой глупой, Софи?

ПОРТРЕТ

Картины? - СКАЗАЛ МИСТЕР Б1ГГЕР. - Вы хотите увидеть некоторые картины? Что ж, у нас на данный момент в наших галереях смешанная выставка Moderna Works, очень интересно. Французы и англичане, понимаете?

Покровитель поднял руку и покачал головой.

- Нет, нет. Для меня ничего Moderna, - заявил он на своем приятном Северном английском.

- Мне нужны настоящие картины, старые картины. Рембрандт и Сэр Джошуа Рейнольдс, такие вещи род.

- Отлично, - сказал мистер Биггер, кивнув. — Старый Мастер. Естественно, мы работаем как со старыми вещами, так и с Moderna.

— Дело в том, — сказал другой, - я только что купил очень

большой дом… хоромы

- добавил он впечатляющим тоном.

Мистер Биггер улыбнулся. В этом простом парне была очень милая наивность. Он спросил себя, как бы человек заработал свои деньги. “Хоромы”. Способ, которым сказал, что это было действительно очаровательно. Там был человек, который за счет своего труда поднялся от крепостного права до сеньора поместья, от широкого основания феодальной пирамиды до узкой вершины. Потеть сама история и вся история классов подразумевались в уважительно гордом акценте что он отдал “особняку”. Но незнакомец продолжал говорить. Мистер Биггер не мог позволить своим мысли блуждали еще дальше.

— В доме такого стиля, - говорил он — - и с таким положением, как у меня, мы нужно иметь несколько кадров. Старые мастера, понимаете? Рембрандтс и я не знаю, что еще.

- Естественно, - сказал мистер Биггер, - старый мастер-символ превосходства

социальный.

- Именно так — - крикнул другой, сияя. - Господь сказал именно то, что я я хотел сказать.

Мистер Биггер наклонился и улыбнулся. Было восхитительно найти кого-то, кто принял бы ее маленькие ирония с трезвой серьезностью.

- Естественно, нам просто понадобятся старые мастера внизу, в приемной. Было бы слишком хорошо иметь их в общежитиях.

- Слишком хорошо, - согласился Мистер Биггер.

- По правде говоря, — продолжал господин поместья, - дочь моя… рисует немного. Очень красивые рисунки. Я положу некоторые из ваших работ в рамки и повешу их.- их в общежитиях. Это преимущество иметь художника в семье. Позволяет сэкономить на покупке рамок. Но, естественно, нам нужно что-то старое внизу.

- Я думаю, что у меня есть именно то, что вы хотите…. Мистер Биггер встал и коснулся звонок.

“Моя дочь немного рисует…“Мистер Биггер представлял себе своего рода барменшу, блондинку и большой, тридцатилетний и все еще одинокий, уже немного увядший. Его секретарь появился у двери.

- Принесите мне Венецианский портрет, Мисс Пратт, тот, что в задней комнате. Знать о чем я говорю.

- Господин хорошо устроился-здесь, - сказал господин усадьбы. - Надеюсь, что бизнес идет хорошо.

Мистер Биггер вздохнул.

- Кризис, - сказал он. - Мы, арт-дилеры, больше пострадали от нее, чем кто - нибудь еще.

- Ах, кризис, - повторил господин поместья, тихо смеясь. - Я все время ее предсказывал. Некоторые люди выглядели так .думать, что хорошие времена будут длиться вечно. Какие дураки! Я продал все на гребне волны. Вот почему теперь я могу покупать рамы.

Мистер Биггер тоже засмеялся. Это был правильный тип покровителя.

- Жаль, что у меня не было чего-то, что можно было бы продать во время процветания —

сказать.

Господин поместья смеялся, пока не текли слезы. Я все еще смеялся, когда Мисс. Пратт снова вошел в комнату. Он нес картину обеими руками перед собой, как эскудо.

- Поставьте на мольберт, Мисс. Пратт, - сказал мистер Биггер. - Сейчас — - сказал он, повернувшись к Господин поместья-кто так думает.

Картина, которая была на мольберте перед ними, представляла собой портрет в половину тела. Лица толстая, белая кожа, высокие сиськи под ее синим шелковым платьем с оборками, модель рамы она выглядела как типичная итальянская леди середины восемнадцатого века. небольшая самодовольная улыбка она искривляла свои колючие губы и в одной руке держала маску,

как будто только что убери ее с лица позже. карнавальный день.

- Очень красиво, - сказал господин поместья; но добавил с сомнением: - нет звучит очень похоже на Рембрандта, не так ли? Это все так ясно и ярко. Обычно у старых мастеров мы никогда ничего не видим, потому что они темные и облачные.

- Большая правда — - сказал мистер Биггер. - Но не все старые мастера такие же, как Рембрандт.

- Я так не думаю.

Господину поместья, казалось, было трудно убедить себя.

- Это венецианец XVIII века. его цвет всегда был ярким. Джанголини его звали художник. Он умер, парень, понимаешь? Известно не более полудюжины его картин. Е это один из них.

Хозяин поместья утвердительно кивнул. Он умел ценить ценность редкости.

— При первом взгляде видно влияние лонги, — продолжил Г-Н лонги. Биггер. - И в краске для лица есть что-то от морбидеццы Розальбы.

Господин поместья смотрел фальшиво на Мистера Биггера на картину и с картины на Мистера Биггера. Биггер. Нет ничего более смущающего, чем слышать, как кто-то, наделенный большим знанием, разговаривает с люди. Мистер Биггер подчеркивал свое преимущество.

- Любопытно, — продолжил он, - что в этой картине ничего не видно в манере Тьеполо. Не

думаешь?

Лорд поместья согласился кивком. На его лице было выражение мрачный. Уголки ее детского рта выпали. Можно было почти ожидать, что он разорится в слезах.

- Приятно, - сказал мистер Биггер, наконец-то сочувствуя, - поговорить с кем-нибудь который действительно понимает живопись. Так мало людей понимают.

- Ну, я не могу сказать, что я уже углубился в эту тему, - скромно сказал Лорд поместья. - Но я знаю, что мне нравится, когда я его

вижу.

Его лицо снова загорелось, когда он почувствовал себя на более безопасной земле.

- Естественный инстинкт, - сказал мистер Биггер. - Это очень ценный дар. Я мог видеть на лице его Господь обладал им; я мог видеть это в тот момент, когда вошел в галерею.

Хозяин поместья был в восторге.

- Действительно — - сказал он. Он чувствовал себя все больше и больше, все важнее. — Действительно. — Критически склонил голову в сторону. — Да. Я должен сказать, что считаю эту картину очень хорошей. Очень хорошо. Но дело в том, что я бы предпочел более историческую пьесу, если она вообще понимает, что я имею в виду. Знаете, что-то, что больше похоже на происхождение от предков? Портрет того, кто есть история… как Анна Болейн, Нелл Гвинн, герцог Веллингтон или кто-то в этом роде.

- Но, мой дорогой сэр, именно это я и собирался вам сказать. Этот кадр имеет история. - Мистер Биггер наклонился вперед и похлопал Мистера Биггера по колену. Хоромы. Ее глаза вспыхнули доброжелательным и веселым блеском под бровями толстый. В его улыбке была умная доброта. - Очень замечательная история связана к картине этой картины.

- Правда?

Лорд поместья выгнул брови.

Мистер Биггер откинулся на спинку стула.

- Леди, которую вы видите там, - сказал он, указывая на портрет с кивком рука была женой четвертого графа Хертмора. Семья сегодня вымерла. Девятый граф умер в прошлом году. Я приобрел эту картину, когда дом был продан. Грустно видеть исчезновение этих старых родовых домов.

Мистер Биггер вздохнул. Господин поместья имел торжественный вид, как будто он был в церкви. Был момент молчания. Затем Мистер Биггер продолжил в другом тоне:

- Судя по портретам, которые я видел, четвертый граф, похоже,

был серым парнем, молчаливый, с длинным лицом. Он не мог представить себя молодым человеком; это был вид человека, который кажется, ему всегда было пятьдесят лет. Его основными интересами в жизни были музыка и Римские древности. Есть портрет, на котором он держит флейту из слоновой кости в одной руке и отдыхает другой на фрагменте римской скульптуры. Прошло не менее половины жизни путешествуя по Италии, ища древности и слушая музыку. Когда я был с пятидесяти, и пять лет он вдруг решил, что пора жениться. Это была дама по его выбору. - Мистер. Биггер указал на портрет. - Ваши деньги и ваш титул должны были компенсировать ваши недостатки. По ее внешнему виду нельзя представить, что Леди Хертмор проявляла большой интерес к Римские древности. Я думаю, что он также не заботился о науке и истории музыка. Он любил одежду, он любил общество, он любил играть, он любил встречаться, он любил веселиться. Не похоже, что молодожены очень хорошо ладили. Тем не менее, они избежали объявленный разрыв. Через год после свадьбы лорд Хертмор решил еще раз посетить Италия. Они прибыли в Венецию в начале осени. Для Лорда Хертмора Венеция означала музыку бескрайний. Это означало дневные концерты Галуппи в приюте милосердия. Означать Пиччини в Санта-Мария. Это означало новые оперы в Сан-Мозе. Это означало восхитительные кантаты в сто церквей. Это означало частные концерты любителей; это означало Порпора и лучшие певцы Европы; это означало Тартини и величайших скрипачей. Для Леди Хертмор, Венеция означала совсем другое. Это означало игру на Ридотто, костюмированный бал, веселые ужины - все прелести самого веселого города в мире. Сохраняя свою жизнь отдельно, эти двое они могли быть почти бесконечно счастливы там, в Венеции. Однако однажды лорд Хертмор у него была катастрофическая идея написать портрет своей жены. Молодой Джанголини пошел к нему рекомендуется в качестве перспективного художника fúturo. Леди Хертмор начала позировать. Джанколини был красивый и дерзкий. Джанголини был мальчиком. У него была любовная техника, столь же совершенная, как и его техника художественный. Леди Хертмор должна была быть более чем человеком, чтобы противостоять ему. Она не это было больше, чем человек.

- Никто из нас не такой, а?

Господин поместья ткнул пальцем в ребра Мистера Биггера и засмеялся.

Вежливо, Мистер Биггер присоединился к его веселью. Когда он прошел, он продолжил.

— В конце концов они решили вместе бежать через границу. Они будут жить в Вене… они будут жить драгоценности семьи Хертмор, которые дама позаботилась бы хранить в своем чемодане. Они стоили больше, чем двадцать тысяч, драгоценности Хертморов. А в Вене, при Марии Терезии, можно было очень хорошо жить с проценты двадцать тысяч.

- Подготовка была сделана легко. У джанголини был друг, который сделал все для они-брали паспорта с вымышленными именами, арендовали лошадей, чтобы они ждали на материке, он предоставил свою гондолу в их распоряжение. Они решили сбежать в тот день, когда она в последний раз позировала. Настал день. По своему обычаю Лорд Хертмор отвел свою жену в студию Джанголини в гондоле оставил ее на троне модели с высокой спинкой и снова отправился в путь послушать концерт Галуппи в Милосердии. Венеция была в полном карнавале. Даже в свете в тот день люди ходили в масках. На Леди Хертмор была черная шелковая маска… Вы можете увидеть ее держа ее здесь, на портрете. Ее муж, хотя и не был гуляком и не одобрял шутки карнавал, он скорее соответствовал гротескной моде своих собратьев, чем привлекал внимание о себе за несоблюдение.

“Длинный черный плащ, огромная черная шляпа с тремя клювами, белая картонная маска с длинным носом они были обычным костюмом каждого Венецианского джентльмена в те недели карнавал. Лорд Хертмор не хотел привлекать внимание. Поэтому он носил то же самое. Должно быть что-то богато абсурдное и неуместное в зрелище этого серьезного английского Милорда физиономии торжественное платье в комической форме веселого Венецианского маскарада. Пан-шарик с одеждой Прыжки, это было то, как любовники описывали это, когда они были одни. Старческий старик из этемы комедия в костюме клоуна. Ну, в то утро, как я уже говорил, Лорд Хертмор прибыл как по привычке в своей арендованной гондоле, взяв с собой свою леди. Она, в свою очередь, несла под складки из его громоздкого чехла маленькая кожаная коробка, внутри которой, размещенная на его шелковистой кровати, в нем лежали драгоценности Хертмора. Сидя в маленькой темной кабине гондолы, они оба они наблюдали за церквями, Палацци с богатыми рельефными орнаментами, высокими и посредственными домами, которые они скользили рядом с ними. Под маской прыжка голос лорда Хертмора говорил серьезно, неторопливо, невозмутимо”.

- “Прославленный отец Мартини, — сказал он,-пообещал мне честь завтра пообедать с нами. Я сомневаюсь, что кто-то знает историю музыки лучше, чем он. Я прошу вас приложить усилия относиться к нему с особыми почестями.”

- “Вы можете быть уверены, что я сделаю это, милорд.”

“Она едва могла сдержать хихикающее возбуждение, которое бурлило в ее интиме. На следующий день после время обеда она была бы очень далеко — через границу, за Горицией, галопом к вдоль Венской дороги. Бедный старый панталон! Но, нет, она абсолютно не жалела его. В конце концов, у него была его музыка, у него были сломанные мраморные безделушки. Внизу с обложки она крепче сжала шкатулку для драгоценностей. Как пьяно весело было его секрет.”

Мистер Биггер скрестил руки и резко сжал их над сердцем. Было веселить. Он повернул свой длинный Лисий Нос к хозяину поместья и беневольно улыбнулся. О Лорд поместья был все внимание.

- И что? - спросил он.

Мистер Биггер скрестил руки и опустил их на колени.

- Ну, - сказал он, - гондола останавливается у дверей дома Джанголини, лорд Хертмор помогает жена спускается, ведет ее в большую комнату на первом этаже дома художника, оставляет ее под гурдой

его с его обычной формулой вежливости, а затем уходит, чтобы пойти послушать утренний концерт Галуппи в Милосердии. У влюбленных есть два хороших часа, чтобы подготовиться окончательный.

- “Со старым Панталао, безопасно находящимся на расстоянии, появляется полезный друг художника, в маске и капюшоне, как и все остальные люди на улицах и в каналах этого карнавала. Венеция. Затем следуют объятия, рукопожатия и смех. Все прошло так прекрасно,, без малейшего подозрения. Из-под плаща Леди Хертмор выходит шкатулка с драгоценностями. Она открывает его, и на итальянском языке слышны громкие восклицания удивления и удивления. Блестящие, жемчуг, большие изумруды Хертмора, рубиновые броши, бриллиантовые

серьги, все эти блестящие, сверкающие вещи исследуются с любовью, обрабатываются со знанием. Пятьдесят тысяч cequins по крайней мере, это расчет, который делает полезный друг. Двое влюбленных играют-если экстатически в объятиях друг друга.

- “Услужливый друг прерывает их. Есть еще несколько вещей, чтобы сделать. Они должны пойти подписать паспорта в Министерстве полиции. О, простая формальность; но это точно. Он выйдет в то же самое время и продаст один из бриллиантов леди, чтобы получить ресурсы, необходимые для поездки.”

Мистер Биггер сделал паузу, чтобы закурить сигарету. Выдувал облако дыма и продолжить:

— Таким образом, они вышли, все в масках и накидках, следуя за полезным другом в режиссер, художник и его любовница в другом. Ах, любовь в Венеции!

Мистер Биггер в экстазе поднял глаза.

Вы когда-нибудь были в Венеции и любили, сэр? - спросил Господин поместья.

— Я никогда не ходил дальше Дьеппа, - ответил Господин поместья, качая головой.

- О, тогда вы пропустили один из величайших жизненных событий. Вы никогда не сможете понять полностью и полностью то, что, должно быть, было ощущениями маленькой леди Хертмор и художника, когда они скользили по длинным каналам, пробираясь сквозь глазные отверстия своих маска. Время от времени, возможно, они целовались — хотя это было трудно сделать, не снимая маски и всегда была опасность того, что их открытые лица будут узнаваемы через окна вашей маленькой кабины. Нет, вообще-то, - задумчиво заключил Мистер Биггер — - я считаю, что они просто смотрели друг на друга. Но в Венеции, медленно скользя по каналам, мы он может почти довольствоваться взглядом-просто смотреть.

Он погладил воздух рукой и позволил голосу умереть в тишине. Дал два или три сосет сигарету, не говоря ни слова. Когда это продолжалось, голос был спокойным и ровным.

- Примерно через полчаса после того, как они ушли, гондола остановилась у двери дома Джанголини и человек в картонной маске, завернутый в черный плащ и носящий на голове

неизбежная шляпа с тремя клювами, высадилась и забралась в комнату художника. Она была пуста. Портрет улыбнись сладко и немного неуместно на мольберте. Перед ним, однако, не было художника, и трон модели был незанятым. Маска с длинным носом пробежала глазами по комнате с невыразительное любопытство. Блуждающий взгляд, наконец, упал на шкатулку для драгоценностей, которая стояла там, где любовники небрежно оставили ее открытой на столе. Затонувшие и забитые темные тени, за гротескной маской глаза остановились на этом объекте. Прыжки с длинным носом, казалось, были погружены в медитацию.

- “Через несколько минут раздался шум шагов по лестнице и два голоса, смеющиеся вместе. Маскарад повернулся, чтобы посмотреть в окно. За ним дверь открылась шумно пьяный от волнения, с радостной и безответственной хихиканьем зашли влюбленные.

- “О, дорогой Амико! Вы вернулись? Вам повезло с бриллиантом?

“Фигура на обложке рядом с окном не двигалась. Джанголини продолжал радостно говорить. В вопросе подписей не было ни малейшего усложнения, и вопросы не задавались. Уже

у меня были паспорта в кармане. Вы можете немедленно уехать.

“Внезапно Леди Хертмор начала дико смеяться. Не мог перестать

смеяться.”

- “Что случилось? - спросил Джанголини, тоже смеясь”.

— “Мне было интересно, - сказала она, тяжело дыша между пароксизмами его веселья, - я я думал о старом Панталоне, сидящем на милости, торжественном, как сова, слушая — она чуть не задохнулась, и слова вышли резкими и вынужденными, как будто она говорила между слезы-слушая старые скучные кантаты старого Галуппи”.

“Человек, стоявший у окна, обернулся.

- “К сожалению, мадам, - сказал он, - прославленный маэстро сегодня утром заболел. Концерта не было. - Сняла маску. - Так что я взял на себя смелость вернуться еще немного раньше, чем

обычно.

“Длинное серое лицо Лорда Хертмора без улыбки столкнулось с ними.”

“Влюбленные смотрели на него безмолвно, на мгновение. Леди Хертмор положила руку на сердце, это был ужасный скачок. Она почувствовала ужасное ощущение в животе. Нищий Джанголини стал белым, как его картонная маска. Даже в те дни cicisbei, рыцарство, были случаи возмущенных и ревнивых мужей, которые прибегали к убийству. Он он был безоружен, и только Бог знал, что под ним спрятано оружие уничтожения загадочный черный плащ. Лорд Хертмор, однако, не сделал ничего жестокого или недостойного. Серьезно и спокойно, как и все делал, подошел к столу, взял шкатулку с драгоценностями, закрыл ее очень осторожно и сказал: - Думаю, коробка моя,-сунул ее в карман и вышел из комнаты. Эй любовники смотрели друг на друга с вопросом.”

Была тишина.

- Что случилось тогда, - спросил Господин поместья.

- Анти-кульминационный момент, - отвечает Мистер Биггер, к сожалению качая головой. — Джанголини договорился бежать с пятьюдесятью тысячами цекинов. Леди Хертмор, если подумать, нет я доверял идее любви в хижине. Место женщины, решила она наконец, в доме — с семейными украшениями. Но Лорд Хертмор будет рассматривать этот вопрос с той же точки зрения в поле зрения? Это был вопрос, тревожный и тревожный вопрос. Леди Хертмор решила пойти посмотреть лично. Это пришло как раз к обеду. - Ваше выдающееся превосходство ждет в столовой сказал дворецкий. Высокие двери открывались от пары к паре перед ней. Войти величественно, с приподнятой челюстью — но с каким ужасом в душе! Муж стоял рядом из камина. Он подошел, чтобы принять ее.

- “Я ждал ее, мадам,-сказал он, ведя ее потом на свое место.”

“Это была единственная ссылка, которую он сделал на инцидент. Во второй половине дня прислал слугу за портрет в мастерской художника. Это было частью багажа пары, когда месяц спустя она уехала в Англию. История передавалась вместе с картиной из поколения в поколение. Я слышал ее от старый друг семьи, когда я купил портрет в прошлом году”.

Мистер Биггер бросил окурок в камин. Приветствовал себя за то, что очень хорошо рассказал историю.

— Очень интересно, — сказал господин поместья, - очень интересно на самом деле. Абсолютно исторический, не так ли? Вряд ли было бы лучше обслужить Нелл Гвинн или Анну Болейн, не правда ли?

Мистер Биггер смутно улыбнулся. Я думал о Венеции-графине русское проживание в том же пансионе, что и он, дерево, навесное на заднем дворе за пределами спальни, тот сильный, теплый аромат, который она носила (заставлял нас задерживать дыхание, когда мы нюхали его

первый раз) и были ванны на Лидо, гондола и купол салюта на фоне облачного неба, точно так же, как я выглядел, когда я его нарисовал. Как все это выглядело далеко и далеко! Тогда он был немного больше, чем мальчик. Из ее первой большой приключение. Он пробудился от своей задумчивости с испугом.

Господин поместья говорил.

- Сколько бы вы просили за эту картину? - он спрашивал. Его тон был бескорыстно, без колебаний. Он был необыкновенным человеком для переговоров.

- Ну, - сказал мистер Биггер, неохотно оставив русскую графиню и райскую Венеция двадцать пять лет назад-я даже попросил тысячу за менее важные работы, чем .эта. Но я мог позволить Господу взять ее семьсот пятьдесят.

Господин поместья свистнул.

- Семьсот пятьдесят? - повторил он. - Это много.

— Но, мой дорогой сэр, — возразил Мистер Биггер, - подумайте, что вам придется заплатить за него Рембрандт такого размера и такого качества… двадцать тысяч минимум. Семьсот пятьдесят это абсолютно не так много. Напротив, это очень мало, учитывая важность картины это займет. Вы достаточно хорошо разбираетесь, чтобы понять, что это работа очень тонкое искусство.

- О, я не отрицаю этого, - сказал господин поместья. - Я просто говорю, что семьсот пятьдесят-это большие деньги. Ну и дела! Я очень рад, что моя дочь рисует. Представьте себе, если бы я должен был украсить общежития с картинами семьсот пятьдесят каждый!

Господин поместья засмеялся. Мистер Биггер улыбнулся.

- Вы должны помнить — - сказал он, - что вы делаете очень хорошие инвестиции. Цены на венецианцев последнего периода растут. Если бы у меня был какой-то капитал, распоряжаться…

Дверь распахнулась, и светловолосая кудрявая голова Мисс. Появился Пратт.

Мистер Кроули хочет знать, сможете ли вы принять его, Мистер Биггер.

Мистер Биггер нахмурился.

- Скажи ему подождать, - раздраженно сказал он. Кашлянул и повернулся к хозяину поместья. — Если бы у меня был какой-то капитал, я бы использовал его в венецианцах последнего периода.

До последнего никеля.

Когда он произносил эти слова, он думал, сколько раз он говорил другим, что он использовал бы весь капитал, если бы у него был капитал, в примитивах, в кубизме, в черной скульптуре, в японские гравюры…

В конце концов Лорд поместья выписал ему чек на шестьсот восемьдесят.

- Может быть, вы можете дать мне машинописную копию истории, - сказал он, когда вставлял шляпа. - Это была бы хорошая история, чтобы рассказать гостям за ужином, не так ли? Я я хотел бы получить детали со всеми исправлениями.

- О, естественно, естественно, - сказал мистер Биггер, - подробностей очень много. важный.

Он привел маленького круглого человечка к двери.

— До свидания. До свидания.

Господин поместья ушел.

Высокий бледный парень из швейцарских девушек появился на. дверь. Его глаза были темными и

меланхоличный. Его выражение лица, его общий вид были романтичными и в то же время немного плачевный. Это был молодой Кроули, художник.

- Мне жаль, что я заставил вас ждать — - сказал мистер Биггер. - Чего вы от меня хотели?

Мистер Кроули выглядел смущенным и колебался. Как я ненавидел делать такие вещи вид!

- Дело в том, — сказал он наконец, - что у меня ужасная нехватка денег. Я думал, что может, вы не против… если бы это не доставляло ему неудобств… платить мне за то, что я сделал это на днях. Мне очень жаль беспокоить вас таким образом.

- Ничего, мой дорогой друг.

Мистеру Биггеру было жаль этого несчастного существа, которое

не умело заботиться о себе. О молодой и бедный Кроули был беспомощен, как ребенок.

- Сколько мы договорились?

- Двадцать фунтов, думаю, - робко ответил мистер Кроули.

Мистер Биггер достал бумажник.

- Ну, давай сделаем двадцать пять, - сказал он.

- О, Нет, правда, я не мог… Большое спасибо. - Мистер Кроули покраснел, как слуга. - Не хотите, чтобы я показал вам некоторые из моих пейзажей? — спросить, воодушевленный доброжелательностью Мистера Биггера.

- Нет, нет. Ничего своего.

Мистер Биггер неумолимо покачал головой.

- Moderna вещь не приносит денег. Но я приму любое количество этих твоих стариков. Ложные мастера.

Он барабанил пальцами по ярко окрашенным плечам Леди Хертмор.

- Попробуйте другого венецианца, - добавил он. - Это был большой успех.

МОЛОДОЙ АРХИМЕД

ЭТО БЫЛ ВИД, КОТОРЫЙ, НАКОНЕЦ, ЗАСТАВИЛ НАС ОСТАТЬСЯ С ДОМОМ. На самом деле, дом имел свои недостатки. Это было очень далеко от города, и у него не было телефона. Прокат это было чрезмерно дорого, а канализационная система была плохой. В ветреные ночи, когда створки плохо подогнанные матрацы яростно врезались в оконные рамы до такой степени, что мы могли представить, что был в гостиничном автобусе, электрический свет, по какой-то загадочной причине, неизменно раньше он гасил и оставлял нас в шумной темноте. Была великолепная ванная, но электрический насос, который должен был заставить воду подниматься из резервуаров, в которых дождь собирался на террасе, это не сработало. Пунктуально каждую

осень колодец с питьевой водой пересыхал. И наша хозяйка была лжец и самозванец.

Но это небольшие недостатки каждого арендованного дома по всему миру. В Италии, это не было действительно серьезной вещью. Я видел много домов, в которых есть все эти недостатки и сотня других, не обладая компенсирующими преимуществами нашего: сад и терраса, выходящая на юг, идеально подходит для зимы и весны, большие и прохладные комнаты, такие как защита от жары летом, горного воздуха, отсутствия комаров и, наконец, вида.

И какой это был вид! Вернее, какая последовательность взглядов. Потому что каждый день все было по-разному. Без выйдя из дома, у нас сложилось впечатление непрекращающейся смены обстановки; все удовольствия от путешествие без усталости. Были осенние дни, когда все долины наполнялись туманом, и вершины Апеннин поднимались темными над гладким Белым озером. Были дни, когда туман ворвался на холм, где стоял дом, и мы были окутаны нежным паром, в котором оливковые деревья, окрашенные туманом, которые спускались по склону под нашими окнами к они исчезли, как будто вошли в свою собственную духовную сущность; и единственные твердые вещи и установить в маленьком темном мире, в котором мы оказались заключенными, были два высоких черные кипарисы, которые росли на небольшой выступающей платформе на сто футов ниже, на склоне холма. монте. Черные, заостренные и твердые, там стояли они, двойные столбы Геркулеса на конце известной вселенной. За их пределами были только бледные облака, а вокруг них только оливковые туманности.

Это были зимние дни, но были весенние и осенние дни, дни неизменно без облаков или-даже более очаровательных-взятых разнообразными огромными формами пара плавающие, которые на уровнях над далекими горами, увенчанными снегом, постепенно выполнялись, над бледно-голубым и ярким, огромные героические жесты. И высоко в небе завалены завесы, лебеди, кусочки эфирного мрамора, вырезанные и оставленные незавершенными уставшими от творения богами почти до того, как они начали, они сонно бродили по ветру, меняя форму. когда они двигались. И солнце появлялось и исчезало из-за них. Город в долине Ора он растворялся и почти исчезал в тени, как огромный драгоценный камень, изношенный среди холмов., он сиял, как будто своим собственным светом. Глядя через ближайшую впадину притока, которая спустилась вниз. извилисто вниз от

нашей вершины к Арно, глядя на невысокую темную гору на Дальнем мысе которого возвышалась торреада-церковь Сан-Миниато, был виден огромный купол нависая над ребрами каменной кладки, квадратная колокольня, заостренная игла Санта-Кроче и крытая башня Синьории, возвышающаяся над сложным лабиринтом домов, отличительные и яркие, как маленькие сокровища, вырезанные из драгоценных камней. Это было для одного только момент, а затем его свет исчез больше Ама раз и Луч itiaerante выделялся, среди заостренные далекие холмы, простая Золотая вершина.

Были дни, когда воздух становился влажным от падающего или приближающегося дождя, и все расстояния казались чудесным образом четкими и четкими. Оливковые деревья выделялись друг на друга на дальних берегах; далекие деревни были прекрасны и жалки, как самые деликатные маленькие игрушки. Были дни летом, дни надвигающейся грозы, когда, яркие и освещенные

солнце на фоне огромных масс черных и пурпурных гор и белых домов сверкало как будто они опасны, в умирающем великолепии, на пороге какого-то огромного бедствие.

Как менялись и менялись курганы. Каждый день и почти каждый час дня были разными. Были времена, когда, глядя через равнину Флоренции, можно было увидеть только синий силуэт темно на фоне неба. Сцене не хватало глубины; там висела только занавеска с символы гор на ней гладкокрашеные. А потом, почти внезапно, по мере того, как облако или когда солнце опустилось до определенного уровня в небе, гладкая сцена трансформировалась; и, где раньше был только один нарисованный занавес, затем появились хребты за хребтами, том за тоном градуированный от коричневого, серого или золотисто-зеленого до далекого синего. Формы, какой момент раньше они без разбора сливались в единую массу, разделялись на ее элементы учредительный. Фьезоле, который выглядел как опора Монте Морелло, тогда оказался как выступающий мыс из другой системы курганов, отделенный от ближайших бастионов его более крупный сосед по глубокой и залитой заливом долине.

К полудню, в летнюю жару, пейзаж становился панированным, пыльным, расплывчатым и почти обесцветился под солнцем до Пино; горы исчезли в дрожащих краях неба. Но по мере что наступил день, пейзаж снова появился, оставил свою

анонимность, снова вышел из ниоткуда. чтобы принять форму и жизнь. И его жизнь, когда солнце медленно погружалось вдоль с каждым днем она становилась богаче, с каждым мгновением становилась все интенсивнее. Прямой свет, с длинные и темные тени, образующиеся в результате, обнажили, так сказать, анатомию земли; холмы - каждый западный откос мерцает, и каждый склон скрыт от солнечного света в глубине тень-они становились массивными, выступающими и твердыми. Были обнаружены небольшие складки и углубления на, казалось бы, гладкой местности. К востоку от нашей горы, на другой стороне равнины Эма, большой скала отбрасывала свою растущую тень; в окружающем свете долины целый город она затмевалась внутри нее. И когда солнце выдыхало на горизонте, самые дальние холмы они сияли в его теплом свете, пока его освещенные бока не стали цвета палевых роз; но долины уже были заполнены синим туманом сумерек. И туман поднимался, поднимался; огонь гасил-если в западных окнах густонаселенных склонов; только вершины все еще горели и FM они также вымерли все. Горы исчезали и снова сливались в одно гладкая картина на бледном небе сумерек. Вскоре после этого была ночь; и если была полная луна один призрак мертвой сцены все еще преследовал горизонты.

Изменчивый по своей красоте, этот широкий пейзаж всегда сохранял качество человечество и одомашнивание, которое сделало ее, по моему мнению, по крайней мере лучшей из всех пейзажи для жизни. День за днем мы путешествовали по его разным красотам; но путешествие, как и Великая прогулка наших предков, это всегда было путешествие по цивилизации. Несмотря на все горы, крутые склоны и глубокие долины, тосканская обстановка доминируют его жители. Они выращивали все пяди земли, которые можно было выращивать; их дома густо разбросаны по холмам, а долины густонаселены. Одинокая на вершине горы, люди не одиноки в пустыне. Следы человека выгравированы в регионе и-можно чувствовать с удовлетворением, глядя сквозь нее-на протяжении веков, на протяжении тысяч лет, она уже была его, покорная, прирученная, гуманизированная. Обширные и однообразные пустоши, пески, леса бесчисленные деревья — это места для случайных посещений, здоровые для духа, который не подчиняйся им слишком долго. Но дьявольские, а также божественные влияния часто встречаются полное одиночество. Вегетативная жизнь растений и вещей чужда и враждебна человеку. Человечество они не могут жить по своему желанию, кроме как там, где они доминировали в своей среде и где их накопленная жизнь большее

количество и больший вес, чем вегетативная жизнь вокруг него. Раздели ее темные леса, посеянный, террасированный и выращенный почти до горных вершин, тосканский пейзаж гуманизированные и безопасные. Иногда те, кто живет посреди этого, жаждут где-то одинокого, бесчеловечный, безжизненный или населенный только странной жизнью. Но тоска скоро будет удовлетворена, и мы он рад вернуться к цивилизованному и покорному сценарию.

Я думал, что этот дом на вершине холма был идеальным жильем. Там, в безопасности посреди

гуманизированный ландшафт, мы не были одиноки; мы могли быть настолько одинокими, насколько хотели. Люди, которых мы никогда не видели близко, являются идеальными, идеальными соседями.

Наши ближайшие соседи, с точки зрения физической близости, жили очень близко. В на самом деле, у нас было две группы из них почти в одном доме с нами. Одной из них была крестьянская семья, которая жил в длинном невысоком здании, частично жилище, а частично-было, склады и эстребарии, рядом с деревней. Другие наши соседи-непостоянные соседи, потому что они только рискнули выезжать из города время от времени, с самой идеальной погодой - это были владельцы деревни, которые они зарезервировали для себя меньшее крыло огромного L-образного дома - всего двенадцать комнат - оставим нам оставшиеся восемнадцать или двадцать.

Они были любопытной парой, нашими хозяевами. Старый муж, вперед, апатичный, трясущийся, не менее семидесяти лет; и синьора лет сорока, невысокая, очень толстая, с крошечные пухлые руки и ноги, пара очень больших и очень черных глаз, которые она носила с все мастерство прирожденного комика. Ее жизненную силу, если бы ее можно было использовать и предназначать для какое-нибудь полезное приложение обеспечит электрический свет всему городу. Физики говорят о извлечении энергия атома; они будут использоваться с большей пользой ближе к домам-в открытие каких-либо средств для извлечения тех огромных запасов жизненной энергии, которые накапливаются у незанятых женщин с темпераментом крови, которые в нынешнем и несовершенном состоянии социальная и научная организация, как правило, очень прискорбно: вмешиваясь в жизни других

людей, вызывая эмоциональные сцены, думая о любви и практикуя ее, и приставать к мужчинам, пока они не мешают им работать.

“Игнор Бонди разряжал свою лишнюю энергию, а также другими способами, причиняя вред арендатор. Старый джентльмен, который был торговцем на пенсии с репутацией самого совершенная честность, у меня не было возможности поддерживать с нами малейшие отношения. Когда мы пошли посмотреть, дом, это была жена, которая показала нам все. Именно она, с щедрым проявлением прелестей, с непреодолимое закатывание глаз, протянувшееся по заслугам дома, пело хвалу электрическому насосу, он прославил ванную комнату (учитывая, настаивала она, что арендная плата была удивительно скромной). Когда мы предложили вызвать оценщика, чтобы посмотреть на дом, он горячо умолял нас, как будто наше благополучие было его единственной заботой, чтобы мы не тратили деньги впустую излишне делать такие лишние вещи. “В конце концов, - сказала она, - мы люди честный. Я бы не мечтал арендовать им дом, если бы он не был в идеальном состоянии. Иметь доверие. И посмотрел на меня с умоляющим и печальным выражением в своих великолепных глазах, как умолять меня не оскорблять ее моей грубой подозрительностью. Не давая нам времени настаивать больше в вопросе оценщиков, тогда он начал уверять нас что наш мальчик был самым ангелом красавчик, который уже видел. Когда мы закончили наше интервью с синьорой Бонди, мы определенно были решили оставить себе дом.

“Очаровательная женщина”, - сказал я, когда мы выходили из дома. Однако я думаю, что Элизабет не она чувствовала себя так же уверенно, как и я.

Затем начался эпизод с бомбой.

В ту ночь, когда мы приходим в дом, мы включаем электричество. Бомба издала шумный шум. очень профессионально; но вода не выходила из кранов в ванной. Мы смотрим друг на друга с воздухом сомнения.

“Очаровательная женщина?”- сказала Элизабет, выгнув брови.

Мы просим, чтобы нас приняли; но так или иначе старый джентльмен никогда не мог и синьора была неизменно вне дома или нездорова. Оставляем билеты; на них так и не ответили. Наконец, мы обнаружили, что единственный способ общения с

нашими помещики, которые жили в том же доме, что и мы, должны были спуститься во Флоренцию и передать им письмо зарегистрирована. Чтобы получить его, они должны были подписать две отдельные квитанции, и все же, если мы хотим заплатить еще сорок центов, третий компрометирующий документ, который нам потом вернули. Не можно было притвориться, как это всегда происходило с обычными письмами или записками, что общение

ее никогда не принимали. Мы начали получать ответы на наши жалобы. Синьора, который написал все письма, он начал с того, что сказал нам, что, естественно, насос не работает, потому что цистерны были пусты из-за продолжительной засухи. Мне пришлось пройти три мили до почты, чтобы от регистрации моего письма, напоминающего вам, что в прошлую среду обрушился сильный шторм и, следовательно, в резервуарах должна быть вода выше половины. Ответ пришел: вода купание не гарантируется договором; и если я хотел ее, почему бы мне не посмотреть на бомбу перед переездом в дом? Еще одна прогулка в город, чтобы спросить синьору о вилле АО Ладо вспомнил, какие мольбы он сделал нам, чтобы мы были уверены в ней и чтобы сообщить-la что наличие туалета в доме само по себе было подразумеваемой гарантией того, что должна быть вода для купания. Ответ заключался в том, что синьора не могла продолжать общаться с людьми что ему писали такие недобрые вещи. После этого я передал дело в руки адвоката. Два месяца спустя насос был фактически заменен. Но мы должны были получить ордер. суд, прежде чем женщина сдалась. И расходы были значительными.

Однажды, почти в конце эпизода, я встретился со старым джентльменом на дороге, принимая в прогулка ваша большая собака маремман — или, скорее, быть взятым в прогулка собакой. Это потому что туда, куда тянулась собака, старому джентльмену пришлось принудительно следовать. И когда собака он останавливался, чтобы понюхать или поцарапать пол, чтобы оставить на столбе ворот свою визитную карточку или оскорбительный вызов, терпеливо, на своем конце поводка, старик должен был ждать. Я нашел его неподвижным. на обочине дороги, в нескольких сотнях ярдов ниже нашего дома. Собака нюхала корни один из двойных кипарисов, которые росли по обе стороны от входа в ферму. Я слышал животное возмущенно рычать на себя, как будто пахло невыносимым оскорблением.

Старый Синьор Бонди, привязанный к своей собаке, ждал. Колени внутри серых трубчатых штанов были слегка согнуты. Положив вес своего тела на свою бепгалу, он выглядел меланхоличным и пусто вид. Белые его старые глаза были обесцвечены, как старые бильярдные шары. На сером, глубоко морщинистом лице его нос был диспептически красным. Его усы белый, неровный и желтоватый на концах, он падал в меланхоличный изгиб. В ее черном галстуке, на нем был очень большой бриллиант; возможно, это то, что Szgnora Bondi нашла в нем таким привлекательным. Я снял шляпу, когда подошел ближе. Старик рассеянно посмотрел на меня, и только когда я почти уже он прошел мимо него, потому что он узнал меня.

- Подожди, - крикнул он позади меня, - подожди. Поспешно спустился по дороге в мое преследование. Совершенно застигнутый врасплох и в невыгодном положении-ибо он был занят копированием оскорбления, отпечатанного на корнях кипариса, - собака позволила себе ползти за ним. Слишком удивленный, чтобы делать что-либо, кроме подчинения, он последовал за хозяином.

- Подожди! Ожидать.

- Мой дорогой господин — - сказал старый джентльмен, держа меня за лацкан пиджака и очень неприятно дует мне в лицо. - Я хочу извиниться.

Он смотрел на колеса, как будто боялся, что его услышат прямо там. - Я хочу спросить прости, - продолжил он, - за эту чертову сделку с бомбой. Уверяю вас, что если бизнес если бы это было со мной, я бы все исправил, как только Господь попросил. У Господа была вся причина: туалет-это подразумеваемая гарантия воды для купания. С самого начала я видел, что нет у нас была бы наименьшая вероятность, если бы дело дошло до суда. Кроме того, я думаю, что мы должны относиться к нашим арендаторам как можно лучше. Но жена моя, - понизил голос, - дело в том что ей нравятся эти вещи, даже когда она знает, что она не права и собирается проиграть. Кроме того, она надеялась, осмелюсь сказать, что Господь устанет просить и пошлет починку за ваш аккаунт. Я сказал ему с самого начала, что мы должны уступить. Однако она не слушала. Ей это нравится знаешь, что? Теперь, однако, вы увидели, что вы должны сделать услугу. Через два-три дня Господь в нем будет вода для вашей ванны. Но я подумал, что должен рассказать вам, как это сделать…

Тем не менее, маремман, который к тому времени вернулся к своему удивлению мгновением ранее, внезапно, рыча, прыгнул вверх по дороге. Старый джентльмен пытался остановить животное, старался чтобы удержать поводок, он неуверенно пошатнулся, затем уступил и позволил себе ползти.

— … как я чувствую, - продолжал он, отдаляясь от меня — - что у меня есть

произошло это небольшое недоразумение… —

Но это было бесполезно. - Прощай, - сказал он, вежливо улыбаясь и делая жест мольбы, как будто он внезапно вспомнил о срочном назначении и не успел объясните, что это было. — Прощание. - Сняла шляпу и совсем бросилась

за собаку.

Через неделю вода действительно начала течь, а на следующий день после нашей первая ванна, синьора Бонди, одетая в голубовато-серый атлас и одетая во все свои жемчужины, жила

навещать нас.

- Мы сейчас в мире? - с очаровательной откровенностью спросила она, когда мы обменивались рукопожатиями.

Мы заверили его, что, со своей стороны, мы, безусловно, были.

- Но почему вы написали мне такие ужасно грубые письма? - сказала она, бросая мне порицательный взгляд, который привел бы к раскаянию самого безжалостного злодея. - И этот ордер. Как ты мог это сделать? Господин. ..

Я пробормотал что-то о насосе и нашей потребности в ваннах.

- Но как я мог ожидать, что услышу его, когда буду вести себя так? В кто не действовал по-другому-вежливо, деликатно?

Он улыбнулся мне и опустил свои дрожащие веки.

Я подумал, что лучше сменить тему. Это неприятно, когда ты прав, быть привлеченным к кажется, ты не прав.

Через несколько недель мы получили должным образом

заказанное письмо и курьером Экспресс — в котором синьора спрашивала нас, намерены ли мы продлить договор аренды (который это было только в течение шести месяцев) и сообщило нам, что если это так, арендная плата будет увеличена на 25 процентов с учетом достигнутых улучшений. Мы считаем себя счастливыми, когда окончание многих переговоров, удалось продлить контракт на целый год только с 15 процент увеличения арендной платы.

Это было главным образом из-за зрения, что мы подвергли себя этим невыносимым вымогательствам. Но мы нашли, прожив в нем несколько дней, другие причины, чтобы полюбить дом. Из них самым сильным было то, что в самом сильном крестьянском фдхо мы обнаружили то, что казалось идеальный компаньон для нашего мальчика. Между маленьким Гвидо-так его звали-и младшая из его братьев и сестер была разница в шесть или семь лет. Два его брата плюс старики работали с отцом в деревне; после смерти матери, за два или три года до смерти мы знаем, что старшая сестра ухаживала за домом, а младшая, которая только что закончила школу, он помогал ей, а в перерывах заботился о заботе, которая к тому времени, однако, нуждалась очень мало кто бы ни заботился о нем; это потому, что ему было от шести до семи лет, и он был не по годам развитым, уверенным и ответственный, как правило, fdho бедных, брошенных на произвол судьбы почти с тех пор когда они учатся ходить.

Хотя на два с половиной года старше маленького Робина — в возрасте см, чем тридцать месяцы содержат опыт почти полувыведения-Гвидо не злоупотреблял своей превосходство интеллекта и силы. Я никогда не видел ребенка более терпеливым, более терпимым и менее тиранический. Никогда не смейтесь над Робином за неуклюжие усилия, которые он прилагал, чтобы подражать потрясающим подвигам друга. Он не издевался и не бравировал, но помогал маленькому товарищу, когда он был в трудности и объясняли, когда он не мог понять. В свою очередь, Робин любил его, он считал его образцом и совершенным большим и рабским мальчиком-подражал ему во всем, что

мочь.

Эти попытки Робина подражать своему товарищу часто были чрезмерно нелепый. По непонятному психологическому закону

сами по себе очень серьезные слова и поступки становятся и, если имитация является преднамеренной пародией, чем точнее, тем больше смешнее - потому что чрезмерная имитация кого-то, кого мы знаем, не заставляет нас смеяться так сильно что касается другого, который почти неразличимо равен оригиналу. Плохая имитация просто смешна когда это искренняя, пылкая лесть, которая не работает. Подражания Робина были в его большинство этого вида. Его героические и неудачные попытки совершить подвиги силы и умение, которое Гвидо мог легко выполнить, было очень комичным. Их заботливые и отнимающие много времени подражания привычкам и манерам Гвидо были не менее забавными. Самые смешными из всех, поскольку они были более серьезно выполнены и более неуместны в подражании, были подражания, которые Робин сделал Гвидо в задумчивом отношении. Гвидо был задумчивым ребенком, дано медитациям и внезапным абстракциям. Мы нашли его сидящим в углу, с подбородок в руке, локоть над коленом, опущенный, по всей видимости, в самый глубокий медитация. Иногда даже в середине своей игрушки он внезапно уходил, чтобы остаться стоя, положив руки на спину, хмурясь и уставившись на пол. Когда это случилось, Робин остался испугался и немного встревожился. В недоумении молча смотрел на спутника. “Гвидо”, - сказал он мягко, “Гвидо”. Но Гвидо обычно был слишком обеспокоен, чтобы ответить. Робин, нет осмелившись настаивать, он подошел к нему и, ставя себя как можно ближе к отношению к Гвидо-стоя наполеоновски, сложив руки на спине, или сидя в позе Лоренцо Великолепный Микеланджело-тоже пытался подражать. От нескольких секунд до нескольких секунд, я обращал свои ярко-голубые глаза к старшему ребенку, чтобы убедиться, что он делает все правильно. вещь. Но по прошествии минуты он начинал нервничать. Медитация не была его сильной стороной. “Гвидо”, - снова позвал он и громче: “Гвидо!“Я держал его за руку и пытался вытащить-Ло. Иногда Гвидо просыпался от своей задумчивости и возвращался к прерванной игрушке. В других случаях я не обращал внимания. Меланхоличный и сбитый с толку Робин должен был пойти поиграть сам. Гвидо там он продолжал сидеть или стоять, абсолютно неподвижно; и его глаза, когда мы смотрели внутрь из них они были прекрасны в своем серьезном и задумчивом спокойствии.

Это были большие глаза, широко расставленные, и странная вещь в волосатом итальянском ребенке черные, бледно-голубовато-серого цвета и светящиеся. Они не всегда были серьезными и спокойными, как в этих вдумчивые моменты. Когда он шутил,

когда говорил или смеялся, они загорались; и поверхность этих ясных, бледных озер мысли, казалось, как бы волновалась в яркие волны, освещенные солнцем. Над этими глазами был красивый лоб, высокий и наклонный, поднимаясь по склону, который был похож на тонкий изгиб лепестка розы. Нос был прямым, маленький, хорошо заостренный подбородок, рот немного грустно опущен в углах.

У меня есть снимок двух детей, сидящих вместе на перилах террасы. Гвидо он сидит почти лицом к камере, но смотрит немного в сторону и вверх; его руки они скрещены на коленях, их выражение и отношение вдумчивы, серьезны и медитативны. Гвидо в одном из его абстрактных взглядов, которым он предавался даже в разгар смеха и шутки-внезапно и полностью, как будто я внезапно положил в голову идею идти хотя и оставил позади красивое и тихое тело, как пустой дом, ожидая своего возвращение. Рядом с ним сидит маленький Робин, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него, его лицо наполовину спрятанный от камеры, но с изгибом его лица, показывающим, что он смеется; маленькая рука поднятая поднимается высоко жестом, в то время как другая держит рукав Гвидо, как будто я настаивал на том, чтобы он пошел играть. И ноги, свисающие с парапета, были замечены мигающая машина посреди нетерпеливого движения; он вот-вот позволит себе поскользнуться и выбегайте, чтобы поиграть в прятки в саду. Все основные характеристики двое детей в этом маленьком снимке.

- Если бы Робин не был Робином, - говорила Элизабет, - я бы почти смог желаю, чтобы это был Гвидо.

Даже в то время, когда я не проявлял особого интереса к ребенку, я соглашался с ней. Гвидо казался мне одним из самых очаровательных мальчиков, которых я когда-либо встречал.

Мы были не единственными, кто восхищался им. Синьора Бонди, когда в эти сердечные перерывы между нашими ссорами он приходил к нам в гости, постоянно говорил о нем.

- Такой красивый ребенок, такой красивый! — с энтузиазмом восклицала она. - Это действительно жаль принадлежать крестьянам, у которых нет ресурсов, чтобы удобно ее одеть. Если будь то моя, я бы одел ее в черный бархат; или белые шорты и белый шелковый трикотаж с Красный список на воротнике и

манжетах; или, может быть, это выглядело бы красиво с белым матросским костюмом. Е зимой небольшой меховой капот с шапочкой из беличьего меха и, возможно, сапогами русский… - Ее воображение вырвало ее. - и я бы отрастил ее волосы, как у пажа, и я бы закрутил его немного на концах. Это сделало бы прямую челку на лбу. Все повернутся к посмотрите на нас, если я возьму его с собой на Виа Торнабуони.

То, что вы хотите, хотел бы я вам сказать, это не ребенок; это веревочная кукла или обезьяна художник. Но я этого не сказал-отчасти потому, что не смог понять, как это было сказано веревочная кукла по-итальянски и отчасти; потому что я не хотел рисковать, чтобы арендная плата была увеличена. еще на 15 процентов.

- Ах, если бы у меня был такой мальчик! - Она вздыхала и скромно опускала веко. - Я люблю детей. Иногда я думаю об усыновлении… то есть, если бы мой муж позволил.

Я подумал О бедном старом джентльмене, которого тащат за его большой белой собакой, и улыбнулся изнутри.

- Но я не знаю, уйдет ли он, — продолжала синьора. - Не знаю, позволит ли он.

На мгновение он замолчал, как будто рассматривал новую идею.

Несколько дней спустя, когда мы сидели в саду после обеда, принимая Наше Кафе, отец Гвидо, вместо того, чтобы пройти мимо с кивком и обычным и веселым хорошим-день, остановился перед нами и начал говорить. Это был очень красивый мужчина, не очень высокий, но хорошо пропорциональные, быстрые движения эластичны и полны жизни. У него было тонкое темноволосое лицо, черты лица, такие же, как у римлян, и освещенные парой серых глаз более выраженного они проявляли почти чрезмерный интеллект, когда, как это не было редкостью случиться, пытался, с презумпцией совершенной слабости и детской невинности, убедить кто-то или взять что-то от кого-то. Наслаждаясь собой, интеллект сиял там лукаво. Лицо могло быть наивным, невозмутимым, почти глупым в выражении лица; но глаза в этих случаях полностью предавали его. Когда они мерцали таким образом, мы знали, что нужно быть осторожным.

Однако в тот день в них не было опасного света. Он ничего не хотел от нас, ничего ценного — просто совет, статья, которую, как

он знал, большинство людей с большим удовольствием дают. Тем не менее, мне нужен был совет относительно того, что для нас было очень деликатным вопросом: о Синьоре Бонди. Карио часто жаловался на нее нам. Старик хороший, говорил он нам, очень хороший и милосердный. Что это означало, осмелюсь сказать, среди прочего, что это было легко обмануть. Но жена… Ну, женщина была зверем. И он рассказал нам истории о ее ненасытной жадности; это было всегда жалуясь на более половины производства, которое по закону системы измерения было связано с владелец. Он жаловался на ее недоверие: он всегда обвинял его в нечестности, даже воровство — - сказал он, ударив в грудь, что это была честность лично. Жаловался на глупая ее жадность: не тратил достаточно на стерео, не покупал ему другую корову, нет у него был электрический свет в конюшнях. Мы проявляем сочувствие, но осторожно, без выражать очень яростное мнение по этому вопросу. Итальянцы чудесно съедены по его словам. Ничего не раскрывают заинтересованному человеку, пока они не будут абсолютно уверены, что делать это это правильно, необходимо и, прежде всего, безопасно. Мы жили между ними достаточно долго, чтобы подражать его осторожности. То, что мы сказали Карио, рано или поздно наверняка достигнет

уши синьоры Бонди. Нам нечего было выиграть, излишне усугубляя наши отношения с женщиной-скорее всего, нам придется потерять еще 15 процентов.

В тот день он не столько жаловался, сколько показывал себя сбитым с толку. Кажется, что Синьора позвала его и спросила, хочет ли он, чтобы она вызвалась-все это было очень гипотетический, в осторожном итальянском стиле-принять маленький Гвидо. Первый импульс Карио сказал, что абсолютно не хотел бы. Но такой ответ был бы очень грубо компрометирующий. Я бы предпочел сказать, что подумаю об этом. И для этого было прошу нашего совета.

Делайте то, что считаете нужным, вот что мы ответили на самом деле. Но мы дадим ему понять, отдаленно, хотя и отчетливо, что, по нашему мнению, синьора Бонди не будет матерью очень хорошая приемная для ребенка. И Карио был склонен согласиться с этим. Кроме того, он очень любил мальчика.

- Дело, - заключил он с довольно мрачным видом, - в том, что

если она действительно решит завладеть мальчиком нет ничего, что она не сделала бы для этого… ничего.

Я мог видеть, что он также хотел бы, чтобы, прежде чем пытаться исследовать атом, физики они начали иметь дело с бездетной и кровожадной незанятой женщиной. Узел тем не менее, я размышлял, наблюдая, как он шагает по террасе и поет мощно с бронзовым горлом, в нем была сила, в них было достаточно жизни эластичные конечности, за этими блестящими серыми глазами, чтобы вести хороший бой даже против накопленных жизненных энергий синьоры Бонди.

Через несколько дней после этого прибыли мой граммофон и две или три коробки с пластинками из Англии. Они были большим утешением для нас на этой горе, потому что они предоставили единственное, что в этом духовно плодородном одиночестве-кроме того, идеальный остров швейцарской семьи Робинсонов — пропало: музыка. В настоящее время во Флоренции не так много музыки, которую можно услышать. Уже это были времена, когда доктор Берни мог путешествовать по всей Италии, слушая последовательность непрерывные новые оперы, симфонии, квартеты и кантаты. Прошли те времена, когда музыкант ученый, уступавший только преподобному отцу мартини из Болоньи, мог восхищаться тем, что крестьяне пели, а ходячие исполнители злились и царапали их инструмент. Я путешествовал неделями по полуострову и редко слышал записку, которая не была “Саломея” или из песни фашистов. Не быть богатым чем-то еще, что делает жизнь приятной или даже терпимые, северные мегаполисы богаты музыкой. Это, пожалуй, единственная причина, по которой разумный человек может найти, чтобы жить там. Другие достопримечательности-организованная радость, люди, смешанные разговоры, социальные удовольствия — вот эти вещи, в конце концов, если не затраты в духе, что ничего не покупает взамен? А потом холод, темнота, гниющая грязь, влага и нечистота… Нет, там, где нет необходимости, кто держит, музыка может быть единственной достопримечательностью. Е это, благодаря гениальному Эдисону, теперь можно взять в коробке и распаковать в любое уединенное место, которое мы хотим посетить. Мы можем жить в Бенине, Нунитоне или Тозер, в Сахаре, и все же слушать квартеты Моцарта, отрывки из Хорошо темперированного клавира, а Пятая симфония, Квинтет для кларнета Брамса и мотеты Палестрины.

Карио, который отправился на станцию со своим мулом и машиной, чтобы забрать коробку, был очень заинтересован на

машине.

— Мы снова послушаем музыку, - сказал он, наблюдая за мной распакуйте граммофон и пластинки. - Людям трудно играть много музыки.

Тем не менее, размышлял я, он мог многое сделать. В теплые ночи мы слышали это, сидеть на пороге своего дома, играть на гитаре и тихо петь. Старший мальчик снимал пронзительно мелодия на мандолине. Иногда вся семья цеплялась, и тьма наполнялась его страстное, хриплое пение. Они пели в основном песни Пьедигротты; и голоса падали пасторально от ноты к ноте, они лениво поднимались или дергались с внезапными акцентами рыдания от одного тона к другому. На расстоянии и под звездами эффект не был неприятным.

- До войны, - продолжал он, - в обычное время (а у Карио была надежда, даже даже вера в то, что нормальные времена вернутся, и жизнь скоро станет такой же легкой и дешевой, как и мы. дни до наводнения — - я ходил послушать оперы в Политеаме. Они были великолепны. Но теперь вход стоит пять лир.

- Это слишком, - согласился я.

- У вас есть Трубатор? - спросил он. Я отрицательно покачал головой.

- “Риголетто 1 ?

- Я так не думаю.

- “Богема”? “Fanciulla dei West”? “Пальяччи”? Мне нужно было продолжать подводить его.

- Норма? Или Барбьер?

Я поставил Баттистини в “La ei darem”из” Дон Жуана”. Он согласился, что пение было хорошим; но я мог видеть, что мне не очень понравилась песня. Почему бы и нет? Ему было трудно объяснить.

- Это не похоже на “Пальяччи”, - сказал он наконец.

- Разве это не пульсирует? - я предложил, используя слово,

которое, как я был уверен, будет для вас. знакомый; это потому, что это проявляется в каждом политическом дискурсе и статье итальянского патриотического фона.

- Не трепещет, - согласился он.

Я подумал, что именно из-за разницы между “Пальяччи” и “Дон Жуан” между пульсирующий и не пульсирующий, что современный музыкальный вкус Moderna отличается от старого. Коррупция лучше, подумал я, хуже. Бетховен учил музыку трепетать своей интеллектуальной страстью и духовный. С тех пор он продолжает пульсировать, но со страстью низших людей. Косвенно, подумал я, Бетховен отвечает за “Парсифаль”, “Пальяччи” и “огненный огонь”; еще более косвенно, для “Sam s on and Delilah” и “Ivy, cling to me”. Мелодии Моцарта могут быть яркими, запоминающимися, заразительными; но они не пульсируют, они не держат нас между ветром и водой, они не восхищают слушателя в эротическом экстазе.

Для Карио и его старших детей мой граммофон, боюсь, был почти разочарованием. Однако они были слишком деликатны, чтобы говорить это открыто. Просто после одного или двух дни перестали проявлять интерес к машине и музыке, которую она играла. Предпочитали гитару и свои углы.

Cuido, с другой стороны, был очень заинтересован. Я ценю подлинную вещь, а не веселые танцевальные песни, под оживленные ритмы которых наш маленький Робин любил топать ногами взад и вперед в комнате, притворяясь целым полком солдат. Я помню, что первая пластинка, которую он услышал, была медленной частью концерта ре минор для двоих скрипки Баха. Это была запись, которую я положил на проигрыватель, как только Карио ушел. Мне показалось, для так сказать, самое музыкальное произведение, которым я мог освежить свой сухой ум, было так долго-самый свежий и ясный из всех дуновений ветра. Движение только что приводя себя в действие и начал разворачивать свои чистые и меланхоличные красавицы в соответствии с законы наиболее точной интеллектуальной логики, когда двое детей, я забочусь впереди и маленький Робин вслед за ним, затаив дыхание, они шумно вошли с лоджии в комнату.

Куидо встал перед граммофоном и стоял неподвижно, слушая. Его глаза одного бледно-серо-голубой расширились; делая маленький нервный жест, который я часто раньше уже смотрела

на него, держала нижнюю губу большим и указательным пальцами. Я должен был много дышать. фон, так как я заметил, что после прослушивания в течение нескольких секунд он сильно истек и взял новый воздушный гольф. На мгновение он посмотрел на меня-вопросительный, изумленный, восхищенный взгляд — он немного рассмеялся, что закончилось своего рода нервным ознобом, и снова посмотрел на источник удивительных звуков. Рабски подражая своему старшему товарищу, Робин тоже стоя перед граммофоном в точно таком же положении, глядя На я забочусь о временах а

времена, чтобы убедиться, что вы делаете все, даже держите его за губу, правильно. После минута или около того, это было скучно, хотя.

- Солдаты, - сказал он, поворачиваясь ко мне. - Мне нужны солдаты. Как в Лондоне.

Он вспомнил регтайм и веселые марши по комнате.

Я поднес палец к губам.

- Потом, - прошептал я.

Робин смог молчать и неподвижно, может быть, еще двадцать секунд. Затем схватил Гвидо за руку, крича:

- Вени, Гвидо! Солдат . Солдати. Vieni ‘ giuocare пайка ti.

Именно тогда я впервые увидел нетерпеливого Гвидо.

- Иди! - хрипло прошептал он. Ударил Робина по руке и толкнул его грубо. Он еще немного сгорбился над инструментом, как будто хотел; слушая еще более интенсивным способом, чтобы компенсировать то, что прерывание заставило его потерять.

Робин с удивлением посмотрел на него. Такого никогда не было. Затем он разрыдался и он пришел ко мне, чтобы утешить его.

Когда помирились - и Гвидо искренне раскаялся, показал себя самым нежно, что он знал, как быть после того, как музыка прекратилась, и его дух снова оказался свободным для размышлений о Робине-я спросил его, нравится ли ему песня. Он сказал, что считает ее красивой. Mas bello по-итальянски это

слишком расплывчатое слово, произносимое слишком легко и часто, чтобы иметь большое значение значение.

— Что тебе понравилось больше всего? — настаивать. Это потому, что он, казалось, так любил музыку, что мне было любопытно узнать, что на самом деле произвело на него впечатление.

Он на мгновение замолчал, задумчиво нахмурившись.

- Ну, - сказал он наконец, - мне понравился этот кусок, который так выглядит.

- И напевал длинную фразу. - Тогда есть еще одна вещь, поющая в то же время… Что это те вещи, - спросил он, прерывая то, что он говорил, - которые поют от этого как?

- Они называются скрипками, - ответил я.

- Скрипки, - повторил он, кивая головой. - Ну, другие скрипки делают так. - Снова напевал. - Почему мы не можем петь как оба одновременно? И что внутри этой коробки? Как она издает этот звук?

Ребенок выселил свои вопросы.

Я ответил как мог, показывая ему маленькие спирали на диске, а игла, диафрагма. Я попросил его вспомнить, как дрожала гитарная струна, когда она была tangida; я сказал ему, что звук-это тряска в воздухе, и я попытался объяснить, как эти тряски были напечатаны на черный диск. Сценарий слушал меня очень серьезно, время от времени кивая головой. У меня был впечатление, что он прекрасно понимает все, что я говорил.

К этому времени, однако, бедный Робин был так ужасно расстроен, что из жалости к нему, мне пришлось отправить обоих детей поиграть в саду. Гвидо послушно ушел; но я мог видеть который предпочел бы остаться в помещении и послушать больше музыки. Вскоре после этого, когда я выглянул, он прятался в темных уголках большого лаврового дерева, ревя, как лев, и Робин, смеясь, но немного нервничая, как будто боясь, что ужасный шум может, в конце концов, превращаясь в рев настоящего льва, окружал дерево с палкой в руке и кричал: - Убирайся, убирайся! Я хочу застрелить тебя.

После обеда, после того, как Робин забрался спать во второй половине дня, он снова появился.

- Теперь можно послушать музыку? — спросить.

В течение часа он сидел перед инструментом, его голова слегка свисала в одну сторону, слушая, как я вставляю одну пластинку за другой.

С тех пор он приходил каждый день. Вскоре я знал всю свою дискотеку, его предпочтения и антипатии, и он знал, как просить то, что он хотел, напевая основную тему.

— Мне это не нравится,-сказал он о “Till Eulen Spie-gel” Штрауса. - Это то же самое к тому, что мы поем в нашем доме. Не то же самое, понимаете? Но я не знаю, как, похоже. Вы понимаете?

Он поднял глаза на нас, озадаченный и умоляющий, как будто умоляя нас, что мы поняли, что он хотел сказать, и таким образом избавили его от жертв, чтобы продолжать объяснять. Мы согласны с головой. Гвидо продолжил!

— Потом, — сказал он, - конец, кажется, не идет прямо с начала. Это не похоже на то, что сэр играл в первый раз.

Он напевал отрывок из медленной части концерта Баха ре минор.

— Это не то, — предложил я, - то же самое, что сказать: все мальчики любят играть. Гвидо мальчик. Вскоре Гвидо любит играть.

Он нахмурился.

- Да, может быть, это все, - сказал он наконец. - Тот, к которому Господь прикоснулся первым, больше вот так. Но знаете? - добавил он с чрезмерным вниманием к правде. - Мне это не нравится играть так же, как Робин.

Вагнер был среди вещей, которые ему не нравились. То же самое было и с Дебюсси. Когда я играл пластинку одного из” Арабесков ” Дебюсси, он прокомментировал:

- Почему он говорит одно и то же несколько раз? Надлежать

сказать что-то новое, или продолжить, или заставить вещь расти. Разве он не может думать в чем-то другом?

Однако это было менее сурово с “Après-Midi d’un Faune”.

- У вещей красивые голоса, - сказал он.

Моцарт сокрушал его от удовольствия. Дуэт “Дон Жуан”, который нашел отец недостаточно пульсирующий, очаровывал Гвидо. Но он предпочитал квартеты и оркестровые пьесы.

- Мне нравится музыка, — сказал он, - больше, чем пение.

Я подумал, что большинство людей больше любят пение, чем музыку; их больше интересует исполнитель, чем за то, что он интерпретирует и находит безличный оркестр менее трогательным, чем солист. Прикосновение пианиста-это человеческое прикосновение, а высокая до сопрано-личная нота. Это из-за от этого прикосновения и той ноты публика заполняет концертные залы.

Однако Гвидо предпочитал музыку. Правда, мне нравилось “La ei DAR”, мне нравилось ” Deh vieni alia finestra”; он нашел “Che soave zefiretto” настолько очаровательным, что почти все наши концерты должны были начинаться с него. Но я бы предпочел другие вещи.

Открытие “Фигаро” было одним из его любимых произведений. Есть проход, не намного позже от начала пьесы, в которой первые скрипки внезапно поднимаются, как ракеты, до вершины красота; когда музыка приближалась к этой точке, я всегда видел, как развивается улыбка и затем он постепенно осветил лицо Гвидо; и когда дело дошло до этого, он ударил хлопайте в ладоши и громко смейтесь от удовольствия.

На другой стороне того же диска была выгравирована увертюра к” Эгмонту ” Бетховена. Он мне это нравилось почти больше, чем Фигаро.

- Больше голосов, - объяснял он. И я был в восторге от Хитрости критики, потому что это именно по богатству своей оркестровки ” Эгмонт “превосходит”Фигаро”.

Но то, что взволновало его больше всего на свете, было открытием “Кориолана”. Посредник часть “Пятой симфонии”, р вторая часть “Седьмой”, медленная часть “Концерт императора” - все эти отрывки нравились ему почти одинаково. Но ни один

пьеса возбудила его так же, как”Корио-Лано”. Однажды ты заставил меня прикоснуться к ней три или четыре раза в следовать. Потом отложил ее в сторону.

- Думаю, я больше не хочу этого слышать, - сказал он.

- Почему бы и нет?

- Это много… многое… - колебался - очень большой, - сказал он наконец. - Я не понимаю. действительно. Прикоснись ко мне той, которая так делает.

Он напевал концертную фразу ре минор.

- Ты любишь это? — спросить. Отрицательно покачал головой.

- Нет, это не совсем так. Но это проще.

- Проще?

Это показалось мне странным выражением для Баха.

-Я ее лучше понимаю.

Однажды днем, когда мы были в середине нашего концерта, появилась синьора Бонди. Вскоре он начал проявлять непреодолимую нежность по отношению к ребенку; целовал ее, давал ей похлопывая по голове, он делал самые позорные комплименты своей внешности. Гвидо отошел от нее.

- А ты любишь музыку? - спросила она. Ребенок утвердительно кивнул.

- Думаю, у него есть дар, — сказал я. - В любом случае, у него есть ухо замечательно и умение слушать и критиковать, которого я никогда не встречал у ребенка этого возраста. Мы думаем об аренде пианино, чтобы он научился играть.

Через мгновение я проклинал себя за неудобную откровенность, восхваляя мальчик. Это потому, что синьора Бонди сразу же начала протестовать, что если бы она могла задача воспитывать мальчика, дать ему лучших учителей, развить его талант, сделать из него непревзойденный дирижер — и, попутно, вундеркинд. На данный момент у меня есть конечно, она обнаружила, что сидит по-матерински, с жемчугом и черным атласом, рядом с огромным Steinway, в то время как ангельский Гвидо, одетый как маленький

лорд Фаунтлерой, избивал листа и Шопена к большому удовольствию переполненного зрительного зала. Она видела букеты и все причудливые Дани цветы, я слышал пальмы и несколько хорошо подобранных слов, с которыми ветераны-дирижеры, тронутые почти до слез, они приветствовали появление маленького джинна. Это стало для нее как никогда важно приобрести ребенка.

— Ты сделал ее бредовой, - сказала Элизабет после того, как синьора Бонди удалилась. — Быть лучше сказать ему в следующий раз, что он совершил обман и что у мальчика нет ни малейшего таланта музыкальный.

В свое время пришло пианино. После того, как вы дадите ему минимальную предварительную инструкцию, я успокоил Гвидо с ним. Он начал с того, что в одиночку взял мелодии, которые он слышал, восстанавливая гармонии, в которых они были заключены. После нескольких уроков он понял основы нотной записи и взял себя в состоянии прочитать простой отрывок с первого взгляда, хотя очень медленно. Весь процесс чтения был ему еще чужд; он выучил буквы каким-то образом, но никто еще не научил его читать целые слова и предложения.

Я воспользовался возможностью в следующий раз, когда увидел синьору Бонди, чтобы заверить ее что Гвидо подвел меня. В его таланте действительно ничего не было. Она притворилась очень грустной в я знал это, но я мог видеть, что он ни на мгновение не поверил тому, что я сказал. Вероятно думал, что мы тоже были после мальчика, и мы хотели взять вундеркинд для нас, прежде чем она смогла навязать свое требование, тем самым лишив ее того, что она считала почти своим феодальное право. В конце концов, разве они не были вашими крестьянами? Если кто-то должен был извлечь выгоду усыновляя ребенка, это должна быть она.

Тактично и дипломатично она возобновила переговоры с Карио. Мальчик сказал ей, у него был гений. Тот, кто сказал ему это, был иностранным джентльменом, очевидно, человеком, который я понимал эти вещи. Если Карио позволит ей усыновить ребенка, она заставит его учиться. Он станет маэстро и выступал в Аргентине, США, Париже и Лондоне. Это выиграет миллионы и миллионы. Возьмем, к примеру, Карузо. Она объяснила, что часть миллионов, естественно, пойдет на Карио. Но прежде чем они

начали входить в эти миллионы, мальчика нужно было научить. Учение, было, однако очень дорого. В своих собственных интересах, как и в интересах своего сына, он должен был позволить ей позаботьтесь о нем. Карио сказал, что подумает, и снова пришел за советом. Мы предлагаем вам что лучше всего в любом случае подождать некоторое время и посмотреть, какой прогресс сделает мальчик.

Несмотря на мои заявления Синьоре Бонди, он добился отличных успехов. Каждый день, пока Робин спал, он пришел на свой концерт и урок. Это было чудесно в чтение; и его мизинцы приобрели силу и ловкость. Что мне показалось наиболее интересным, так это который начал сочинять небольшие пьесы за свой счет. Некоторые из них я записал, пока он я играл в них, и они у меня все еще есть. Как ни странно, большинство из них были канонами. У него была страсть к канон. Когда я объяснил ему принципы формы, он был в восторге.

- Это прекрасно, - сказал он с восхищением. - Красиво, красиво. И так просто.

Снова слово удивило меня. В конце концов, канон не так заметен легкий. С тех пор он проводил большую часть своего времени за фортепиано, создавая небольшие каноны для ваше собственное удовольствие. Они часто были удивительно изобретательны. В изобретении других виды музыки, однако, оказались не такими плодотворными, как я надеялся. Сочинил и гармонизировал одна или две торжественные песни в качестве мелодий гимнов, а также несколько более оживленных пьес в духе военного марша. Они были выдающимися, естественно, как изобретения ребенок. Но многие дети способны делать необычные вещи; мы все гении до десяти лет. Однако я надеялся, что Гвидо будет ребенком, которому суждено стать гением в сорок лет; в этом случае необычных вещей для ребенка не было достаточно экстраординарны для него. “Это не совсем Моцарт”, - согласились мы после мы играем ваши маленькие кусочки. Я чувствовал себя, Должен признаться, почти обиженным. Мне казалось, что вряд ли стоит думать о чем-то меньшем, чем Моцарт.

Он не был Моцартом. Не. Но это был кто-то, как я собирался узнать, в равной степени экстраординарный. Однажды утром в начале лета я сделал открытие. Сидел в тени, тепло от нашего прилавка, который выходил на запад, работает. Гвидо и Робин играли на маленьком закрытый сад внизу. Я поглощен своей работой, я думаю, что только после того, как тишина

затянувшийся на значительное время, я понял, что дети делают замечательно немного шума. Не было ни криков, ни смеха, только тихая речь. Зная по опыту, что когда дети молчат обычно это потому, что они поглощены каким-то восхитительным озорством, я встал-я встал со стула и посмотрел через балюстраду, чтобы увидеть, что они делают. Я надеялся удивить-они играют в воде, разводят костер, покрывают себя смолой. На самом деле то, что я увидел, было Гвидо с обожженной палкой в руке демонстрирует гладкие камни торгового центра что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов других две стороны.

Стоя на коленях на земле, он рисовал на камнях обожженным концом палки. И Робин, подражательно стоя на коленях рядом с ним, я становился, как я мог видеть, очень нетерпеливым с эта слишком неторопливая игра.

- Я позабочусь — - сказал он. Но Гвидо не обращал внимания. Задумчиво хмуриться, он продолжил свою диаграмму. - Гвидо!

- Младший ребенок наклонился, а затем вытянул шею, чтобы посмотреть Гвидо в лицо. — Почему бы тебе не нарисовать поезд?

- Потом, - сказал Гвидо. - Но я просто хочу сначала показать вам это. И так красиво — он добавил adulatòly.

- Но я хочу поезд, - настаивал Робин.

- Через минуту. Подожди минутку.

Тон был почти умоляющим. Робин вооружился новым терпением. Через минуту Гвидо закончил свои две диаграммы.

- Готово! - торжествующе сказал и выпрямился, чтобы посмотреть на них.

- Сейчас я объясню.

Затем он начал демонстрировать теорему Пифагора-не в манере Евклида, а более простой и удовлетворительный метод, который, по всей вероятности, использовался самим собой Пифагор. Я нарисовал квадрат и разделил его парой перпендикуляров крест-накрест, в два равных квадрата и два прямоугольника. Равные прямоугольники он делил на свои диагонали в четыре равных

прямоугольных треугольника. Затем два квадрата показали себя как будучи квадратами по обе стороны любого из этих треугольников, кроме гипотенузы. Это на первой диаграмме. В другом он взял четыре прямоугольных треугольника, в которых они были разделили прямоугольники и снова расположили их вокруг исходного квадрата, чтобы их прямые углы заполнили углы квадрата, гипотенузы были обращены внутрь, а большая и малая стороны треугольников стояли в продолжении по сторонам квадрата (который равны сумме этих сторон). Таким образом, исходный квадрат делится на четыре прямоугольные треугольники и квадрат над гипотенузой. Четыре треугольника равны двум прямоугольники из исходного деления. Следовательно, квадрат гипотенузы равен сумме двух квадраты-квадраты с двух других сторон-где с прямоугольниками исходный квадрат он был впервые разделен.

В очень нетехническом языке, но ясно и с безупречной логикой, Гвидо сделал его демонстрация. Робин слушал, с выражением совершенного непонимания на его блестящем лице веснушчатый.

- Сани, - время от времени повторял он. — Сани. Сделать поезд.

- Через минуту — - умолял я. - Подожди минутку. Но посмотри на это. Посмотреть. - Он лелеял и угождал Робину, чтобы он его обслужил. - Это так красиво. Это так просто.

Так просто… Мне показалось, что теорема Пифагора объясняет музыкальные пристрастия Гвидо. Это был не детский Моцарт, которого мы кормили; это был маленький Архимед с иногда музыкальный наклон, как и большинство представителей его вида.

- Сани, сани!! - кричал Робин, становясь все более беспокойным по поводу продолжения выставка. Когда Гвидо настоял на продолжении демонстрации, он потерял хладнокровие. - Каттиво Гвидо-закричал и начал бить его кулаками.

- Хорошо, - смиренно сказал Гвидо. - Я поеду на поезде.

И своей угольной палкой он начал рисовать на камнях.

Я продолжал молча смотреть на мгновение. Это был не очень хороший поезд. Guido podia уметь самостоятельно изобретать и демонстрировать теорему Пифагора; но он не был великим рисовальщиком.

- Гвидо! - я позвонила. Двое мальчиков повернулись и посмотрели вверх. — Кто научил вас рисовать эти квадраты?

Естественно, было допустимо, чтобы кто-то мог его научить.

— Никто.

Отрицательно покачал головой. Затем, с тревогой, как будто я боюсь, что что-то не так в рисовании квадратов, продолжил извиняться и объяснять.

- Знаешь? — сказать. - Это выглядело так красиво. Потому что эти квадраты-указал на два маленьких квадрата на первом рисунке-они точно такого же размера, как этот. — Быть, указав квадрат гипотенузы на второй диаграмме, поднял на меня глаза улыбка мольба.

Я согласился кивком.

- Да, это очень красиво, — сказал я, - это действительно очень красиво. Выражение восхитительного облегчение появилось на его лице. Смеяться

от удовольствия.

— .Видишь? Это так, - продолжал он, стремясь начать меня в славной тайне, что я узнал. - Вы вырезаете эти два длинных квадрата,-я имел в виду прямоугольники — на два ломтика. Затем остаются четыре ломтика, все точно такие же, потому что, потому что… О, я должен был это было сказано раньше. .. потому что эти длинные квадраты одинаковы, потому что эти линии, продавать… ?

- Но я хочу поезд, - возразил Робин.

Сгорбившись над перилами прилавка, я наблюдал за двумя детьми внизу. Я думал об этом я только что видел и что она имела в виду.

Я думал о огромных различиях, которые существуют между людьми. Мы оцениваем мужчин по цвету глаз и волос, по форме черепов. Было бы неразумно разбивать их на интеллектуальные виды? Между экстремальными ментальными типами были бы еще более широкие различия, чем между боскиманом и скандинавом.

Этот ребенок, подумал я, когда вырастет, будет по отношению к я, интеллектуально, что такое человек по отношению к собаке. И есть другие мужчины и женщины которые, возможно, по отношению ко мне почти как собаки.

Возможно, гениальные люди-единственные настоящие мужчины. За всю историю породы было всего несколько тысяч настоящих мужчин. А остальные из нас-кто мы? Животное способны учиться. Без помощи настоящих мужчин у нас почти ничего не было бы обнаруженный. Почти каждая идея, с которой мы знакомы, никогда бы не пришла в голову как наши. Посеяв там семена, они вырастут; но наши умы никогда не могли иметь-las генерируется спонтанно.

Я думал, что были целые народы собак; целые эпохи, когда не родился ни один Мужчина. От египетских тупых греки получили грубый опыт и практические нормы, и сделали наука. Прошло более тысячи лет, прежде чем у Архимеда появился преемник, сравнимый с он. Был только один Будда, один Иисус, только один Бах, о котором мы знаем, Микеланджело.

Я думал, что это просто случайность, что человек время от времени рождается? Что делает с каким целым созвездием они рождаются одновременно и среди единого народа? ТЭН думал, что Леонардо, Микеланджело и Рафаэль родились, когда они родились, потому что время было созрело для великих художников, а итальянская атмосфера была врожденной. В рот одного французский рационалист XIX века учение странно мистическое. Может быть, даже не так менее верно. Но как насчет тех, кто родился вне времени? Блейк, например. Что сказать их?

Я подумал, что этому ребенку посчастливилось родиться в то время, когда он сможет хорошо наслаждаться ваши возможности. Вы найдете в ваших руках самые тщательные аналитические методы; за ней потрясающий опыт. Предположим, он родился, когда Стоун хендж был

мог бы провести свою жизнь, открывая рудименты, гадая в темноте, теперь, возможно, у меня будет возможность доказать это. Родился во времена завоевания Норманне пришлось бы бороться со всеми предварительными трудностями, созданными символизмом неадекватно; например, потребовались бы долгие годы, чтобы научиться искусству разделения MMMCCCCLXXXVIII

от MCMXIX. В настоящее время через пять лет он узнает, что человек потребовались поколения, чтобы понять это.

Я думал о судьбе всех людей, рожденных так отчаянно вне времени, что они мало или ничего не могли сделать. Бетховен родился в Греции, подумал я, был бы доволен в игре тонких мелодий на флейте или лире; в этой интеллектуальной среде он вряд ли был бы можно представить природу гармонии.

От рисования поездов дети в саду внизу перешли к игре в поезда. Они бегали на колесах; с круглыми надутыми лицами и ртом, делающим клюв, как символ херувим ветра, Робин сделал пуф-пуф, в то время как Гвидо, держась за клапаны своей блузки, тащил за собой ноги, свистя. Бегали взад и вперед, останавливались на станциях. мнимые, заходили в объезды, проносились ревом по мостам, пересекали тоннели, страдали случайные столкновения и крушения. Молодой Архимед казался таким же счастливым, как и маленький варвар, который буксировал его. Несколько минут назад он был занят теоремой Пифагора. Теперь, неустанно свистя по воображаемым рельсам, я был совершенно доволен перетаскиванием ноги вперед и назад между клумбами, между столбами лоджии, входя в темные туннели лаврового дерева и выход из них. Тот факт, что это будет Архимед, не мешает ему быть, пока обычный и веселый ребенок. Я думал об этом странном таланте, отличном и отделенном от остальная часть ума, почти независимая от опыта. Типичные вундеркинды-музыкальные или математика; другие таланты медленно созревают под влиянием опыта и роста эмоциональный. До тридцати лет Бальзак не доказывал ничего, кроме некомпетентности; но четыре года Маленький Моцарт уже был музыкантом и некоторые из самых ярких произведений Паскаля они были сделаны до того, как вышли из подросткового возраста.

В последующие недели я чередовал ежедневные уроки игры на фортепиано с уроками математики. Это были скорее инсинуации, чем уроки, потому что я просто делал предложения, указывал методы и позволял сам ребенок детально развивал идеи. Затем я привел ее к алгебре, показывая-еще одно доказательство теоремы Пифагора. В этом испытании мы опускаем перпендикуляр прямой угол до гипотенузы и, аргументируя это тем, что два треугольника, созданные таким образом, и по отношению к исходному треугольнику, и пропорции между его сторонами следовательно, в алгебраической форме можно показать, что c 2 + d 2 (os квадраты двух других сторон) равны a 2 + b 2 (квадраты двух сегментов гипотенуза) + 2ab; то, что осталось,

как легко продемонстрировать геометрически, равно (A - \ - b) 2 , или пусть квадрат гипотенузы. Гвидо был так же очарован основами алгебры, как и был бы остался, если бы я дал ему паровой двигатель с лампой из метилированного спирта, чтобы нагреть его. котел; возможно, более очарован — потому что двигатель сломался бы и, продолжая быть всегда им сам, в любом случае, в конечном итоге потеряет очарование, в то время как основы алгебры они продолжали расти и цвести в его сознании с непрекращающимся изобилием. Каждый день он делал открытие чего-то, что казалось ему изысканно красивым; новая игрушка была неисчерпаема в его потенциальность.

В интервалах применения алгебры ко второй книге Евклида мы экспериментировали с кругами; мы засовывали бамбук в пересохшую землю, измеряли их тени в разные часы день, и мы делали захватывающие выводы из наших наблюдений. Иногда для шутки, мы разрезали и складывали листы бумаги, чтобы получились кубики и пирамиды. Однажды днем, Гвидо он прибыл, осторожно неся в своих маленьких и довольно грязных руках хрупкий додекаэдр.

- Это так здорово! - сказал он, когда показал нам свой бумажный Кристалл. И когда он я спросил его, как ему это удалось, он просто улыбнулся и сказал, что это легко. Я посмотрел на Элизабет и смеется. Но я подумал, что это было бы более символично, если бы я упал на четвереньки, встряхнул

духовное возвышение моей кости соссіх и лает мое изумленное восхищение.

Это было необычайно жаркое лето. В начале июля наш маленький Робин, непривычный к таким высоким температурам, он начал выглядеть бледным и усталым. Стал апатичным, потерял аппетит и энергию. Врач посоветовал горный воздух. Мы решили пройти десять или следующие двенадцать недель в Швейцарии. Моим прощальным подарком Гвидо были первые шесть книг Евклида по-итальянски. Он переворачивал страницы, экстатически глядя на картинки.

- Если бы я умел правильно читать, - сказал он. - Я такой глупый. Но теперь я действительно попробую учиться.

Из нашего отеля недалеко от Гриндельвальда мы отправили

ребенку от имени Робина несколько открытки с коровами, Альпийскими горами, швейцарскими шале, эдельвейсом и тому подобным. Не мы получили ответы на эти карты; но мы также не ожидали ответов. Гвидо не знал писать, и не было никаких причин, по которым отец или сестры могли бы потрудиться написать за него. Отсутствие новостей, как мы это понимали, это хорошие новости. Однажды, в начале сентября, он достиг отель странное письмо. Менеджер поместил ее на застекленную доску объявлений в вестибюле, чтобы чтобы все гости могли видеть ее и кто бы добросовестно судил, что она принадлежит ей я мог бы потребовать ее. Проходя перед картиной, чтобы пойти на обед, Элизабет остановилась, чтобы посмотреть на нее.

- Но это должно быть от Гвидо, - сказала она.

Я подошел и посмотрел на конверт через ее плечи. На нем не было печати, и он был черным. почтовые марки. Нарисованные карандашом, большие, небезопасные заглавные буквы растянулись

В w его поверхность. В первой строке было написано: AL BABBO I ROBIN. За ним следовала одна костюмированная версия названия отеля и населенного пункта. Вокруг адреса озадачены власти открытки предлагали поправки с каракулями. Письмо бродило в течение двух недель по меньше, из одного места в другое через поверхность Европы.

“Аль Баббо Ди Робин. За отца Робина.” Смеяться. “Очень умными были люди почты чтобы она зашла так далеко”. Я пошел в кабинет менеджера, изложил справедливость своего права на письмо и, заплатив доплату в пятьдесят центов за пропавшую марку, я открыл коробку и письмо было доставлено мне. Мы пошли на обед.

- Лирика великолепна, - смеялись мы, когда внимательно изучали адрес. - Спасибо Евклиду, - добавил я. - Это то, что дает поощрение доминирующей страсти.

Но когда я открыл конверт и посмотрел на его содержимое, я больше не смеялся. Письмо было кратким и стильным почти телеграфный. “SONO DALLA PADHONA, - говорила она, - NON MI PIACE HA RUBATO IL MIO LIBRO NON VOGLIO SUONARE PIU VOGLIO TORNARE A CASA VENÇA ВНЕЗАПНЫЙ ГВИДО”.

- Что?

Я передал письмо Элизабет

- Эта чертова женщина завладела им — - сказал я.

Бюсты мужчин в фетровых шляпах, Ангелы, залитые мраморными слезами задувание свечей, статуй девушек, херувимов, завуалированных фигур, аллегорий и жестоких реализмов - более странные и разнообразные идолы махали и жестикулировали, когда мы проходили мимо. Печатный неизгладимо в олове и инкрустированные в живой скале, коричневые фотографии смотрели наружу, под стеклом, на самых скромных крестах, надгробные камни и сломанные колонны. Господин мертвые в геометрической кубистской манере тридцатилетней давности - два черных атласных конуса встречаются-если острие с острием на талии, а руки: сфера до локтя и полированный цилиндр оттуда до низко-задумчиво улыбались в своих мраморных рамах; улыбающиеся лица и руки белые были единственными узнаваемыми человеческими вещами, которые возникли из твердой геометрии ваша одежда. Мужчины с черными усами, мужчины с белыми бородами, молодые парни с бритым лицом смотрели вперед или отвернулись, чтобы показать римский профиль. Дети в своих лучших проявлениях

накрахмаленная одежда расширила глаза, с надеждой улыбнулась в ожидании птички что я выхожу из объектива камеры, они улыбаются, зная, что я не выйду, они улыбаются изо всех сил и кропотливо, потому что они приказали им это сделать. В огороженных мраморных готических домиках из остроконечных решеток самые богатые мертвые покоились в частном порядке; через решетчатые двери можно было с первого взгляда увидеть безутешных бледных плачущих и обезумевших ангелов, охраняющих тайна гробницы. Менее зажиточные мертвые спали в общинах, близких друг к другу. другие, но элегантно размещенные под непрерывными гладкими мраморными полами, где каждая плита это был вход в отдельную гробницу.

Эти континентальные кладбища, подумал я, когда мы с Карио пробирались между мертвые, они страшнее наших, потому что эти люди уделяют своим мертвым больше внимания чем мы. Этот изначальный культ трупов, эта нежная забота о его благополучии материал, который заставлял древних укрывать своих мертвецов среди камней, в то время как они сами жили между планками и под соломинкой он все еще сохраняется здесь; он сохраняется

здесь, подумал я, более энергично, чем что между нами. Здесь есть сотня жестикулирующих статуй для каждой, которую можно увидеть в английское кладбище. Есть знакомые склепы, более многочисленные, более “роскошно оборудованные” (например говорят о океанских лайнерах и отелях), о том, что можно найти на нашей земле. И инкрустированы во всех надгробные камни есть фотографии, чтобы напомнить костям внутри, превращенным в пыль, которая образует они должны вернуться в Судный день; рядом с каждой из них есть маленькие лампы подвески, чтобы оптимально гореть в День Всех Святых. От человека, который построил Пирамиды, я думал, они ближе, чем мы.

- Если бы я знал, — повторял Карио, - если бы знал.

Его голос доходил до меня через мои размышления, как будто они исходили издалека.

- Иногда он не задавал ни малейшего вопроса. Как я мог знать, что он собирается взять вещи так серьезно после? И она обманула меня, она солгала мне.

Я еще раз заверил его, что это не его вина. Хотя, конечно, это было, в часть. Отчасти это была и моя вина. Я должен был подумать о возможности и принять некоторые провидение против нее. И он не должен был позволить ребенку уйти, даже временно и по опыту, даже если женщина давила на него. И давление было значительный. Прошло более ста лет с тех пор, как они работали на одном участке, люди семья Карио; и она заставила старика угрожать отослать его. Это было бы ужасно покинуть место; кроме того, было нелегко найти другого. Однако было совершенно ясно, что он он мог бы остаться, если бы позволил ей забрать ребенка. Просто немного времени, чтобы начать; просто для посмотреть, как он себя .давать. Не было бы ни малейшего принуждения к тому, чтобы мальчик остался, если бы он этого не сделал хотел остаться. И все это будет на благо Гвидо и его отца, в конце концов. Все, что касается английского он сказал, что он не такой хороший музыкант, как он думал сначала, очевидно, неправда-простая ревность и подлость: человек хотел назвать себя заслугой за то, что Гвидо если бы это было, больше ничего. Что касается мальчика, то было очевидно, что он ничему не научится. Нужно было от действительно хорошего профессионального мастера.

Вся энергия, которая, если бы физики знали, в чем заключается

их обязанность, заставляла бы вращаться Динамо, она работала в той кампании. Это началось в тот момент, когда мы покинули дом, интенсивно. Синьора, несомненно, думала, что у нее будет больше шансов на успех, если она этого не сделает мы были там. Кроме того, было важно воспользоваться этой возможностью и завладеть ребенком раньше что мы сделали нашу попытку — потому что для синьоры было доказано, что мы желаем Гвидо так же сильно, как и она.

День за днем она возобновляла атаку. Через неделю муж пожаловался на состояние виноградных лоз; были в впечатляющем состоянии; он был решительным или почти решительным отправить Карио. Смиренно, стыдно, повинуясь высшим приказам, старый джентльмен высказал свои угрозы. На следующий день синьора Бонди вернулась в атаку. О падроне, по ее словам, пришла в ярость однако она сделает все, что в ее силах, все, что в ее силах, чтобы

замедлить его. И после значительной паузы он снова заговорил о Гвидо.

В конце концов Карио уступил. Женщина была слишком настойчива и имела слишком много козырей. Ребенок я мог бы остаться с ней на месяц или два в качестве эксперимента. После этого, если действительно если бы она выразила желание остаться в ее компании, она могла бы официально усыновить его.

При мысли о том, чтобы провести некоторое время на берегу моря — а это было на берегу моря,-сказала ему синьора Бонди, что они собирались-Гвидо был доволен и взволнован. Я много слышал от Робина о море. “Tanta acqua!“Это казалось ему слишком хорошим, чтобы быть правдой. И он действительно собирался увидеть это чудо. С большой радостью попрощался с семьей.

Однако после отпуска у моря и того, как синьора Бонди отвезла его домой в Флоренция, он начал тоску по дому. Синьора, правда, относилась к нему чрезмерно доброта, покупал ему новую одежду, водил на чай на Виа Торнабуони и наполнял его торты, клубничное мороженое, взбитые сливки и шоколад. Но я заставлял его играть на фортепиано больше, чем он был рад и, что было еще хуже, взял своего Евклида на том основании, что потратил слишком много времени с ним. Когда он сказал, что

хочет вернуться домой, он обманул его обещаниями, извинениями и откровенная ложь. Я сказал ему, что не могу забрать его сразу, но на следующей неделе, если бы он был хорош и к тому времени приложил немало усилий для игры на пианино, на следующей неделе … И когда настал случай, она сказала ему, что отец не хочет, чтобы он вернулся. Удвоил свои уговоры, дал ему дорогие подарки, наполнили его еще более нездоровой пищей. Без малейшего эффекта. Гвидо нет ему нравилась его новая жизнь, он не хотел практиковать гаммы, он вздыхал из-за своей книги и жаждал вернуться к компания братьев и сестер. Тем временем синьора Бонди продолжала ждать, пока время и в один прекрасный день ребенок останется в нем, а семья ребенка останется в нем. вдалеке я писал Карио несколько раз за несколько дней письма, которые притворялись, что все еще уходят с пляжа (ему было трудно отправить их другу, который отправил их обратно во Флоренцию) и в которых он нарисовал самую очаровательную картину счастья Гвидо.

Именно тогда Гвидо написал мне свое письмо. Брошенный, как я предполагал, семьей — потому что тот факт, что они не удосужились пойти к нему, когда они были так тяжелы, мог быть только объяснено гипотезой, что они действительно бросили его-он, должно быть, искал меня как своего последняя и единственная надежда. И письмо с его фантастическим адресом заняло почти две недели, чтобы добраться до места назначения. Две недели-это должно было казаться сотнями лет; и как века сменяли друг друга, постепенно, несомненно, бедный ребенок убедился, что я тоже бросил ее. Надежды не осталось.

- Это здесь, - сказал Карио.

Я поднял глаза и увидел себя перед огромным памятником. В своего рода раскопанном гроте на флангах монолита из серого песчаника Священная любовь из бронзы обнимала погребальный. И в бронзовых буквах, прикрепленных к камню, была длинная подпись, чтобы сказать, что безутешный Эрнесто Бонди воздвиг этот памятник памяти любимой жены Аннунциаты, как символ его бессмертной любви к тому, у кого, украденной у него безвременной смертью, он я очень скоро надеялся собраться под этим надгробием. Первая синьора Бонди скончалась в 1912. Я думал о старике, привязанном к его белой собаке; он, должно быть, всегда был очень слюнявым мужем, думать.

Его похоронили здесь.

Мы долго стояли там в тишине. Я чувствовал, как слезы доходят до моих глаз, пока я думал о бедном ребенке, который лежал внизу. Я думал об этих серьезных глазах и светящиеся, в изгибе этого прекрасного лба, в опавших углах меланхоличного рта, в выражении удовольствие, которое освещало его лицо, когда он встречал какую-то новую идею, которая ему нравилась, когда я слушал музыку, которая мне нравилась. И это маленькое прекрасное существо было мертвым; дух, обитавший в этой форме, удивительный дух, также был уничтожен почти до того, как он имел существовать.

И несчастье, которое должно было предшествовать последнему акту, отчаяние ребенка, убежденность в его полный отказ — было ужасно думать об этих вещах, ужасно.

- Думаю, теперь нам лучше уйти — - сказал я наконец, касаясь руки Карио. Он стоял там, стоя, как слепой, его глаза были закрыты, его лицо слегка поднятый к свету; между его закрытыми веками текли слезы, стояли висели на мгновение и спускались по его щекам. Его губы дрожали, и я мог видеть, что он я старался держать их в покое.

- Мы уходим — - повторил я. 164

Лицо, которое было неподвижно в его печали, внезапно содрогнулось. Глаза открылись, и сквозь слезы в них вспыхнула бурная ярость.

-Я убью ее, - сказал он. - Я убью ее. Когда я думаю о том, как он выбрасывает себя, падение по воздуху… - Обеими руками сделал жестокий жест, подняв их с головы вниз и остановив их внезапным толчком, когда они достигли уровня груди. - А потом стук. — Он вздрогнул. - Она так же ответственна, как будто толкнула его. Я убью ее.

Стиснул зубы.

Злиться легче, чем грустить, менее болезненно. Это утешительно думать о мщение.

- Не говори так — - сказал я. - Бесполезно. Это глупо. И в чем будет преимущество?

У него были такие приступы раньше, когда страдания

становились слишком болезненными и от него нужно было убежать. Холера-самый простой способ убежать. Я уже нуждался в этом, до этого, убедить его вернуться на трудный путь страданий.

- Глупо так говорить — - повторил я и увез его через жуткий лабиринт могилы, где смерть казалась еще страшнее, чем есть,

Когда мы покидаем кладбище и спускаемся пешком из Сан-Миниато на площадь Микеланджело внизу он стал спокойнее. Его гнев снова утих, и он вернулся к печали там, где был. извлекли всю свою силу и горечь. На площади Пьяццале мы останавливаемся на мгновение, чтобы созерцать город нет.это ниже нас. Это был день плавающих облаков-большие формы, белые, золотые и серые, а между ними-тонкие и прозрачные голубые. С его фонариком почти к уровень наших глаз,.купол собора раскрылся во всей своей грандиозной легкости, просторности и эфирная сила. Над бесчисленными коричневыми и розовыми крышами города падало вечернее солнце нежно, роскошно, и башни стояли, как будто покрытые лаком и эмалью из старого золота. Я думал обо всех людях, которые там жили, оставили видимые следы своего духа и они придумали необычные вещи. Я думал о мертвом мальчике.

Оригинальное название: Little Mexican Обложка

MARCOS MAURICIO AUTRAN Опубликовано в 1986 г.